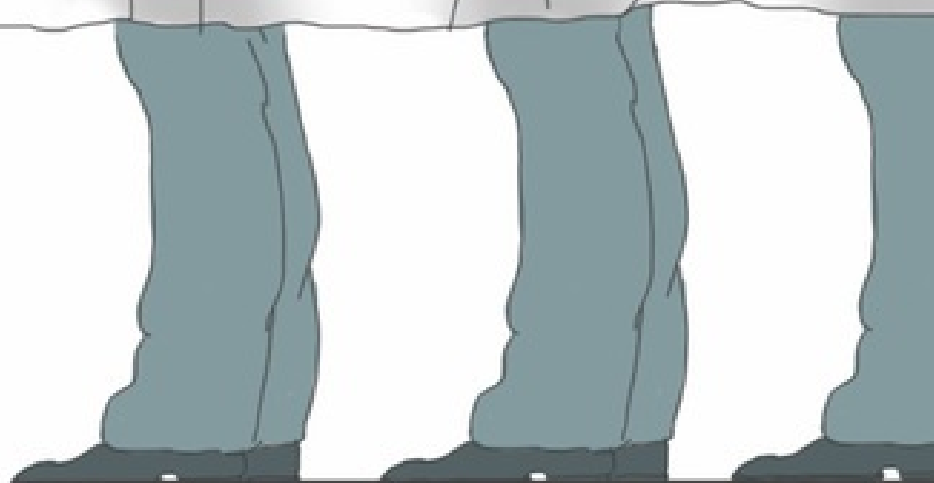

Александр Цыпкин

ЖЕНЩИНЫ НЕПРЕКЛОННОГО ВОЗРАСТА

И ДР. БЕСПРИНЦИПНЫЕ ИСТОРИИ

Annotation

«В этих историях все странно, неожиданно, но при этом парадоксальным образом достоверно. От этого делается легко, свободно и весело. Читая книгу „Женщины непреклонного возраста“, я смеялся. Иногда – неприлично громко». Андрей Аствацатуров От редакции: Хулиганская лирика харизматичного питерского пиарщика и журналиста Александра Цыпкина заслуженно переросла сетевой успех и популярность в периодических СМИ. Эта книга в основном заставит вас смеяться, один раз плакать, но главное она вернет аппетит к жизни, а может – и любовь к людям.

- [Александр Цыпкин](#)
 -
 -
 - [Комедии секс-положений](#)
 - [Свадебное насилие](#)
 - [Этюд заботливо-бордельный](#)
 - [Свидетель](#)
 - [Новогодний брак](#)
 - [Сценарий для порно без happy-end](#)
 - [Обмани меня, если сможешь](#)
 - [Этюд шиномонтажно-бордельный](#)
 - [Почетная смерть](#)
 - [Наш ответ BDSM, или Общество защиты животных](#)
 - [Суд из-за неудобной упаковки презервативов](#)
 - [50 оттенков счастья](#)
 - [@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего](#)
 - [Женщины непреклонного возраста](#)
 - [Кимченюра](#)
 - [Вербовка](#)
 - [Подруги](#)
 - [Порядочный человек](#)
 - [Яхтенная жертва](#)
 - [Тетушка](#)
 - [Нокаут](#)
 - [Одинокая эротика](#)

- [Пленных не брать](#)
 - [Лень](#)
 - [Племяш – наш, или Куда приводят звонки](#)
 - [Рука](#)
 - [@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего](#)
 - [Из личных показаний](#)
 -
 - [Миллионы гениев в мензурке](#)
 - [Уважение](#)
 - [Как Ясир Арафат меня спас](#)
 - [SOS. Save our safe](#)
 - [Гимн а ля рюс](#)
 - [Игра на понижение](#)
 - [Гордость нации](#)
 - [@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего](#)
 - [Наше будущее](#)
 - [Рассказы израильских таксистов о любви](#)
 -
 - [Не щемит](#)
 - [Верующие](#)
 - [Еврейский русский патриот](#)
 - [Индульгенция](#)
 - [@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего](#)
 - [Код петербуржца](#)
 -
 - [@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего](#)
 - [Made in Москва](#)
 - [Немного Швеции в невиской воде](#)
 -
 - [Страх и ненависть в Петербурге](#)
 - [Разрыв шаблона](#)
 - [Ответ ценою в десять лет](#)
 - [Томатный сок](#)
 - [Приложение, или Bonus Track](#)
-
-

Александр Цыпкин

Женщины непреклонного возраста

и др. беспринципные рассказы

Рассказы «Обмани меня, если сможешь», «Новогодний брак», «Сценарий для порно без happy-end», «Миллионы гениев» и «Суд из-за неудобной упаковки презервативов» впервые опубликованы в журнале Cosmopolitan.

© Александр Цыпкин, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Посвящается мне

Комедии секс-положений

Свадебное насилие

«Цыпкин, мне конец. Я ночью ударил Катю, но не очень помню, за что и как, хотя это уже не важно. Она плачет и говорит, что не может выйти из номера с подбитым глазом. Ее папа меня убьет, ты же его видел».

Вот такой звонок я получил из гостиничного номера, в котором мой друг проводил свою брачную ночь. Утро после свадьбы и так-то тяжелое испытание, а тут вообще кошмар. Но обо всем по порядку.

Гена жениться не собирался, ни на Кате, ни в принципе.

Он был из интеллигентной петербургской семьи. Все ученые, некоторые указаны в энциклопедии. Бабушка, разумеется, еврейка. Небогатые.

Катя приехала в Петербург из Рязани. В семье все военные, даже домашние животные. Папа, разумеется, бывший десантник. Богатые.

Гена увидел фотографию папы утром после, так сказать, незащищенного соития и сразу все понял. Бабушка учила Гену смотреть в родословную до первого свидания, так как никогда не знаешь, чем оно может закончиться, но Гена бабушку не слушал.

В итоге Катя вдруг стала беременна. Девушке повезло с семьей отца ребенка, они были люди глубоко порядочные, поэтому жениться Гену обязали, правда вот Катю в полноценные родственники приняли не сразу. Эта дихотомия, кстати, довела до развода не одну разноклассовую пару, так как ощущать себя женщиной второго сорта, которая неожиданно свалилась на обожаемого сына или внука, удовольствие сомнительное, особенно если из зоопарка тебя вроде бы выпустили, но относятся все равно как к говорящей барсучихе. А если еще есть различия и в материальном статусе и представители интеллигенции значительно беднее, то положение девушки иногда становится совершенно невыносимым. Она виновата и в том, что недостаточно изысканна, и в том, что слишком богата.

Но все это были возможные детали будущего. В настоящем нужно было решать вопрос со свадьбой. При подсчете количества гостей выяснилось, что силы совершенно неравны. Интеллигенция выставила на поле двенадцать человек, в основном травмированных и с низкой мотивацией. Пролетариат с купечеством аж пятьдесят девять, собранных со всей страны, из которых двадцати четырех Катя никогда не видела, а двадцати трех никогда не хотела бы видеть. Все они рвались в бой, точнее

в Петербург на свадьбу «нашей Катеньки» с человеком, чей прадедушка упомянут в Большой советской энциклопедии. Практически же «говорящая собачка», надо же посмотреть, потрогать, не говоря уже о проверке его на прочность, о которой мечтали друзья отца по ВДВ. Родственники Гены, как понятно, никого вообще не хотели видеть и особенно слышать.

Расходы на этот товарищеский матч взяла на себя команда гостей.

Свадьбу можно описать одним словом: похороны. Это слово отображало выражение лиц команды жениха, самого жениха и невесты. Также хотелось похоронить ведущего, музыкантов и поваров. О самом поводе забыли так же быстро, как забывают на поминках о покойнике, когда в траурный день начинаются чуть ли не пьяные танцы гостей с разных сторон усопшего. Через два часа после начала матча судья утратил контроль над игрой и был удален с поля. Началась русская свадьба, бессмысленная и бессмысленная.

Дядя невесты, прибывший из Ростова-на-Дону, начал пить еще в Ростове-на-Дону и так в этом преуспел, что забыл о своей жене, хотя забыть о таком объемном грузе было сложно, и пытался пригласить на медленный танец Генину маму, которая вмерзла в стул, но дядю это не смутило, и он поднял ее вместе с ним. Под бурные аплодисменты кубанский казак покругил стул с полумертвой преподавательницей филфака по зале и уронил их обоих практически в торт.

Конкурсы были настолько глупы и абсурдны, что даже неизбалованные анимацией гости из-под Рязани (были из Рязани, а были из-под) их освистали и предложили всем начать носить своих спутниц вместе со стульями по примеру ростовского товарища. Визг, крик и поломанная мебель.

Катина мама, женщина простая, но добрая и чрезвычайно воспитанная подсела за стол к Генкиным родителям и обнадежила: «Вы потерпите, пожалуйста, я все понимаю».

Потом пошла траурная процессия с ненужными подарками и нужными конвертами, затем реквием, тьфу, танец под песню «Потому что нельзя быть на свете красивой такой» и наконец кидание венков в толпу потенциальных невест.

Оскорбленная поступком мужа жена ростовского танцора сказала, что тоже будет ловить венки, и, придавив парочку незамужних девиц, заполучила-таки пропуск в следующий брак.

Один из гостей подошел к Генкиной бабушке с какими-то несуразными комплиментами и закончил все восхитительной фразой: «Ведь есть же и среди евреев хорошие люди».

После этого бабушка поделилась со мной опасением: «М-да, жениться это полбеда, важно как потом разводиться, а здесь боюсь, если что, миром не получится».

Друзья Катиного отца посадили меня с женихом за стол и стали заливать водку в наши тщедушные тела, параллельно обучая жениха хитростям семейной жизни.

«Генка, ты главное бабу не распускай! И запомни, от хорошего леща еще никто не умирал, нет, конечно бить женщину нельзя, но леща прописать можно!» – учил жизни моего друга человек с запястьем размером с Генкину голову.

Свадьба гремела на весь отель, я попытался затащить в заранее снятый номер одинокую подругу невесты, но она оказалась девушкой с принципами, и затащить мне удалось лишь бутылку виски. С ней я и заснул.

Утром меня разбудил озвученный, упомянутый выше звонок.

«Саня, делать, делать-то что? Я, главное, не понимаю, за что я ее так, мы же сразу заснули почти, когда я успел? И ты же меня знаешь, я муху не обижу, а Катька, она такая нежная. Господи, как я мог...»

«А Катя не помнит?»

«Да она вообще до сих пор только мычать может, убралась в полный салат, хотя, как в зеркало посмотрела, протрезвела немного, но, когда я ее ударил, не помнит, говорит только, папа меня убьет, и что она не думала, что я в принципе способен поднять руку на женщину. Я тоже так не думал».

Отмечу, что Генка среди нас был самый приличный. Ко всем, даже самым мимолетным, знакомым он относился как к лучшим друзьям, всегда провожал домой, искренне заботился, говорил о девичьих проблемах часами, если от него этого хотели. В общем, мы стыдились себя в лучах Генкиной добродетельности. И тут избить жену. Хотя один раз я видел, как у него слетает голова с катушек, и тогда он был страшен. Отмечу, и тот случай произошел при участии алкоголя.

Тем не менее проблему надо было решать. Голова у меня разрывалась, и я попросил в roomservice принести мне бутылку пива. Пришедший официант спросил меня:

«Невеста-то как, жива? Досталось ей вчера...»

Я поперхнулся.

«В смысле?»

Оказалось, что моя жажда пива спасла ячейку общества и лично новоиспеченного мужа. Гена с Катей, точнее с телом Кати, пошли спать

в свой номер. В это же время официант roomservice нес заказ в соседнюю комнату и увидел следующую картину. Невеста, больше напоминавшая свернутый ковер, была прислонена к стене, а Гена пытался вставить карточку в щель замка. Когда это удалось, он открыл дверь в номер, взял Катю на руки, как обычно это делает прекрасный принц, и попытался внести невесту в дом. Болтающиеся ноги невесты бились при этом о левый косяк двери, а безжизненная голова – о правый. Гена был так накачан водкой, что мог оценить только одно событие: Катя в дверь не входила, а вот почему это происходило, он не понимал и поэтому пытался ее так внести раза три (последний почти с разбегу), пока официант его не остановил. Гена его послал, но послушал и затащил невесту бочком.

Я позвонил Гене и все рассказал, затем схватил официанта в охапку и пошел искать Катиного папу. Он был найден на завтраке трезвым, бодрым и чисто выбритым. Только при мне бывший военный выпил почти 0,7. Да. Вот это закалка. Послушав трагическую историю, он кратко и без лишних эмоций все расставил по местам: «Походит в темных очках неделю, и всего делов, а муж молодец, хотел традицию соблюсти».

Вечером молодожены улетели в путешествие, на всех фотографиях Катя была в огромных солнечных очках, и про насилие в семье больше никто не узнал. Они, кстати, так и не развелись, более того, бабушка взяла на себя роль профессора, и через год Дуллитл было не узнать. Сдружились даже отцы, за исключением одного разногласия. Тщедушный Генкин папа просит отдать внука в рязанское училище ВДВ, а десантник – лоббирует СПбГУ. Каждый вымещает свои комплексы на детях как умеет.

P. S. И еще немного про Генкину семью. На момент свадьбы Катя уже не была беременна, не сложилось в тот раз, к сожалению. Она переживала, боялась, что ей не поверят, подумают, что она, в принципе, это все придумала, или что жених отзовет предложение, но воспитание есть воспитание. Когда Гена сообщил своим о проблеме, бабушка спокойно сказала:

– Уверена, на твои планы относительно женитьбы это не повлияет. Не позвать замуж беременную девушку – трусость, а вот отказаться от потерявшей ребенка – это уже предательство. Данте оставил для таких последний круг. Я тебе не советую.

– Бабушка, я и без Данте понимаю, что можно, а что нельзя.

Этюд заботливо-бордельный

Быть тоньше – не значит выбирать слова, а лишь выбирать время для слов.

Итак, кто не знает, в юности я изучал петербургские публичные дома (не похоти ради, а токмо волею пославшего меня туда главного редактора). Местные гражданки странного посетителя приняли хорошо, платил я за болтовню как за любовь, и они подробно рассказывали занятные истории из своей неоднозначной трудовой деятельности. Я далек от романтизации данного образа жизни, драм там было предостаточно, но и веселые, даже сказал бы светлые события происходили регулярно.

Одним из постоянных клиентов борделя на улице Марата был крупный научный деятель. Представим себе, что звали его Арсений Михайлович. Ученому было к семидесяти, милейший дедушка, который считал ниже своего достоинства развращать студенток, а исполнять супружеский долг со своей любовью юности, ставшей женой лет 40 назад, было выше его сил, да и ее тоже. Тем не менее супругу он любил всем сердцем, о чем знал весь бордельный профсоюз, в остальном был ей верен и, более того, даже в публичном доме связал себя узами распутства с одной только девушкой. Звали ее Алиса, в миру Антонина из Луги. Ходил дедушка к Алисе как на заседание кафедры, раз в две недели, заслужил право звать ее настоящим именем, приносил всем конфеты и даже имел в данной квартире собственные тапочки. Также Арсений Михайлович хранил в местном баре армянский коньяк, который девушки считали дешевым пойлом, а профессорские упоминания Черчилля считали ругательством.

Помимо научных трудов, Арсений Михайлович что-то намутил в Перестройку и, в общем, не бедствовал, а родной институт даже обеспечил его извозчиком. Как я уже сказал, ученый наш любил свою жену и подходил к вопросу конспирации со всей строгостью науки, так как обоснованно считал, что такого адюльтера старорежимная женщина не переживет и не простит. Водителя отпускал за два квартала, периодически меняя диспозицию. Но так как на улице Марата было несколько имевших отношение к его работе учреждений, то подозрений поездки не вызывали. Также внимательно профессор относился и к другим деталям: инспектировал одежду на предмет случайных женских волос,

тщательно мылся в душе, уходя проверял наличие всех вещей и четко соблюдал расписание.

Однажды осенью Арсений Михайлович пришел в обычное время, сразу был препровожден в комнату, присел на кровать и попросил свой коньяк. Алиса-Антонина заболталась с другими девушками и появилась в комнате минут через пять.

Профессор спал.

Она попыталась разбудить его, но из уважения к заслугам клиента делала это нежно и заботливо. Арсений Михайлович частично вернулся в сознание:

– Тонечка, я посплю немного, ты только не буди пока, я за все заплачу, просто встал сегодня очень рано...

Он достал из неснятых брюк сумму за два часа, отдал Алисе и засопел. Лужская девушка была сердцем добра, дедушку раздела, накрыла одеялом и попросила работниц соседних комнат стонать вполсилы.

Арсений Михайлович, не выходя толком из сна, продлевал его два раза, и постепенно наступил вечер.

Около девяти в регистратуре борделя раздался звонок:

– Девушка, добрый вечер. Скажите, а Арсений Михайлович до сих пор у вас? Я его жена и как-то уже начинаю волноваться, пятый час пошел. Не нужно только вешать трубку, я все знаю, он у вас бывает через среду. Сегодня он в сером костюме, красном галстуке и на нем белые в зеленую полоску трусы, так что я точно его жена. Просто поймите меня правильно – человек пожилой и обычно он от вас через час выходит, а тут застрял. Водитель порывается к вам подняться, звонит, спрашивает «что делать?», а зачем нам всем скандал? Так с ним всё хорошо?

Начальница регистратуры, выдавшая на своем веку многое, ненадолго потеряла дар речи и надолго обрела уважение к институту брака.

– Понимаете... он спит... Говорит, устал, но мы только полчаса назад проверяли – с ним все хорошо.

Сидевшая напротив Алиса начала отчаянно жестикулировать, пытаясь перерезать телефонный шнур взглядом.

– Вы уверены? А он уже сделал то, зачем пришел или еще нет? – ровным голосом спросила жена профессора, как будто речь шла о библиотеке.

Потерявшая всякое чувство реальности происходящего управляющая борделем голосом зав. библиотеки ответила:

– Пока нет. Он сразу лег и просил не мешать, мы даже тише себя ведем. Может, разбудить?

– Ладно. Давайте, через полчаса будите его, иначе он совсем застрянет, начнет волноваться и придумывать всякую ерунду, а он такой плохой врун, что мне больно на его мучения смотреть. А раз уж этот разговор состоялся, скажите... как мужчина он здоров, все хорошо? Вы же понимаете, пока к вам ходит, жить будет, – в голосе жены профессора не было ни слезливой сентиментальности, ни лицемерия. Она просто поинтересовалась здоровьем супруга.

– Ну, у нас такие мастерицы, что любой здоровым будет, – пошутила из астрала «заведующая библиотекой». – Но ваш супруг еще в полном порядке, так что жить ему долго!

– Ну и слава богу. Еще момент. Если вы хотите, чтобы Арсений Михайлович и далее продолжал приходить именно к вам, о нашем разговоре ему ни слова. Всего доброго.

После нескольких минут тишины обе девушки начали медленно приходить в себя.

– Кто бы нас так любил, как она его...

– Кто бы нам мозги такие дал... – ответила Антонина.

Через указанное начальством время Арсений Михайлович был разбужен. Посмотрев на часы, он начал причитать, заламывать руки, пытаться придумать объяснение для жены и через десять минут «преждевременно эякулировал» из гостеприимной квартиры. До любви дело не дошло.

Та самая управделами борделя рассказала мне эту историю через полгода после описанных событий. Алиса уже бросила работу, оплатив последний год обучения. Кстати, профессионалы отрасли говорят, что кое-как и не всем, но все-таки выскочить из капкана можно, если только не проработал больше года. Дальше наступают уже совсем необратимые изменения в душе и в мировоззрении. Арсений Михайлович погоревал, но, как истинный джентльмен, замену ей искать в той же квартире не стал.

В память о дивной истории (которая, возможно, озвучена не только мне и не только мною), в баре стоял его армянский коньяк. Я отпил и поспорил с Л. Н. Толстым. Все семьи и несчастливы по-разному, и счастливы неодинаково.

Свидетель

Дубай. Отдых. В районе полудня иду по одиноким коридорам своего отеля. Тихо. И вдруг в тишине стон, и еще один, и еще... хороший такой, без истерики и театра, слышно, что скромной и скрытной женщине очень-очень хорошо. Заслушался... когда сам участвуешь в процессе, как-то не удается вдумчиво слушать эти прекрасные звуки. Столько других мыслей отвлекает: «А хорош ли я? А хорошо ли ей? А скоро ли футбол? А что там в „Игре престолов“? А оральный секс все-таки лучше, ну и т. д.».

А тут такой искренний чистый звук. Минуту, наверное, стоял. Наконец стало неудобно, пошел, завернул за угол, а там – парнишка лет 12–13 с красным лицом, круглыми глазами и смесью ядерного любопытства и термоядерного страха... Встретились взглядами. Он сначала стушевался, но я дал понять, что мы с ним оба слушатели, говорю:

– Sounds great! (Отличный звук.)

– Оу, yes, mmm... it's my mom, you know, i just wanna take my phone...
(Да, вообще-то это моя мама... а мне надо за телефоном зайти.)

Новогодний брак

Если речь идет о чувствах, интуиция почти никогда не обманывает нас. Мы же почти всегда пытаемся ей не поверить. Мы верим в «почти».

Судьба – это не рулетка, а программный код. Никаких случайностей. Ошибочные смс (это первая из ряда историй с таким сюжетом) никогда случайно не отправляются.

Итак, где-то в начале века мой скучный друг Аркаша встал на тернистый путь моногамии. Шел он по нему с девушкой по имени Анна.

У Ани были изящные руки и озерцо обаяния. Пожалуй, всё. Красоты особенной в ней не наблюдалось, да и магии тоже.

Несмотря на это, Аркаша был к барышне привязан и даже строил какие-то планы:

– Я уже готов начать размышлять о том, что пора задуматься о возможности сделать через несколько лет намеков на перспективу свадьбы.

Но дальше размышлений жених не заходил. Всегда забавно наблюдать за мужчинами, считающими, что они – властелины времени.

Наступило 31 декабря. Мы собирались большой компанией вставить бенгальские огни в оливье и заснуть лицом в бланманже, приготовленном моей тетей Верой. Для подготовки к этому сакральному событию я направился в квартиру Аркаши прямо с утра. Мешать спирт с вареньем и селедку со свеклой. Хозяин квартиры встретил меня следующим пресс-релизом:

– Сань, тут такое дело... ты меня знаешь, я не такой уж бабник, но вчера встретил на улице Киру Азарову. Помнишь, из моей группы? В общем, если я сейчас ей напишу, она днем приедет поздравить, так сказать.

– Аркаша, я ее очень хорошо помню, но ты же верный, как кирпичи мавзолея, мы тобой все гордимся! С чего вдруг тебя так понесло?

– Знаешь, иногда смотришь девушке в глаза и понимаешь, что собой не владеешь. Это так редко бывает в жизни. Ну как мне остановиться... да и закрывать этот гештальт нужно, – Аркаша был таким занудой, что прочел всю околосексуальную литературу.

Герой потыкал в телефон и, довольный, наконец сообщил:

– Цыпкин, вали домой до пяти минимум, жребий брошен,

как говаривал Наполеон.

– Вообще-то, Цезарь. И что ты там бросил?

– Читай.

Я стал читать оправленное им сообщение:

«Кира, жду Вас в два часа, чтобы романтически проводить Новый год, держать в руках себя не обещаю, уж слишком Вы прекрасны для моей скучной жизни».

Аркаша сидел и курил. Счастливый, торжествующий, со взглядом Цезаря, входящего сразу в Нью-Йорк.

Все было прекрасно в этом сообщении. Стиль, посыл, лаконичность и особенно адресат. Аркаша отправил его своей Ане.

Я смотрел на своего друга и удивлялся материальности мыслей.

– Аркаша... ты его Ане отправил.

Сказать, что мой друг покрылся инеем – это не сказать ничего. В тот момент, когда я озвучил ему приговор, он сладостно выдыхал табачный дым. После моих слов дым еще минуты две шел из его открытого рта, как пар из кипящего чайника. Я медленно вынул сигарету из его окостеневших рук.

Еще через минуту он холодным голосом сказал:

– Я только что ее убил.

– А Кира – мужское имя, может как-то это обыграть? – Я неуклюже пытался найти решение.

Казалось, он не услышал моих слов:

– И дело же не в том, что я скотина и она меня бросит. Аня не то чтобы очень красивая, и знает об этом.

А фотографию Киры она видела. Нельзя бить в самое больное место. Нельзя.

Аркаша был прав. И действительно, уж если уходить в левый ряд, то не с тем, кто круче твоего партнера по его ключевому комплексу неполноценности. Но в тот момент я вспомнил бабушкины слова: «Интеллигент совершает те же низости, что и обычный человек, но при этом очень переживает». Кстати, с этой точки зрения, я – истинный интеллигент.

– Позвони ей, мне кажется, найдутся слова.

– Она не ответит, – Аркаша ушел в другую комнату, но скоро вернулся. – Бесполезно.

– Давай так: ты ей напиши, что это я случайно отправил с твоего телефона, у нас же одинаковые «Ноки». Ну а я скажу, что они у тебя в телефонной книге записаны рядом.

– Очень логично, что Аня и Кира идут друг за другом. Хотя Кира же Азарова, может, и правда, прокатит...

Смс с объяснениями улетела. Ответа не последовало.

Аркаша взял телефон и стал методично что-то набирать.

– Я сознался во всем своем мелком вранье, сказал, что между мной и Кирой ничего не было, что это было просто наваждение какое-то и попросил меня простить...

Звонок. Тонуций в болоте не так хватается за камыш, как Аркаша рванул к трубке... Но брать ее не стал.

– Это Кира. Сань, ответь, что я умер, или что меня инопланетяне забрали, или что ко мне жена приехала.

Занятно, как иногда быстро проходит одержимость и все эти «собой не владею...»

– Насчет жены – смешно.

Аркаша задумался и вдруг отрезал:

– Знаешь, а я поеду предложение сделаю!

– Что?! Ты сейчас неадекватен и просто хочешь как-то проблему решить!

– Ты меня часто неадекватным видел?

– Согласен. Неадекватность – это дар Божий, не всем он дается.

Через час молчания мы стояли у двери Аниной квартиры. То, что она дома, Аркаше было известно, так как они еще утром договорились, что он ее заберет вместе с каким-то салатом.

Обычно флегматичный, Аркаша нервно поправлял волосы, расстегивал и застегивал куртку, заглядывал в мои глаза, как будто ждал ответа не от Ани, а от меня.

«Эко его скрутило», – с завистью подумал я.

Я позвонил. Замок повернулся. По лицу Ани все было понятно.

– Мальчики, простите ради бога, я все проспала... Я только сейчас увидела все звонки пропущенные, и там еще смс куча. А вы, наверное, испереживались...

Аркашу можно было сразу сдавать в музей мадам Тюссо. Его душа не могла выдержать второго такого удара.

Пока не дошло дело до третьего, я решил избавить Аню от удовольствия прочитать «кучу смс».

– Аня, дай, пожалуйста, свой телефон, мой сел.

Я взял аппарат и ушел на кухню. Чистка компромата заняла пару минут.

– Аркаша, тебе какая-то Кира звонит! – Послышалось из гостиной.

Я вошел, взял телефон, и сказал:

– Это она мне звонит, мой же сел, я дал Аркашин номер.

Мне показалось, что в глазах друга даже мелькнула ревность.

Р. S. В Киру я по уши влюбился, растерял весь цинизм, ползал в грязи, целовал шнурки, строчил жалостливые письма, требовал внимания, ныл, что готов на все, превратился в истерика и был ожидаемо послан через три месяца. Еще три месяца проходил реабилитацию. Представляю, что бы она с Аркашей сделала! Одних гештальтов на полжизни оставила бы.

Р. Р. S. Предложение в тот вечер Аркаша не сделал. И правильно. Любовь – чувство свободных в выборе, а не тех, кто в данный момент до смерти боится кого-то потерять или мучается чувством вины. Может, я ошибаюсь, но эмоции, рожденные под давлением извне, не являются настоящими. Уйдет давление – уйдут эмоции. Как говаривала одна моя мудрейшая знакомая: «Ничто так не убивает безответную любовь, как год взаимности».

Сценарий для порно без happy-end

История о силе женского духа

Давным-давно в тридесятом царстве жил был я. И жил не один, а с прекрасной принцессой. И все было расчудесно, за исключением... отсутствия шкафа.

Я решил взять эту проблему в свои кривые руки и повез нас обоих в бутик эксклюзивной мебели ИК..., расположенный в живописном месте за КАДом. Бутик посещаемый и популярный.

Там я и узнал, что вовсе не каждый шкаф вылезает из станка в собранном состоянии. На стене у входа в магазин меня приветствовал красивый рекламный текст, суть которого сводилась к следующему: «Нищеврод, слушай меня внимательно! Ты здесь, потому что считаешь себя самым умным? Нет! Самый умный здесь я. Поэтому ты заплатишь те же деньги за шкаф, соберешь его и будешь радоваться, что сэкономил. Прости, но я также полагаю, что ты настолько бездарен, что не в силах купленную мебель собрать – без проблем, за тебя и это сделают. Если ты читаешь это объявление и вокруг тебя суетятся тысячи таких же муравьев, значит, я не зря занимаю свое место в журнале Forbes, а вот ты в нем пока не числишься даже рекламодателем».

Что отличает петербуржца от жителей других городов? Он точно знает глубину задницы, в которой находится. Что еще его отличает? Ему абсолютно пофигу, ибо в этой заднице он все равно самый культурный! Так что я не расстроился от осознания прочитанного.

Свысока посматривая на остальных «муравьев» и отстояв час за разогретыми фрикадельками, мы таки купили шкаф! Радовало, что купили быстро и только шкаф. С еще большего «высока» я наблюдал на молодые ячейки общества, которые с перекошенными лицами гребили свой медовый месяц из-за разных подходов к выбору абажура или коврика в ванную. Сразу подумалось о жизненном цикле «встреча, любовь, загс, ремонт, развод». Отвлекусь: один раз в отделе матрасов я услышал, как громоздкая жена извергла на своего тщедушного мужа убийственную фразу: «Вова, трахаться хочешь?! Грузи эту гребаную кровать и не ной!»

Вернемся к шкафу. Оплатив карточкой ХХХбанка «с рассрочкой платежа» (ты о нем забываешь и потом платишь миллион процентов годовых) и еще раз ощутив ногами илистое дно питерского гламура, я вдруг созрел для бунта и революции, повернулся к принцессе и заявил,

что «сборка не нужна, я сам». Девушка меня любила и уважала, поэтому ответила вежливо:

– Самоделкин, ты что, заболел?! Ты лампочку вкручиваешь месяц с помощью инструкции и консультантов, более того, она потом все равно не горит. Ты знаешь, что такое вечность? Так вот, умножь на два и получишь время сборки шкафа твоими мастеровитыми руками.

Это была чистая правда. Я – практическое воплощение нового закона Мерфи. «Если что-то не получается сломать, отдайте это Цыпкину, он сломает». На уроках труда меня держали в железной клетке в смиренной рубашке. Просто учитель не хотел сидеть в тюрьме. Но я топнул ботиночком и, опустив голос до хрипоты, сообщил, что мужик в доме Я.

Скажу честно, сдался «мужик» быстро. Привез, разложил все и капитулировал. Радовало одно – при этом мое самолюбие даже не шелохнулось. Свидетельнице позора я заявил, что мое время дороже, а признавать поражение способны только истинно великие люди. И стал искать телефон службы сборки мебельной компании.

Приход гуру отвертки был назначен на субботнее утро. Настало время решить, кто будет сидеть со сборщиком. (В доме человека, покупающего шкаф в ипотеку, очень много ценного. И я, естественно, не мог допустить даже мысли оставить постороннего без надзора в этом музее.)

– Он же что-нибудь украдет! – гремел мой голос на все 30 метров пентхауса.

– А я не собираюсь сидеть с потным мужиком одна! – гремел женский голос в ответ.

Щедрость и великодушие всегда были моими сильными сторонами:

– Не вопрос, я посижу, а ты сходи в кино.

О, эти минуты благодарности российской женщины...

Настал шаббат. Сборщик обещался прибыть в 11:00. Принцесса стояла в прихожей, спиной к входной двери и лицом к зеркалу. Тушь быстро занимала свое место на ресницах. Звонок. Я открыл дверь и... На пороге стояла красивая молодая девушка в коротких шортах, с грудью, взятой напрокат у Памелы Андерсон, пакетом и чемоданчиком с инструментами.

– Вам шкаф собирать?

– Нам! – выдохнул я и сполз по стене, уходя в бесконечный и беззвучный хохот.

Моя принцесса с застывшими рукой и взглядом повернулась на 180 градусов и посмотрела на «потного мужика», с которым мне предстояло «сидеть». Обида, удивление, восхищение и обреченность

калейдоскопировали на ее лице. Я слился с вешалками.

– Доброе утро! Проходите, пожалуйста. Простите за вопрос. А вы единственная девушка-сборщик в вашем магазине? – ртутью вытек вопрос из уст моей возлюбленной.

– Да, – понимая весь драматизм ситуации, сборщица старалась не улыбаться и спрятать грудь, которая с трудом помещалась в прихожей.

Далее гаубица повернулась в мою сторону и выстрелила:

– Цыпкин (запикано), объясни, а почему во всем (запикано) пятимиллионном городе девушка-сборщик пришла именно (запикано) к тебе?!

Расстрел был прерван вежливым вопросом:

– А где у вас можно переодеться?

Ее слова спасли мою бессмысленную, но яркую жизнь.

Вынырнув из вешалок и обойдя гаубицу, я сопровождал гостью в ванную. Пока шел процесс преобразования, свет очей моих отчеканил следующее:

– Если ты просто хотя бы подумал о чем-то, а я точно знаю, что ты подумал, то имей в виду: это будет последний секс в твоей распутной жизни, и тебя похоронят в этом собранном шкафу, но без некоторых частей твоего тела.

Я сглотнул и дважды моргнул. Звучало убедительно.

Нимфа вышла из ванны в синем рабочем комбинезоне, футболку сменила майка с достаточно большим вырезом.

– Где собирать будем? – спросил вырез на майке, глядя мне в глаза.

– Саша вам все покажет, – ответила принцесса и покинула квартиру.

Если вы ожидаете бурной сцены любви, вынужден вас огорчить. Я не просил, да, думаю, мне бы и не дали. В том молодом возрасте я был таким «брутальным красавцем», что дать мне можно было только из очень большой любви, которая, как известно, не добра, но регулярна.

Но как она собирала! На коленях, с ПРАВИЛЬНО изогнутой спиной (а это, кстати, искусство!), уверенно вкручивая шуруп за шурупом.

В общем, как там его, «нефритовый стержень» давал о себе знать. Ну и вырез не охлаждал моей, если не ошибаюсь, «вздыбившейся плоти».

Помимо похоти меня мучило любопытство. Это сочетание, кстати, и привело меня в итоге ко всем жизненным успехам. Но сейчас не об этом.

– Простите, а что стало причиной ухода в столь мужскую профессию? – елеинным голосом поинтересовался я.

– Деньги, – холодным голосом ответила она. – Все просто. Я работала менеджером по продажам и зарабатывала тридцать тысяч, на съемную

квартиру и помощь маме не хватало. Сейчас только чаевых в месяц у меня под сто тысяч плюс несколько приглашений в рестораны, два в отпуск и одно замуж. Шкаф готов. С вас... (не помню сколько, но заплатил я раза в полтора больше).

Все действие заняло 40 мин. Нимфа переделась, улыбнулась, постояла, улыбнулась с подтекстом, посмотрела в глаза, поблагодарила за выдержку и ушла.

А вот я бы, может, и не смог бы перейти из менеджеров в сборщики мебели. Понты не пустили бы, да и духа бы не хватило друзьям признаться.

Обмани меня, если сможешь

Один модный журнал попросил меня как-то рассказать о самом неудачном свидании. Пришлось повспоминать.

Прекрасным летним днем 200... года я решил пойти в кино. Фильм, как положено, меня не интересовал, а вот спутница – очень. Звали ее не Ира, но пусть будет Ира. Уже месяц я занимался в ее отношении подрывной работой. Накануне вечером она почти сдалась, но опять чего-то не хватило. Я уже был похож на нервного гимназиста и утром опустил до гороскопа.

«У Весов сегодня все будет не так, как вчера». Ванга писала, сразу видно. Но надежда во мне поселилась.

Звоню. Без «приветкакдела» стреляю: «Сегодня в девять идем в кино». Такой прием обычно срабатывал.

– Идем. На что?

– В «Художественный», премьера, – фильм не помню.

– Я сама приеду.

– Отлично.

Ничего отличного я в этом не видел. Остаться наедине в ее машине – прекрасная возможность для беседы о Канте.

Прусь в кинотеатр, беру билеты.

Приходит СМС с неизвестного номера:

«Ну что, в кино-то все-таки идем?»

Отвечаю: «Конечно идем!»

А я не знал, что у нее второй номер есть, вот ведь зараза какая.

«Во сколько и куда?»

Пока липкое ощущение подставы обволакивает мозг, я автоматически набираю: «Художественный, 21:00».

«Заедешь за мной?»

Дело труба. Дубль первый.

Это точно не Ира. Теперь есть два вопроса:

1. Кто это?

2. Что делать с Ирой, если не удастся отмазаться. «Напомни адрес, пожалуйста».

Сейчас все пойму.

«Ветеранов, 156, у второй парадной».

Что?! Да я в этом Гарлеме не был несколько лет!

Как истинному петербуржцу мне стало очень неудобно перед девушкой. Живет черт-те где, явно я ее в подпитии в баре каком-нибудь позвал в кино, а она поверила. Буду честным и благородным. Да и, мало ли, может, она лучше Иры?! А Ира в следующий раз.

«Заеду в восемь».

«Ок».

Че за «ок»?! А где «целую» там и т. д. Ну ладно! Так, теперь надо от Иры отмазаться. Делаю очень серьезный голос, как будто я д'Артаньян, который прямо сейчас пришивает голову Миледи обратно.

– Але, Ир, привет, тут такое дело...

Очень сонный голос перебивает:

– Сань, я чего-то заболеваю, давай в следующий раз?

– Ну, Ирочка, ну конечно! – Гороскоп не врал! Это знак.

– Тебе завезти лекарства?

«Нуууу, давай... давай... давай., сама... сама».

– Нет, спасибо, врач придет.

Это мой день!

– Ну, отдыхай, я тогда поеду к маме, с собакой погуляю. Она как раз звонила, и я думал перенести наше кино на завтра.

– Ну и хорошо, целую.

– Целую!

Отлично! И эта моя, и новая есть!

20:00. Проспект Ветеранов, 156:

В моих мечтах Она – высокая, пышногрудая, в платье на голое тело, выходит и отдается мне прямо в машине, а потом не поднимает головы весь фильм...

Мечты не всегда сбываются.

«Незнакомка» была маленькая, в идиотских шортах и футболке с черепом, с кривыми, волосатыми ногами и лысая. Звали «ее» Игорьь. Знал я «ее» со школы.

– Здорово, дезертирам! К разврату товсь!

Дело труба. Дубль два.

Какой же я идиот! Он же приехал с военных сборов на один день, и мы собирались в кино пойти кого-нибудь склеить, а это квартира его тетки, мы же обо всем договорились в прошлые выходные, и номер я его новый не записал, болван!

21:00. Входим в зал. Билеты взяли на последний ряд, чтобы видеть все стадо. Начинаю искать замену Ире. На последнем ряду сидит Ира с каким-то парнем.

Очень немая сцена.

Есть несколько проблем:

1. Ира меня кинула.
2. Ира меня кинула ради парня.
3. Ира видит, что я ее кинул.
4. Ира видит, что я ее кинул ради парня.

Вроде все одинаково, но есть нюанс (с).

– Врач? – Кивнул я на Ириноного друга.

– Спаниель? – Кивнула Ира на Игоря.

Она всегда знала, что сказать в ответ. Игорь и «тот парень» переглянулись.

Школьный друг разрядил ситуацию:

– Мы пришли сюда познакомиться с парой таких же любителей кино, так что вы, ребята, нам частично не подходите.

Игорь захохотал, а я криво захихикал с двумя дырками в голове от Ириноного взгляда. «Тот парень» смотрел на нас с безгловым недоумением: мало того, что два гея, так еще и пару ищут.

– Удачи, мальчики, – бодро закончила знакомство Ира.

Одиноких девушек в кино не нашлось. Божественно красивая, как мне в тот момент казалось, Ира демонстративно целовалась с «врачом». Игорь не менее демонстративно клеил билетершу, чем спас свою и мою гетеросексуальную репутацию. А я поехал домой. Одинокий, честный и бл... благородный. Наказан я был за вранье. Кроме того, женщины интуитивно ощущают тайную попытку усидеть на двух сразу и этого греха по возможности не прощают.

Этюд шиномонтажно-бордельный

Проезжая мимо шиномонтажа, подумал, что «развал – схождение» – отличный девиз для семейного психоаналитика.

Еще один забавный факт о борделях. Организаторы древнейшего промысла чрезвычайно заботливые люди и всегда пеклись о семейных скрепах. Своим клиентам они вручали визитки с асексуальной надписью «Шиномонтаж».

Расчет верный. Такая визитка, лежащая в портмоне, подозрений не вызывает.

Я рассказал об этом чудесном маркетинговом ходе своей девушке и забыл. Оказалось, она не забыла.

Прошло пару месяцев, наступил июнь, и я традиционно задумался о смене зимней резины на летнюю. Поехал в шиномонтаж, всё сделали быстро и дешево. Я взял карточку с адресом и кинул ее на столик в прихожей, где аккуратно валялись все ВАЖНЫЕ документы.

Еще через несколько дней моя девушка в каком-то обычном вечернем разговоре уведомляет меня:

– Прости, не спросила разрешения, но визитку твоего борделя я отдала приятелю – ему иностранцев выгулять нужно.

Я чуть не подавился:

– Какого борделя?

– Ну, у тебя лежала визитка «Шиномонтажа», я решила, что это с той журналистской истории.

– Вообще-то это реальный «Шиномонтаж»... – сказал я со смешанными чувствами легкой обиды и облегчения.

– Да? А предупредить нельзя было?! Сейчас туда двух итальянцев приведут! Надо срочно звонить Андрею!

– Не звони, – в моих глазах сверкнул адский азарт.

– Ну ты и скотина... – ответила с улыбкой виновница торжества.

Спать мы не могли и словно школьники в ожидании взрыва бомбочки прожигали глазами телефон.

В 1:30 пришла смс: «Я убью тебя».

Ну а теперь история словами сластолюбца Андрея:

Все шло по обычной схеме для иностранцев половозрелого возраста, попадающих в Россию:

18:00. «Мы поужинаем и спать».

21:00. «А может, сходим в хороший стрипбар, просто посмотрим».

23:00. «Почему в „Максимусе“ это стоит 1000 долларов?! Есть ли где-нибудь дешевле?»

В 23:01 Андрей, отчаянно желавший выслужиться и выглядеть человеком, бывавшим на дне, достал волшебную визитку и набрал номер:

- Работаем?
- Круглосуточно.
- Нас трое, примете в гости?
- Мастер один, подождать придется.

Шифруются. Понятно.

– Так мы втроем к одному сразу, – весело пошутил организатор разгула – и вся троица села в такси.

«Шиномонтаж» находился в фешенебельных трущобах Петроградской стороны. Промзона позапрошлого века, плавно переходящая в дома пониженной комфортности. В таких местах русским днем страшно, а уж итальянцам, да еще и ночью... Они даже из такси выходить отказались поначалу. Но водитель тоже не очень-то хотел задерживаться в столь недружелюбном месте, и в итоге троица боязливо вошла в железный бокс.

– Андрей, ты уверен, что мы ТУДА пришли?

Неуверенный Андрей уверенно заявил, что в России все бордели выглядят именно так в целях конспирации.

Тут стоит отметить, что было Андрею 23, и в публичных домах он до этого не бывал. Но история про мои журналистские похождения до него докатилась, поэтому он и обратился ко мне за советом. То есть он не знал, может ли бордель начинаться с «Шиномонтажа», как театр с вешалки.

Подойдя к единственному в коробке человеку, Андрей проговорил:

– Нам бы отдохнуть...

Мастер отвлекся от своих железяк, озадаченно посмотрел на посетителя, на глупо улыбающихся итальянцев, подумал и решил уточнить:

– Мне бы тоже. Вы чего хотите?

– Ну... хотим поменять деньги на секс. Нам сказали, с вами этот вопрос решить можно, – Андрей подмигнул и похотливо улыбнулся.

– Я тебе, сука, сейчас домкрат в жопу запихаю!! Развелось, б... пидарасов!

Андрей получил легкий удар в живот и тычок в челюсть. Итальянцы немедленно сбежали, потеряв интерес к российским борделям навсегда.

– Мужик, ты чего?! Нам сказали, тут салон с проститутками! У меня

визитка есть! – Завопил горе-экскурсовод.

Мужик посмотрел на визитку и пнул Андрея еще раз.

– Ты что, дебил? Тут же «Шиномонтаж» написано!

– Мне сказали, это для конспирации!

Мастер подобрел и даже засмеялся.

– Для чего? Тебя кто развел-то так?

Далее гуру покрышек разъяснил Андрею расположение домов терпимости в данном микрорайоне, налил сто граммов в качестве моральной компенсации и проехался по трусливым итальянцам, бросившим товарища.

А еще через десять минут смс «Я убью тебя» полетело из «Шиномонтажа» в нашу квартиру. Вслед за смс полетел оттуда и Андрей. Иностранцев поблизости видно не было. Более того, в округе не было видно никого. Вдалеке светилось что-то похожее на бензоколонку. Дезертиры ожидаемо оказались там. Красивые, модные, обосравшиеся. Объяснить произошедшее Андрей не мог, поэтому многозначительно сказал: «Извините, парни, это Россия».

Поиски любви кончились, гости были отвезены в отель.

На следующий день итальянцы пожаловались начальнику Андрея, что тот притащил всех в бандитский притон, где русская мафия их чуть не убила, и бросил там одних. Перед итальянцами извинились и подарили по банке икры. Домой они вернулись героями. Через третьи руки до Андрея дошла их интерпретация событий уже со стрельбой и победой итальянцев над десятками бывших спецназовцев.

Наш же товарищ надолго обрел славу специалиста по публичным домам и месяц с нами не разговаривал. Нечего было выслуживаться и пытаться быть тем, кем не являешься.

Почетная смерть

Пригласили меня как-то на дружеский ужин. Компания небольшая, я – самый младший и самый бездарный, остальные – цвет, так сказать, петербургской культуры, включая почитаемого мною с детства музыканта NN. От близости к великим мой обычно неудержимый речевой фонтан пересох. Молчу. Думаю, как бы поизящней войти в разговор. Вдруг речь зашла о медицине, и я вспомнил одну папину притчу времен его работы на скорой помощи. Они регулярно приезжали для констатации смерти горелюбовников, умерших во время оргазма. Среди врачей это именовалось «почетной смертью».

Была еще одна пикантная подробность. Пожилые мужья имели обыкновение умирать отнюдь не на своих супругах. В итоге бедные врачи мало того, что должны были сообщать женам о трагедии, так еще и об ее обстоятельствах. В общем, я решил, что самое время (и место) рассказать эту веселейшую зарисовку.

В нужных кабинетах меня учили, что внимание малочисленной аудитории следует удерживать, постоянно переводя взгляд с одного слушателя на другого, посмотрев каждому в глаза, причем желательно равное количество раз и равное время, кроме ряда особых ситуаций. Я был прилежным учеником и свою историю рассказывал по вышеуказанной технологии. Получилось что-то вроде считалки. После каждого предложения я переводил взгляд на следующего слушателя – и так по кругу. Оттарабанив свой эпос, я, довольный, увенчал его «вишенкой»:

– А умирают, в основном, на любовницах...

Но считалка выбрала не того человека.

Последние слова я произнес, глядя в глаза жене музыканта NN. Более того, я глупо заулыбался. При этом взгляда я с нее не сводил (речь-то закончилась и моя считалка тоже). Повисла прекрасная пауза, а я медленно начал покрываться росой. NN спас ситуацию:

– Дорогая, я умру на тебе! Не волнуйся!

В компанию меня приняли, но еще долго припоминали о моей способности быть тактичным.

Наш ответ BDSM, или Общество защиты животных

Я думал, это анекдот, а не нет. Приятель пожаловался, что жена, пообещав ему секс с утра, поставила будильник на ПЯТЬ минут раньше.

Моя подруга много лет назад вышла замуж и, кстати, до сих пор счастлива в браке. Избранник ее обладал и, надеюсь, обладает, двумя достоинствами: абсолютная вежливость и практически абсолютная верность. Однажды эти два вектора пересеклись и поставили сексуальную, да и в общем всю жизнь ячейки общества на грань дефолта. Историю мне рассказала подруга, поэтому мужской версии я не знаю.

Однажды ее муж Гриша вернулся домой после девяти, сказав, что впервые за полгода сходил в спортзал, весь там измучился, после этого еще долго сушил волосы, грел машину и так далее, и так далее. В общем, отклонение от графика на три часа получило приемлемое оправдание. Атлет в изнеможении рухнул на диван и приготовился к ежедневному мужскому ритуалу «внезапная смерть от усталости».

Неожиданно пискнул телефон, стоявший в коридоре на зарядке. Отходящий в мир иной муж зашептал:

– Мариночка, если тебе несложно, будь добра, посмотри, пожалуйста, что там с телефоном, нет сил...

Моя подруга, отработав весь день в больнице им. Мечникова, что было в часе езды от дома, сходя в магазин и приготовив ужин, устала не меньше мужа, но не смогла противостоять такой вежливости и поплелась за телефоном.

– Что там? – донеслось из комы.

– Смс.

– Прочти, пожалуйста, чтобы снова не нести на зарядку, спасибо тебе большое.

– Гриша, я не копаюсь в чужих смс.

– Я тебя очень прошу, у меня нет от тебя секретов.

Марина открыла смс и несколько раз про себя перечитала следующий шедевр:

«Ёжик, ты доехал? Я уже хочу еще. Твой хомячек» («хомячок» было написано с ошибкой).

Надо сказать, моя подруга ненавидела в этом мире две вещи: хирурга,

неудачно наложившего швы на разорванную во время падения в горах губу, и людей, использующих уменьшительно-ласкательные названия животных в интимных отношениях. Врача, правда, она простила.

Марина вспомнила о статье за убийство, выдохнула, подошла к мужу и громко прочла:

– Ёжик, – пауза, взгляд в округляющиеся глаза Гриши, – ты доехал? – Гриша стал напоминать человека, увидевшего бегущего на него тигра. – Я уже хочу еще! – Тигр мощно отталкивается лапами и с разинутой пастью летит прямо на маленького мальчика...

– Твой хомячок!!! – рявкнула Марина.

– Кто????!!!!!! – Гриша выскочил из комы и взлетел к потолку, опрокинув на обитый черной тканью диван протеиновый коктейль, который он пил почему-то дома.

– Какой ёжик, какой хомячок?! Это не я, тьфу, это не мне!!!

– А кому?! Мне даже не так важно, что это за безграмотный скунс тебе пишет, и что у тебя с ней было, но ёжик! Ты врал мне, что также, как и я, ненавидишь эти мерзкие словечки! Может, все остальное тоже неправда, спортсменов хренов?!

– Я их тоже ненавижу! – Гриша перешел на фальцет.

– Ну ты же понимаешь, я бы никогда никого не назвал хомячком! Это какая-то ошибка!

Гриша в отчаянии рухнул в протеиновую лужу, вскочил снова, начал отряхиваться, белые брызги полетели Марине в лицо. Эротическая комичность последнего события несколько разрядила ситуацию. Оба не сдержали улыбок, но через миллисекунду Марина вернулась в образ Шрека, а Гриша в образ кота из того же мультфильма.

– Мариш, это, правда, какая-то ерунда... Я даже не знаю, что это за номер. Давай на него позвоним?

Вид у Гриши был такой несчастный, что Марина начала подозревать его в честности.

Телефон поставили на громкую связь, рот Грише залепили невидимым скотчем. К голове приставили невидимый пистолет.

– Кто это? – без всяких «алё» ответил грубый и не приветливый мужской голос. Типичный альфа-хомяк.

Марина опешила, подумала: «Надеюсь, Гриня не гей, так как если это и есть хомячок, то папа в этой паре именно он» и сняла невидимый Стечкин с невидимого предохранителя:

– Извините, пожалуйста, но с вашего номера только что пришло смс на номер моего мужа, и я случайно, – Марина прожгла Гришу взглядом, –

его прочла, а там такой текст, что теперь у нас дискуссия.

– Чо у вас? – Судя по всему, слово «дискуссия» хозяин номера услышал впервые.

– Ты кто вообще, чо за смс?

– Ну, текст такой: «Ёжик, ты доехал? Я уже хочу еще, твой хомячок». Это не вы писали?

– Что?! Прочти еще раз!

Марина повторила этот «мутабор».

– Значит, так, овца, слушай меня внимательно, хомячок – это, наверное, моя жена, так как это ее номер. Но с ней я разберусь, а вот ёжику, мужу твоему, ноги вырву, жди, – трубка отключилась.

У Гриши отклеился несуществующий скотч. Марина даже не знала, что сказать. С одной стороны, звонок ничего не подтвердил и не опроверг. Разве что муж ее оказался не геем, но, с учетом сказанного по телефону, цена у этой информации могла оказаться слишком высокой. Ну а Гриша вообще окаменел. Он регулярно бывал бит в школе, потом в институте, а в конце 90-х умудрился подрезать какого-то братка и чуть не остался без машины.

– Марин, ну это, правда, какая-то ошибка, – неуверенным голосом начал он новое объяснение. – Ты... ну пожалуйста... выслушай меня. А то вдруг они уже сюда едут со мной разбираться.

Более хладнокровная Марина понимала, что прямо сейчас хомячка вздергивают на дыбу, он пищит и дает показания, так что время еще есть. Тем более номер телефона – это еще не адрес.

– Ты что хотел сказать?

– Ты же меня знаешь! Я не очень-то рисковый. Неужели ты думаешь, что я стал бы мутить с женой ТАКОГО человека? Да я бы и телефон ее записал в книжку, так как с памятью беда. И главное, Марин, я клянусь, что два часа в спортзале был! Там же регистрируют всех, и это... тренера Володю спросить можно!

Ну что я, Штирлиц, что ли?! Меня парковщик запомнил, и за молоком я заехал для коктейля, там меня продавщица опознает.

Марина понемногу начала ощущать себя Глебом Жегловым – роль для жены не лучшая. Более того, логика в сбивчивой речи ее супруга присутствовала. Взяв свой и мужнин телефон, она вышла в другую комнату:

– Сейчас приду.

Гриша схватил бутылку виски и глотнул из горлышка. Не помогло. По телевизору как раз шел повтор сериала «Бригада», и в нем опять всех

убивали. Потенциальный труп ежа взял кухонный топорик и решил биться до последнего, в очередной раз пообещав себе, если выживет, пойти на бокс.

Через пять минут жена вернулась.

– Жди. Может, нам... точнее тебе, повезет. Если нет, я сама придушу за вранье.

Вскоре раздался телефонный звонок.

– Да, Сергей Иванович. Спасибо большое! Даже не знаю, как благодарить. Хотя всю жизнь теперь лечитесь. Ну да, спортсмен из него никудышный. До свидания!

Держа в одной руке бутылку, а в другой топор, Гриша проблеял:

– Сергей Иванович – это кто?

– Главный по хомякам! Генерал ФСБ, мой пациент, говорит, ты на самом деле в спортзале был, правда есть свидетель, что ни хрена ты не занимался, а болтал с тренером, и фары, болван, не выключил, но алиби у тебя есть.

– А что с бандитом делать будем? – нервно поинтересовался частично спасенный ложный ёж.

– Сказал не волноваться, да и с чего ты взял, что он бандит, может, ветеринар. Топор-то положи.

Гриша, говорят, еще несколько дней ходил, озираясь, а от звонка с незнакомого номера кривился всей физиономией.

Наконец успокоившись, в один из вечеров он намекнул на готовность к интимной жизни. Через пару минут прелюдий Марина начала смеяться.

– Гриня, ты прости, но давай попозже, я не могу сейчас, – и расхохоталась еще громче.

– Почему? – муж настороженно посмотрел в зеркало, пытаясь найти на себе костюм клоуна или хотя бы неснятые носки. Но нет. Гриша был гол как сокол.

– А ты представь, как ёж с хомяком...

В общем, секс в семью вернулся не скоро. Пошлость ведь любые чувства убить может. Господа, оставьте животных. Навсегда.

Суд из-за неудобной упаковки презервативов

Время, когда мне придется выдумывать сюжеты, неумолимо приближается, но есть еще правдивые неопубликованности. Вот одна из них. Опять же, клянусь светлой памятью моего разгула, всё так и было. ВСЁ.

У постсоветского повесы существовала только одна проблема – где взять временно свободную квартиру, комнату, дачу, коридор, угол. Поэтому наша жизнь 90-х представляла собой этакий яндекс-такси, только вместо свободных машин радар искал оставленную чьими-то родственничками жилплощадь с кроватью, ну, или без.

Иногда это можно было запланировать, ибо дачные обязанности старшего поколения неизбежны, как налоги и конец отпуска.

В один из таких благословенных позднеосенних дней мы с подругой были одарены квартирой на 13 часов.

Полноценным героем событий был мой первый автомобиль. ВАЗ-2105, купленный на деньги от каких-то непонятных махинаций с долларами и не более понятных уроков английского языка. Видела это машина многое... в основном 18+, но об этом в другой раз. Так вот, газуя от нетерпения, я прибыл в указанный квадрат. Машину припарковать удалось с обратной стороны дома, то есть до парадной (москвичи выругались в этот момент), повторяю до ПАРАДНОЙ нужно было идти. Эта подробность важна для визуализации мизансцены. Обойдя дом, я через 10 наносекунд был у двери, за которой обнадеживающе играла музыка. Встречались мы с подругой уже некоторое время, поэтому чай пить представлялось неуместной тратой времени и чая.

Я параноидально контрацептивен и пачка презервативов была со мной всегда, как у некоторых партбилет. Прелюдии пролетели как компенсированное время в финале Лиги чемпионов, и настал момент частично облачиться в латекс. Но латекс, сволочь, схоронился як Янукович у Ростове. Нет, я правда хочу посмотреть в глаза Кулибину, который придумал полиэтиленовую обертку обычной пачки с тремя презервативами. Пока ее откроешь в ночи дрожащими руками, то, в зависимости от возраста, либо извергнешься, либо упадет то, что поднимали всем подъездом. Там есть такая узенькая хренушечка, ее нужно найти, подцепить ногтем, размотать... ну то есть все для людей, как руль в ВАЗ-2105.

Но нервы тогда у меня были из оптовлокна, и я спокойно подошел к окну, единственному источнику тусклого света: осенняя ночь брала свое. При луне я решил покончить с презервативщиной и через некоторое время, справившись со всеми задачами, выдохнул, мечтательно взглянул в окно и... превратился в тыкву.

Смотрел я на свою машину. Ее грабили.

Какой-то клошарского вида субъект спокойно стоял у открытого багажника моего корвета и лениво перебирал его содержимое. Также рядом с ним стояло ведро, очевидно предназначенное для моего бензина. Я натянул джинсы, свитер, визгнул что-то ошарашенной подруге и побежал вниз. Как я уже говорил, парадная, да, ПАРАДНАЯ, была с обратной от припаркованной машины стороны. Обойдя дом, я привел дыхание в норму и приготовился к битве. Я был худ, хил и беспомощен, но горд, безрассуден и жаден. На улице не было ни души, только ваш покорный слуга и вор. Увидел он меня сразу, но копаться в багажнике не перестал, чем испортил настроение вконец. Я ожидал от него постыдного бегства. Ан нет. Приближаясь, я думал, куда, а главное, как бить. В голове стучала мысль: «Возьми палку, Хон Гиль Дон хренов». Идея хорошая, но я бы сразу обозначил свои намерения, а так был шанс притвориться прохожим и неожиданно обрушиться на рейдера со всей яростью ограбляемого полуеврея. Когда до цели оставалось метров семь, преступник развернулся в мою сторону. В руках у него был пистолет.

Идея притвориться прохожим нравилась мне все больше, а вот «яростно обрушиться» – все меньше. Я невозмутимо прошел мимо налетчика, как будто всегда в это время суток и года прогуливаюсь по району в свитере и ботинках на босу ногу. Оставалось только спросить у товарища, как пройти в библиотеку. Глаза у гражданина были усталые, несчастные и пустые: бомж бомжом, но «Бог создал людей, а Кольт сделал их равными». Я понимал, что преступник – он такой же неудавшийся, как и вся его жизнь. Не менее очевидным было и то, что ствол – максимум пневматика, а может, и просто игрушка. Но стоило ли проверять это ради нищесбродского содержимого моего багажника? Нет. Я прискакал обратно в квартиру и неистово встал (филологи, пардон муа) у окна, воришка как раз занялся бензином.

«Кинуть что ли в него томиком Чернышевского» – подумалось жертве насилия после разумного вопроса «Что делать?». Но тут на мое, воистину еврейское, счастье я увидел двух милиционеров, идущих с другой стороны кустарника, отделяющего парковку от аллеи. Чудо-чудное, диво-дивное. Истошным криком «машину грабят, ловите его» я включил свет в половине

окон дома, но результата достиг. Двое с наручниками моментально продрались сквозь кусты и взяли преступника с поличным. Через минуту я присоединился к компании. Вора прижали к дереву, глаза его бешено вращались, рот скривился от готовности зарыдать.

– Твоя машина?

– Моя. Товарищ милиционер, у него пистолет!

– Пистолет! Ну все, б... Ты попал, это вооруженное ограбление, сядешь по полной.

– Я никому не угрожал! – заблажил подозреваемый.

– Угрожал? – обратился ко мне «злой полицейский».

– Вообще-то нет... – честно признался я. В глазах бомжа блеснула вера в человечество. «Добрый» милиционер обыскал преступника и достал из недр ватника пистолет.

– Это что???

– Пневматика...

– А если я тебе, сука, в глаз сейчас выстрелю?! – голос «злого» звучал убедительно.

– Значит, так, потерпевшему явно из-за тебя, козла, в отделении всю ночь сидеть неохота, нам ты тоже нахрен не нужен. Либо мы тебя сейчас в лесок отведем, отметелим так, что на морозе ты сам к утру коня двинешь, либо расскажи мне что-нибудь. – «Добрый» ткнул меня в бок и незаметно кивнул головой. «Злой» достал дубину и спросил у напарника:

– Есть чем рот заткнуть? Он же орать будет как свинья.

Бомж истерически залепетал:

– Мужики, да вы чего, да я ж только бензин слить хотел, чтоб бутылку купить, я пальцем никого не трогал!

«Злой» замахнулся дубинкой и рявкнул:

– Да тут у третьей машины за неделю бензин сливают. Заткни ему рот!

– Мужики, это я! Я во всем сознаюсь!

– С парнем, вон, договаривайся, пойдет он на тебя заяву писать?

Умоляющие глаза горе-преступника не оставили мне выбора.

– Поехали в отделение, дайте только документы возьму.

Через полчаса мы с клошаром сидели по разные стороны решетки в оживленном фойе местного отделения милиции. Еще через полчаса явился дознаватель и стал задавать различные неприятные вопросы, типа где я был в момент преступления, что делал и как все произошло. На вопросе «А чего ты в окно-то посмотрел?» я вдруг понял, почему так неуютно сидится. Презерватив был на мне... События развивались настолько стремительно, что мысли, точнее руки, до него не доходили. Зато

теперь я только и делал что пытался понять, почему он не свалился и что будет, если свалится, когда я встану?

– Так, ладно, это не важно, давай составлять список украденного. Что было в багажнике?

– Кеды... – хмуро начал я перечисление своих сокровищ. – Футбольный мяч, домкрат, лопата, покрышка – вроде всё.

– Так, запишем... пытался украсть у Цыпкина Александра Евгеньевича кеды, футбольный мяч и т. д., чем нанес гражданину Цыпкину... так... ммм... значительный или незначительный ущерб?

Я был погружен в мрачные размышления о том, не начнется ли у меня на члене диатез от долгого сидения в презервативе.

– А как понять, значительный или нет?

– Ну не знаю... ты бы расстроился, если бы все это потерял?

– Да... Кеды хорошие... – пробурчал я, представляя, каково ЕМУ сейчас там в латексе.

– Очень бы расстроился?

– Очень.

– Так и запишем: «Нанес потерпевшему значительный ущерб».

Еще через час я был дома, подруга спала, а я изучал под лампой причину многих моих будущих, да и прошлых неприятностей. Еще через месяц меня пригласили в суд. За это время историю моего ограбления я рассказал друзьям, и парни с юрфака объяснили мне, что фраза «значительный ущерб» прибавила мужику пару лет к сроку. Не знаю, правда ли это, но чувствовал я себя Берией. Люди вагонами воруют, а тут из-за кед человека посадят.

На суде было многолюдно. Я уже не помню почему. То ли сразу несколько дел слушали, то ли мой преступник сознался во всех кражах в Петербурге, в общем, человек двадцать, не меньше, сидело в зале. Очередь дошла до моего эпизода. Судья зачитал (понятно, что текст я помню приблизительно):

– Подсудимый такой-то украл у потерпевшего Цыпкина кеды, футбольный мяч, домкрат, лопату и автомобильную покрышку, чем нанес потерпевшему **ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ**, – громко отчеканила судья, – ущерб.

В зале раздались злорадные смешки. Я стоял с «нашим знаменем цвета одного», понимая, что вот так антисемитизм и рождается.

– Товарищ судья, а можно поменять показания?

– В смысле?

– Нууу.... ущерб незначительный.

Снова гадкие смешки в зале. Я продолжил рдеть.

Что было дальше, память стерла, приняли мои изменения или нет, я не знаю. Надеюсь, приняли. Кеды в багажнике, кстати, так и остались. Они уехали вместе с мячом, домкратом и лопатой к новому владельцу машины, что, как вы понимаете, нанесло мне значительнейший ущерб.

Разве что из-за этого никто не сел в тюрьму. Принципиальная разница.

50 оттенков счастья

«Невский экспресс». Пассажир. Средний представитель Средней России, среднего возраста. Черно-синяя полосатая уставшая рубашка, живот 11-го месяца, запотевшие незлые глаза, бесформенные брюки, исхоженные ботинки. Скучает. Выпил коньяк. Веселее не стал. Вдруг ожил, заулыбался, неуклюже попытался за лежащим на полке портфелем. Триста раз извинился. С лицом мальчика, раскрывающего коробку под елкой, достал книжицу с закладкой из расчески. Рухнул в кресло. Надел расшатанные очки. Пухлые пальцы отворили страницы. Глаза зажглись. Мир вокруг погас.

Смотрю на обложку:

«50 оттенков серого».

Счастье так многообразно.

@atsypkin *Twitter. Лучшее из худшего*

Как может страна, в которой почти все через жопу, так рьяно бороться с пропагандой гомосексуализма?

В России отношение народа к правителю проходит пять обязательных стадий:

1. Недоверие.
2. Подобострастие.
3. Разочарование.
4. Презрение.
5. Ностальгия.

Заговор – это ребенок, у которого родители власть и заговорщики. Генетика должна быть мощная с обеих сторон, чтобы на свет появился талант.

Некоторые люди боятся смерти не потому, что придется за все отвечать, а потому, что выяснится, что и ответить толком не за что.

А что-то есть символичное в том, что немецкий город, завоеванный у немцев большевиками, назван в честь большевика, которого спонсировали немцы.

Нарочитая и неуместная демонстрация эрудиции сродни ситуации, когда девушка загорает на даче накрашенная, в бриллиантах и на шпильках.

Когда человек гордо заявляет «я не продаюсь!», это некий выход его постоянного внутреннего вопроса «почему же меня никто не покупает?!».

Лучше долго искать «своего», чем все это время переделывать «чужого», который для кого-то может стать «своим» без всяких кастраций и тюнингов.

Интересно, сколько раз в истории фраза «Хочу побыть один/одна» НЕ означала «Хочу побыть не с тобой»?

Женщины непреклонного возраста

Кимченыра

Часть первая. Позор

Моя подруга Ира пошла договариваться об устройстве сына-оболтуса в вуз. ЕГЭ егой, но там какие-то еще собеседования надо было проходить и невыдавленный советский опыт подбросил мамаше идею сходить на прием к начальнику. Ректор был заранее предупрежден о ее визите, обещал помочь «на отношениях», то есть обычным питерским взаимозачетом: я вашего сына в институт, вы племянника Петра Сидорыча без очереди в загс на Английской, Петр Сидорыч моего дядюшку, опять же без очереди, на кладбище. Денег никто не видит, но тело движется.

Тем не менее люди мы интеллигентные и всегда берем с собой уважительную бутылку.

Подруга моя тоже дама приличная и пришла к ученому с коньяком в неимоверно пафосной коробке. Ректор был в прекрасном расположении тела и духа, пригласил заботливую мать в маленький кабинет за большим кабинетом, накрыл фуршет, скакал ланью, шутил и абстрактно надеялся. Ира отрабатывала визит, смеялась и поправляла волосы.

Ученый восторгался подарком, говорил, что это его любимая марка, сокрушался из-за «совершенно необязательных» расходов. Гостя кокетничала, рассказывала, как зашла сейчас в магазин и полчаса искала именно этот коньяк. Профессор предложил, не откладывая, распить подношение, суетливо раскрыл коробку, продолжая трещать как снегирь, достал изящную бутылку и замер.

Ира стала похожа на сливу и хотела одного: провалиться сквозь пол, подвал, землю, магму, ядро земли и далее до горизонта событий.

Бутылка была, как говорят оптимисты, наполовину полная.

Джентльмен не растерялся и добродушно пошутил:

– А ректор какого вуза выпил первую половину?

Ира заплакала. Она не плакала давно. Ни в кино, ни от дикой усталости, ни от зубной боли, но тут не выдержала. Было очень обидно. Отмечу, что моя подруга – образец порядочности, особенно в вопросах благодарности. Да, она зачем-то соврала, что зашла в магазин, хотя взяла бутылку дома в ящике, где хранились годные к передариванию коробочки, но это был ее единственный грех.

Увидев женские слезы, ученый бросился успокаивать несчастную мать, налил чертов коньяк, выпил сам, извинился, налил Ире – она еще сильнее разрыдалась, извинился снова, успокаивал, предлагал воду, говорил, что все это пустяки и, мол, бывает. В общем, достойный человек. Более того, он заверил мать, что сделает для сына все, что в его силах.

Ира попросила разрешения забрать коньяк с собой, чтобы он не напоминал о позоре и, испугав приемную заплаканным лицом, покинула храм науки. Цель прихода, кстати, была выполнена. Но...

Как виноград неизбежно становится вином, так и женские слезы обязательно обращаются в ярость.

Кто-то должен быть казнен. Ира послала мужу и сыну смс следующего содержания:

«Есть серьезный разговор. Всем быть дома в восемь».

Часть вторая. Суд

Надо сказать, что моя подруга – живое воплощение классического афоризма: «В нашем доме все решает папа, а кто папа – решает мама». Причем муж ее отнюдь не коала, но все равно в правах ограничен. А вот дети (по-моему, 13 и 16) – так те совсем строевые, дышат по расписанию. При этом Ира, разумеется, считает себя мягким человеком с прекрасным характером и очень обижается, когда ее называют Кимченыйра.

В восемь вечера Ира в обществе коньяка вернулась с работы домой. Шесть тревожных глаз встретили ее в прихожей. Шесть дрожащих рук пытались помочь снять пальто. По-мужски себя вела только кошка Дуня. Ее единственную и наградили теплым взглядом и хоть каким-то словом.

Далее без предварительных ласк состоялся суд.

Ира, по старой российской традиции, одновременно выступала в роли прокурора, судьи, адвоката, следователя, свидетеля и палача. Дуня – секретарь суда. Муж, сын и сын – обвиняемые.

В начале разбирательства мать сообщила об абсолютной бессмысленности существования всех троих мужчин в ЕЕ доме. Все тянет она, никто ни хрена не делает и ни о чем не думает. Все абсолютные эгоисты и беспомощные бездельники. Кстати, Ирин муж – врач с именем и совсем не бедствует. Но это так, для справки.

Отец семейства, привыкший к статусу «вечно виновного», спокойно прослушав прелюдию, поинтересовался:

– Ир, случилось-то что?

– Случилось что?!

Ира достала бутылку и, прожигая взглядом воздух, спросила:

– Кто это сделал?!

Далее последовало повествование об утреннем позоре.

– Мам, а я что, теперь поступаю в NN университет??? – удивлено пролепетал виновник торжества. О планах на свое будущее он, как и всегда, впрочем, узнал последним.

– Да, поступаешь! – рывкнула Ира. – Если ты, бестолочь, хоть что-нибудь сдашь!

У парня имелась другая мечта, но возражать сейчас было бессмысленно, и он загрустил еще сильнее.

– Итак, кто выпил коньяк?

– Я не пил, можно я пойду? – облегченно выдохнул младший.

– Может, в субботу к брату друзья приходили, а? – Малюта Скуратов в юбке знал, кого спрашивать и о чем. В выходные дети оставались дома одни.

В комнате запахло потенциальным предательством.

Папаша, поведавший мне эту историю, сказал, что в тот момент особенно напрягся, переживая, достойного ли сына он воспитал. В выходные дома, естественно, была тусовка. Он ее диагностировал по окуркам на балконе.

Младший молчал.

Однажды брат в компании друзей связал ему ноги, посадил на бюст Лермонтова, если не ошибаюсь, в Александровском саду, и устроил фотосессию. В другой раз та же компания сбросила из окна на голову парню презерватив, наполненный водой... И это были еще добрые шалости.

– Я спрашиваю, что было дома на выходных? – Гаррота маминого взгляда неотвратимо затягивалась.

Младший молчал.

Дважды его сменная обувь была склеена «Моментом» и один раз отобраны лыжные палки прямо на горе.

– Ты что, оглох?!

– Я пытаюсь вспомнить.

Старший не выдержал:

– Да, ко мне приходили друзья, но честное слово, мы не трогали коньяк!

– Что ты врешь?! – Око Саурана поменяло объект испепеления.

– Мы коньяк не пьем! – фальцетил подследственный. – Как его вообще

можно пить...

Врач успокоился, детей он воспитал хороших.

А вот Ира готова была взорваться миллиардом осколков. К проблеме выпитого коньяка прибавились несанкционированная тусовка и пьющий сын-школьник.

– Надеюсь, ты меня не подозреваешь? Я бы чаем разбавил, чтобы улик не оставлять, – усмехнулся опытный глава семьи. Младший наверняка его слова потом записал. – А коньяк Валера на Новый год подарил, давай я ему позвоню.

Валеру коньячный вопрос огорчил не меньше, чем Иру:

– Так это я ТЕБЕ! подарил!!!.. Мы уже целую неделю с женой мучаемся. Она тут спрашивает: «А где мой коньяк?» Я говорю: «Что значит твой??? Я его кому-то на Новый год подарил, а что? Он же в коробке стоял!» Она мычит: «Я его вечером по чуть-чуть пью». Я в крик: «А из коробки почему не вытащила, дура!?» И вот деревня, прикинь, чего говорит: «Коробка такая красивая, я не смогла ее выбросить». Прости ради Бога, новая с меня.

Врач поведал об этом Ире. В ответ она озвучила универсальную женскую позицию:

– Друзья у тебя идиоты, жены у них дуры и ты, болван, не мог проверить, что тебе дарят.

Мысль о том, что она сама не проверила, что дарит, в голову ей не пришла.

Но она девочка, ей все можно.

Р. С. А вот старший брат, говорят, младшего зауважал. Об этом и история.

Вербовка

Приходит ко мне на собеседование девушка.

Уже шестая за день (не знаю уж, почему резюме мужчин HR-менеджер не нашел). Я мрачен, недоволен и спесив. Они мне все не нравятся, независимо от резюме, профессиональных качеств и длины юбки, так как накануне в другом проекте меня поставили перед строем коллег и под бурные продолжительные аплодисменты отменно выпороли за незначительный, по моему мнению, провал. Понятно, что наказания я не боюсь, а вот друзей по работе эндорфинить не люблю.

Итак, зашла. Все в ней не так. Даже исключительная молодость и цвет глаз. А еще – какая наглость – слушает в плеере что-то. Пока она убирает наушники, интересуюсь:

– Что слушаем?

– Depeche Mode.

Я моментально забыл злорадных коллег, полюбил цвет глаз, вчитался в резюме и вообще принял облик Матери Терезы на исповеди. Надо сказать, что тогда о моей музыкальной страсти особо никто не знал, и каждую родственную душу я встречал с распростертыми объятиями.

– Какой альбом?

– Я как-то старое люблю, то, что до ухода Уайлдера, – мои чакры звенят. – Так что сейчас «Music for the masses» слушаю, а вы любите Дешеш?

У меня открылись даже запасные чакры, и фонтан вселенской любви залил переговорную. Далее состоялась подробная беседа об обожаемой группе. Я узнал много нового о раннем Горе, о дизайне обложек альбомов, необычных ремиксах и т. д. Только кивать успевал. Затем было короткое, но очень интенсивное интервью. Девушка не то чтобы оказалась сильнее других, но не слабее точно. В общем, нужно было принимать профессиональное решение, но я понимал, что нельзя руководствоваться только музыкальными вкусами.

– Что-нибудь еще хотите сказать?

– Я быстро учусь и у меня хорошая память.

– Есть доказательства?

– Думаю, да, – еле уловимое движение уголков рта напомнило разбивающуюся чашку из Usual Suspects. – Я была год назад на лекции, где вы рассказывали, как нужно вербовать человека, изучать его вкусы,

привычки и как находить о нем информацию.

Чакры мои начали отчетливо понимать, что хозяина только что раздели и выставили на площадь, а он не заметил толпу, думая, что стоит один у себя в комнате.

– Так вот еще вчера днем я НИЧЕГО не знала про Depeche Mode. Но у меня была целая ночь впереди.

Как она на меня посмотрела! С чувством полной и не подлежащей реваншу победы. Пожалуй, этот чересчур испепеляющий взгляд был ее единственной дипломатической ошибкой, но зато выдал наличие человека в женщине, что мне всегда ценно, особенно в работе.

Взял. За исключительную память и умение находить нужную информацию. Повторюсь, в то время ни татуировки «Never let me down again», ни концертных фотографий на моих страницах в социальных сетях у меня не было. То есть реально о моей одержимости узнать можно было, только как следует покопавшись в немногочисленных интервью или допросив кого-то из моего окружения.

Как выяснилось потом, для получения нужных данных был завербован один мой наивный товарищ. И всего делов-то: общие друзья, небольшая переписка, кофе ОДИН раз. Насчет человека в женщине я ошибся все-таки.

Подруги

Женщина о женщине: «Ира далеко не дура, несмотря на внешность».

Лучшую подругу девушки легко определить по комментарию к ее новому аватару: «Красотка! Не узнать!!!»

Не так давно мои друзья отметили 20 лет свадьбы. Предприятие, надо сказать, рискованное. Другая пара из моего окружения, помнится, решила отметить более скромный юбилей. Они долго спорили о формате праздника, гостях, расходах, не хотели друг другу уступать, ругались, ссорились и в итоге развелись с жутким скандалом и судами.

Герои этого повествования оказались более удачливыми и, дай Бог, дотянут до золотого юбилея. По прошествии праздничного мероприятия муж рассказал мне чудесную опереточную историю. Она, конечно, больше о специфике женской дружбы, но и о моем приятеле тоже многое говорит.

Итак. Лет пять назад и без того не очень бурное море любви моих друзей К. (Муж) и Н. (Жена) стало заболачиваться. Пятнадцать лет вместе, полная тоска и уныние. Жена начала сомневаться в своей привлекательности. Муж необдуманно отмечал привлекательность других женщин. Однако, либо К. на самом деле был на редкость целомудренным, либо просто мудрым организатором. Но, кроме периодических комментариев в адрес какой-нибудь мисс мира, поводов для ревности супруге не давал. В итоге даже это единственное развлечение в долгом браке оказалось ей недоступно. Никаких страданий. Как назло, некоторые подруги начали планоно разводиться, и их жизнь наполнилась яркими событиями.

Разумеется, нашлись и те, кто с особым цинизмом рассказывали тоскующей Н. о своих новых романах и заоблачном сексе. Правда, у этих героинь сериала дальше примитивных интрижек и весьма облачного секса (если смотреть на него трезво) дело не шло. Они либо оставались одни, либо возвращались к мужьям, которые иногда даже не замечали их отсутствия, так как футбол из телевизора не исчезал, а холодильник кое-как наполнялся самостоятельно. Тем не менее кое-кто из подруг все равно умудрялся и после подобных провалов доказывать Н. эмоциональную бессмысленность ее существования. «Но главное – дети, а ты прекрасная мама» – такой участливой фразой очередная «яркоживущая» заканчивала

свою лекцию.

Естественно, среди подруг были и счастливые жены, и героини действительно шекспировских любовных историй, и те, кто вел легкую свободную жизнь, полную безответственных оргазмов, но они почему-то не лезли со своими рассказами и поучениями. Просто не считали, что их жизнь хуже, чем у Н. А «лекторши» считали и заткнуться не могли.

В итоге Н. загрустила. И вдруг ей на работу (она трудилась тогда на одном из телеканалов) приносят цветы и открытку с подписью: «Дмитрий (театр)». В открытке стихотворение. Неплохое. Кто этот Дмитрий, Н. не представляла. В театре была за последнее время несколько раз, но вроде бы ни с кем не знакомилась. Через пару недель – новый букет и новое стихотворение. Обратного адреса нет, редакция жужжит, эндорфины бурлят. Н. понимала, что вовсе не хочет знать имя отправителя, так как не представляла, что делать со свалившимся на ее голову поклонником. Тем не менее профилактический эффект был налицо. Искры в глазах, взятые штурмом бутики, новая прическа и вернувшаяся уверенность в своей неотразимости. Муж тоже оживился, срочно соорудил отпуск, пригласил супругу в театр и т. д. Букеты Н. домой не приносила, но ауру же на работе не оставишь. Такие перемены в жене любой заметит. Не проинформировать о происходящем «яркоживущих» подруг Н. не могла. Они искренне, до боли в ботоксе, радовались за нее. Каждая строчка стихов поклонника отзывалась в их организме будущими заболеваниями нервной системы и желудочно-кишечного тракта. Тяжелый стресс, вызванный счастьем близкого человека, приходилось заедать чуть ли не прозаком. Особенно жестокими были рифмы про естественную красоту и женственность форм, в сравнении с бесполоыми бамбуковыми удочками современных глянцевых героинь. В общем, пережить наличие у кого-то сразу и мужа и романтического поклонника не представлялось возможным. Надо было действовать.

Одна из подруг приехала к К. на работу и сообщила, что хочет спасти их брак, так как переживает за обоих и считает своим долгом предотвратить трагедию.

С искренней яростью во взгляде трижды разведенная хранительница семейного очага зачитала К. стихотворение и добавила:

– Стихи, конечно, ужасные, но любой женщине получить их все равно приятно. Я знаю, как ты ее любишь, и уверена, что она любит тебя. Иногда, знаешь, случается затмение... но никакое затмение не стоит настоящей семьи.

– Завидуешь? – посмотрев ей в глаза, улыбнулся К. – Понимаю.

«Подруга, такая подруга» вспыхнула, развернулась и в негодовании удалилась.

Вечером К. подошел к жене, прочитал по памяти строчки из «доноса» и, обняв остекленевшую от ужаса Н, добавил:

– А мне казалось, стихи хорошие, обидно даже. Хотя, может, и правда, поэт я так себе.

– А почему «Дмитрий» и «театр»? – задала вопрос восхищенная Н.

– Мы познакомились в театре, и я тебе прочел Мережковского.

Р. S. Узнав о финале истории, подруга не изменила себе, холодно отметив: «Да точно у него роман с кем-то, раз стихи тебе пишет, вину чувствует, сволочь».

Порядочный человек

История, рассказанная женщиной в состоянии ярости

Пару лет назад моя подруга С. завела роман с женатым человеком Д.

Понимаю, что сейчас многие читательницы осуждающе покачали головой, но здесь точно не товарищеский суд, и еще я про помню что-то из античного «кто без греха» и т. д.

Ну и как сказала мне однажды мудрая женщина: «Измена – это не очень хорошо, но, уж если изменяешь, веди себя как мужик». Вот об этом и история.

Обстоятельства дела следующие.

Д.: Женат с юности, в браке уже лет десять, двое детей, достижения в профессии средние, жену опасается, романтичен, начитан, не Брэд Питт. Живет в Петербурге.

С.: Только что разошлась с мужем. Умна, красива, с жестоким чувством юмора, 105–70–90, карьеристка, современна в пределах разумного. Не очень верила в любовь. Порядочна. Живет в Москве.

Встретились они случайно на какой-то конференции. Все как обычно: вечернее мероприятие, много шампанского, предложение подготовиться в номере к следующему дню деловой программы.

Как мы уже знаем, Д. не красавец, а С. и правда хороша, особенно выпуклой фигурой. В общем поплыл товарищ конкретно. И вдруг в момент, когда платье уже снято, а остальное нет, звонит его телефон.

На экране определение «любовь моя». Пошлость, с учетом обстоятельств, жуткая, но тем не менее. Подруга говорит: «Если надо, ответь, я помолчу».

С перекошенным лицом Д. берет трубку, уходит в ванную. Возвращается мрачнее тучи.

«Она просит прислать видео номера?»

Отмечу, что компания Д. щедростью не отличалась и номер был такого размера, что как его ни снимай, человека там не спрячешь.

«А зачем ей видео номера в отеле???»

«Ну я стал рассказывать про конференцию, отель, и как-то само получилось. Мы часто видео друг другу шлем».

Д. было жалко, но он почему-то молчал и ничего не предлагал.

Подруга моя, девушка решительная и язва редкая, не могла такую ситуацию пропустить:

«Ты мне предлагаешь спрятаться под кровать или в шкаф, извини, но в шкаф не влезет моя грудь?»

Д. чуть не плакал, но, собравшись с силами, выпалил:

«А ты можешь ненадолго выйти из номера?»

Обалдев от такой прямооты, С. оделась и вышла, как ей казалось, навсегда.

Д. ничтоже сумняшеся через пятнадцать минут начал напisyвать, дескать вернись. С. ответила, что романтическое настроение у нее закончилось.

Далее началась осада Ля Рошели. Бесконечные смсы, романтические песни, сердцедробительные стихи, свои и чужие. И, разумеется, извинения. Целыми днями, но только с 9:00 до 20:00. Далее в call центр, как понятно, приходил менеджер.

Через пару недель у Д. образовалась командировка в столицу. Он явился прямо в офис к С. и выступил с речью. Тут надо отдать должное таланту нашего героя. Писал и говорил Д. прекрасно. Ознакомившись с несколькими абзацами, отмечу, что Станиславский ему поверил бы. Врать о любви ради секса – такая низжайшая низость, что С., конечно, не могла заподозрить петербургского аристократа в такой омерзительной манипуляции и тоже поверила. С другой стороны, выяснить, все ли так, как пишет товарищ, хотелось немедленно, а не через месяц. То есть сразу по двум причинам секс был неизбежен.

Честь петербуржца Д. не уронил. Сразу после оргазма он дословно повторил то, что написал за две недели. А все что сказал мужчина, эти десять – пятнадцать минут, когда нам не до секса и женщина теряет временно власть на нашими инстинктами, и есть правда. Кстати, Д. повезло. Жену и любовницу звали одинаково и не возникало этих «заек» и «котиков», которые обычно не более, чем способ не запутаться в именах.

В общем ситуация значительно ухудшилась. Д. действительно влюбился. С. сразу определила границы общения. Короткий бурный роман без угрозы семье. Д. радостно согласился, но огорчился отсутствию романтики в его возлюбленной.

Стихи и песни тем не менее не заканчивались, тексты смс пестрили «никогда до этого», «впервые такое» и т. д.

В Москву, правда, бережливый Д. приезжал только за счет компании, и в тот единственный раз, когда купил билеты сам, сразу же гордо заявил об этом, упомянув цену. Подруга моя жалеть парня не стала:

«Сам билеты купил? Это поступок. Поехали тогда сразу домой, отбить же расходы надо».

Она никогда ничего не требовала от мужчин, но ненавидела скупость и мелочность.

Д. обиделся и пятнадцать минут не разговаривал с «лучом света, мерцающим в его небе» (цитата).

Были еще кое-какие поступочки, свидетельствующие о дефиците мужских качеств у петербургского товарища, но С. закрывала на них глаза. Крестить детей с ним она не собиралась. Однако следующий экзерсис пропустить не смогла.

На 14 февраля один из поклонников подарил С. роскошный букет, занявший всю ее квартиру. Д. увидел его по скайпу и устроил сцену ревности, чем немало озадачил предельно логичную С.

«Начнем с того, то ты мне цветы не даришь».

«Я не могу».

«Почему, стесняюсь спросить?»

«У нас с женой общие счета, и она увидит, что я кому-то купил букет. Не хочу ее расстраивать и причинять боль».

С. была готова расплакаться от умиления. Какой все-таки хороший мужик. Спорить с такой аргументацией не представлялось возможным.

«Хорошо, допустим наличные тоже проблема, но, прости, почему мне мужчина не может подарить цветы?»

«Мне кажется, это небольшое предательство нашей любви».

С. прослезилась еще раз. Не только хороший, но еще и романтический, с принципами. Редкость сегодня.

«Прости, а ты спишь со своей женой?»

«Это неизбежная жертва, но в остальном я тебе верен».

Каждый тезис говорил о бесконечной интеллигентности истинного петербуржца и его гранитной силе воли.

«А как ты себе дальше все представляешь? Мне не хочется тебя огорчать, но я планирую тоже когда-то выйти замуж, а разрушения твоей семьи не хочу».

«Я понимаю, но подумай о моих чувствах, мне больно это слышать... когда это случится, я просто уйду из твоей жизни».

Гвозди из таких людей нужно делать.

Беседа отрезвила С. Роман нужно было завязывать, хотя, конечно, в нем было много действительно прекрасного и даже редкого. Д. был удивительно чувствительным человеком. Он проникал в самые дальние комнаты женской души, вытаскивал из С. детские мечты, писал именно те

слова, которые девушка хотела услышать, обожаемого С. Маяковского Д. знал наизусть, посылал песни, которые в юности С. слушала и плакала от одиночества, убеждал С. в ее исключительности, неповторимости, бесконечной женственности, и, главное, она была желанна как никогда. Усугублялось все тем, что Д. говорил правду. Он так чувствовал.

С. простила и ситуацию с цветами, но случилась неприятность. Д. потерял концентрацию и оставил включенным компьютер с неотправленным С. очередным романтическим признанием. И надо же таким быть лузером, что именно в этом письме наш романтик написал о беспросветности и серости своей семейной жизни, особенно ее сексуальной составляющей. Жена взорвалась.

«Сань, я ее понимаю, измены моего первого мужа меня конечно расстраивали, но я знала, что для него это просто развлечение, поиск обожания, которого я не давала, а любит и боготворит он меня. Может, даже больше, чем я хотела».

Состоялся семейный разговор. У Д. хватило мозгов уйти в глубокую несознанку насчет масштаба адюльтера. Врать, как оказалось, он умел, да и в письме не было прямой фактуры. Д. жаловался на жену, при этом про детали отношения с С. не написал. Не знаю уж поверила ли Д. жена, но, с поездками в Москву, очевидно, нужно было завязывать.

С. решила, что это знак, и предложила все закончить.

Д. опять отличился. Написал полное драматизма письмо и попросил С. приехать в Петербург. Билеты, правда, не прислал и про отель тоже не заикнулся.

Но это уже было для С. не важно. Она понимала, что дальше будет только хуже. Д. не сдавался, но ничего конкретного не писал, а начал тупо жаловаться С. на жизнь несчастного человека, который любит одну женщину, а живет с другой.

Еще один забавный момент. Жена не очень любила ряд эротических изысков Д., и он все время нервничал и путался, что и в какой постели ему можно. С. регулярно успокаивала его: «Ты не дома, продолжай».

Однако Д. злоупотребил милосердием и пониманием.

«Я не знаю, что мне делать, и дело даже не в тебе, мне кажется, я и правда не люблю свою жену, помоги мне сейчас советом как друг».

«Прости, ты хочешь, чтобы я за тебя это решила?»

Ярость в С. стала замещать любые чувства.

«Ты хочешь, чтобы я ушел из семьи?» – пытаюсь снять с себя ответственность, причитал Д.

«Нет! Я хочу, чтобы мы с тобой закончили отношения, а ты сам решил,

любишь ли жену. Мне больно всё это. Понимаешь?! Больно!»

«Значит, хочешь, чтобы я ушел... понятно, но пойми, я ее десять лет знаю, а с тобой мы виделись раз десять– пятнадцать, я не могу принимать такие безответственные и жестокие решения. Я все-таки порядочный человек».

Когда С. процитировала этот шедевр, я понял, что такого мне не удалось бы придумать никогда. Таланта не хватило бы.

Я вспомнил Простоквашино: «Тебя я давно знаю, а этого кота первый раз вижу». Оказалось, и это из жизни.

«Знаешь, я его разлюбила именно в этот момент и даже рада. Очень сложно, когда ты теряешь и правда достойного человека, которого и разлюбить-то не за что. Я просто повесила трубку».

Д. написал еще несколько слезных посланий, в основном обвиняя С. в эгоизме и нежелании бороться за свою любовь. Часть многобуквенных писем заканчивалась неповторимым «Эх ты...». Решений он не предлагал, но тексты были душераздирающие.

«Почему ты не могла просто написать ему, что ты его разлюбила?»

«Не знаю... переживала за него... не хотела причинять боль, и так ему было плохо».

Неисповедима жалость женская, хотя вот кого-кого, а мужчин жалеть никогда не надо. Мы как-нибудь сами справимся, мне кажется.

Через месяц Д. перестал писать. Приехать в Москву на разговор он так и не удосужился.

Прислал песню «Come back when you can». С. остроумно ответила:

«Надоело быть Кеном, хотелось бы наконец пожить Барби, Сань, а вы в Питере все такие порядочные?»

«Нее, бывают беспорядочные, и они, кстати, более порядочные, так как слухи об их низком поведении гораздо быстрее бы распространились, а репутация для них – всё».

Яхтенная жертва

Бухты Сардинии напомнили мне одну сюрреалистичную историю, рассказанную «человеком из яхт-клуба» уездного города N. Уж не знаю, правдива ли она, но очень на это похоже. Разумеется, она про секс, хотя чуть не кончилась трагедией.

Ну, начнем с того, что, как оказалось, больше половины модных яхт (под яхтами понимаем не фрегат с парусом, а пентхаус с мотором) не покидают стоянки вообще. Их используют в качестве смазки. Все как положено. Очередной сластолюбец везет юную, ничего, естественно, не подозревающую нимфу кататься. Показывает плавучие хоромы. Нимфа сразу возбуждается, не может себя сдержать, жаждет отдаться, мужчина колеблется (он ведь не такой, он весь «про море»), но из вежливости соглашается, а потом наступает типичная мужская посторгазменная лень или жадность «до топлива». Кататься никто никуда уже не едет, нимфу обещают развлечь в следующий раз, так как неожиданно в субботу вечером нужно срочно ехать покупать нефтепровод. И так каждый раз. Нимфы только успевали меняться и ставить галочку «была на яхте».

И вот в одном из таких или похожих сценариев произошел сбой.

Проводя очередную экскурсию, владелец яхты увидел, как к причалу подъехала его жена и яростно затопала к лодке. Какая неожиданная, прямо-таки космическая, связь двух любящих сердец. Оба решили вдруг покататься. Выход с яхты один, а выкидывать нимфу по-разински за борт шумно и уголовно наказуемо. Дело ароматизирует разводом и, как мы все знаем из лайфньюз, половиной имущества. Но нашего мужика попробуй поставь в тупик! Размеры судна позволили запихнуть девушку в машинное отделение.

На яхте начался обыск. План-перехват результатов не дал. Жена грозно спросила, какого, собственно, черта муж приперся на лодку. Мол, она СЛУЧАЙНО увидела его машину и поехала за ним. Тот резонно сообщил, что думал покататься, зря что ли Икс денег отгрузил. Жена, пребывавшая в состоянии неопределенности, то ли радоваться верности супруга, то ли грустить о впустую потраченном времени, прокатиться согласилась.

Согласие поставило мужа в тупик. Он-то кататься точно не собирался, а с нимфой в машинном отделении – тем более. Яхтсмен, хоть

и не яхтсмен, но понимал, что через полчаса его подруга окажется в душегубке, и хрен знает, как себя поведет. Однако иного выхода не оставалось. Романтическая прогулка началась. Надо отдать должное заботливости товарища. Он затеял управляемый семейный скандал, и поездка закончилась очень быстро.

Жена спешно покинула лодку и укатила домой. Муж рванул в машинное отделение. Подруга была жива, но изрядно красна. Она так пеклась о семейных ценностях своего ухажера, что чуть не спеклась вовсе, но голоса не подала. Такая стойкость была вознаграждена очень дорогим подарком, вывозом на шопинг и другими вариациями мужского внимания. По рассказу очевидца, мужик был прощен и приголублен. Опять же говорят, что подруги героини высказывали готовность посидеть в духовке и за меньшие блага. Я вот, кстати, думаю, если это и правда, то сидела нимфа не из страха или корысти, а реально, чтобы любовника не сдать. Редкий дар русских женщин: быть настоящим мужиком, когда выхода не остается.

Тетушка

Занесла отпускная нелегкая в мальдивский кибуц. Кризис уже начался, и соотечественников было немного. Примечательной оказалась одна пара. Назовем их Дама + Тётушка. Обе – дородные женщины к шестидесяти, связанные, я так понял, давней дружбой. Дама завсегдатай подобных мест, а Тетушка – впервые. Думаю, что она была приглашена на море приятельницей.

Обе добродушные, спокойные, похожие даже чертами лица, но все-таки разные. Тетушка напомнила мне бабушку из советских детских фильмов. Ласковые глаза, мягкие руки, немного утиная походка. Органичнее всего она выглядела бы с тарелкой манной каши в руках или со школьным ранцем, собранным для внука. Ну а Дама... что тут скажешь, российская Бриджит Бардо.

И вот завтрак. Мы за соседними столиками.

Они обсуждают фрукты и гостей. Недалеко сидит пара... ну этих... ну как бы повежливее... ну тех, чьи сердца один бывший российский священник настоятельно рекомендовал сжигать. Выглядят обычными мужиками, без всякого вычурного изыска. На улице встретишь поодиночке и не подумаешь плохого.

Тетушка смотрит на них, любитесь, и видно, как воспоминания юности катятся волной по ее светлому лицу.

– Танечка, какие красивые мужчины вон там сидят. Одиноко им, наверное, здесь, девушки-то все с парами.

– Люсь, ты чего?! ИМ не одиноко, за руки вчера держались в баре, – со знанием жизни ответила Дама.

Я ожидал от Тетушки какой угодно реакции: презрения, удивления, брезгливости, возмущения, равнодушия, но...

Лицо ее залило сочувствие, как будто внучок заболел сильно или его выгнали из школы. Она тепло посмотрела на вполне счастливых гейропейцев и со всей безысходной славянской тоской в голосе произнесла:

– Горе-то какое...

Нокаут

Тусовка. Я растекаюсь от тщеславия: в узком кругу началось обсуждение моих фривольных рассказней. Постепенно беседа перешла от восхваления меня к осуждению нравов нынешнего поколения. Я расстроился, но разговор поддержал. Речь зашла о чрезмерно раннем вступлении в сексуальную жизнь. Одна из участниц столь разумно отстаивала свою позицию (я уже не помню, кстати, какую), что я начал проигрывать. В качестве крайней меры решил прибегнуть к дешевому эпатажу. Думал, хоть время выиграю. Глядя прямо в глаза незнакомой мне доселе женщине и раздуваясь от наглости, спрашиваю:

- Ну хорошо, а вот вы во сколько лишились девственности?
- В десять вечера.

Одинокая эротика

В спортзале на беговую дорожку пришла принцесса с выпуклой фигурой и в футболке на голое тело. Красивая. Без вариантов. Побежала. Бедный мужик на соседней дорожке так усердно кивал в такт, что в итоге потерял равновесие и навернулся с диким грохотом.

Девушка продолжала бежать, так как была в наушниках. Да и, судя по тюнингу, звук падающих мужчин был привычным аккомпанементом в ее жизни. Я еще раз поблагодарил Всевышнего за богатый жизненный опыт и решение свалить на велосипед прежде аналогичного исхода. Из моей «ВИП-ложи» взлетающие соски были не видны, и я со спокойной душой (и телом) проехал свои километры. Надо отметить, что остальные любители истового забега тоже сошли с дистанции достаточно быстро, и в итоге спасательница Малибу осталась одна. Она тут же переместилась на тренажеры и села качать внутреннюю поверхность бедра.

Покалеченный бегун плюнул, рванул от груди максимальный вес и дезертировал. Потом узнал у ее тренерши, в чем проблема. Девушка замужем. Секса нет уже полгода, ну точнее есть, но раз в месяц. Плачет, что муж ее не хочет. Стала бояться, что такого же мнения остальные мужчины. Вот так.

Пленных не брать

По дороге в Милан встретил в аэропорту подругу, скромную, начитанную Кафкой, далекую, как мне казалось, от гламурных ценностей:

– Ты чего в Милан?

– Шопинг.

– Значит, без багажа?

– Нее, у меня чемодан.

– А в нем что???

Краснея и запинаясь, как будто списала на экзамене:

– А в нем... еще один.

Я за нее порадовался. Не безнадежна.

Лень

Моя знакомая получила имейл от своего разового любовника: «Ты – лучший секс этого года». Мало того, что этот олух по невнимательности список получателей из восьми адресов открыл, так в нем еще и мужчина какой-то обнаружился. Распустили, конечно, мужчин.

Племяш – наш, или Куда приводят звонки

Это притча о связях и их роли в жизни отдельного российского человека. Ну и о женщине, разумеется.

Рассказано моим другом лично, с его слов записано верно.

Итак, есть у меня младший товарищ, с которым я иногда делюсь невероятным жизненным опытом. По натуре мой друг аферист, причем очень талантливый, но приличные еврейские родители приделали к его голове радиатор и регулярно заливают туда тосол. В результате охлаждения мозгов аферы у парня получаются не очень опасные, а в свободное от обувания доверчивых граждан время он даже сделал неплохую для двадцати четырех лет карьеру в медийной отрасли.

Зовут героя Яша Кац, и фамилия вытатуирована на его физиономии как принадлежность к КГБ на лице сами знаете кого.

Выше я уже отметил, что у Яши есть родители. Папа-математик и мама-красавица. Глаз не оторвать. Также от Марии Яковлевны не оторвать и разнообразных мужчин, стремящихся постонать одним с ней воздухом или хотя бы подышать им.

Недавно среди страждущих неожиданно обнаружился генерал. Настоящий. Настолько, что лампасы и погоны проступали сквозь ткань изысканных костюмов. В общем, генерал с возможностями и со вкусом. Звали старого чекиста подобающе – Петр Сергеевич Березин.

Он сразу пошел на штурм Марии Яковлевны, но его облили кипящей смолой еще на подступах к крепости. Оценив потери, он предложил искреннюю дружбу.

Яшина мама сообщила, что дружить им не о чем, но если он настаивает, то может дружить с сыном и быть ему полезным.

Госпожа Кац поступила как еврейская мама, генерал Березин – как русский офицер. Он мгновенно взял Яшу под крыло, причем не из надежды на доступ к телу, а потому что дама попросила.

Раз в два месяца генерал приглашал юное дарование на беседу, спрашивал, все ли хорошо, и учил уму-разуму. Накануне очередного randevu юному аферисту засветило увольнение на почве личной неприязни, возникшей между ним и одним из «топов». Работал Яша в Москве и «поухать» не собирался. Об этой ситуации он и доложил своему покровителю на встрече, проходившей на этот раз в лобби петербургского отеля NN.

Петр Сергеевич задумался. В этот момент случилось чудо. По отелю катилась сфера, в дорогом темном костюме, при двух телефонах, в сопровождении пары кубов в дешевых темных костюмах, при наушниках и оружии.

Петр Сергеевич просиял и рявкнул на все лобби:

– Моня! Стой, старая сволочь!

Сфера остановилась и дала полный назад.

– Петюня!

Выдающийся нос уткнулся в солнечное сплетение генерала Березина. Кубы отошли на два метра.

– Ну что, все спекулируем?

– Так ловить-то некому.

– Знакомся, мой племянник, Яша. Яша, это мой старый товарищ, Моисей Ефимович.

– Хаймович, Петя, Хаймович.

Моисей Хаймович внимательно посмотрел на Яшу, поднял брови и, не оставляя генералу места для маневра, произнес:

– Петюня, ты кому голову морочишь? Лицо его видел? Он такой же тебе племянник, как Арафат мне дядя.

Генерал надел суровость, вздохнул и отрезал:

– Он мне КАК племянник, и нужно парню помочь с работой в Москве. Задача ясна?

Нос Моисея Хаймовича вырос, а глаза уменьшились и вспотели. Теперь задумался он.

– Племянник, ты не против железной дороги?

– Он не против, – ответил Петр Сергеевич.

– Начнешь проводником, а там посмотрим, – эта шутка показалась новому Яшиному покровителю удачной, и он долго смеялся, набирая номер.

– Алло, Николай Кузьмич, есть минута? Такое дело, у меня тут племянник работу решил сменить. У тебя там есть что-нибудь общественно-возмездное? Я к тебе обращаюсь не часто и прошу к моей просьбе отнестись с максимальным вниманием.

Яша услышал до предела услужливый голос из трубки и понял, что Моисея Хаймовича Николай Кузьмич очень уважал.

– Племянник – близкий мне человек, талантливейший экономист, так что считайте, что вам всем там повезло.

Далее еврейский лоббист, не отрывая трубки от уха, громко спросил у «близкого ему» Яши:

– Как твоя фамилия?

– Кац.

– Фамилия его Кац, так что вашему Когану достойная компания, – закончил беседу Моисей Хаймович и обратился к Яше: – Значит так, родственник, завтра дуй в Москву. Приедешь к Николаю Кузьмичу, он тебе все устроит. Номер запиши.

– Моня, куда пацана пристроил, дядя хренов, и с чего ты взял, что он экономист? – железным тоном спросил Березин.

– Любой Кац – экономист. Место отличное. Контора при РЖД. Кузьмич там директор. Мало шума, много денег. Всё как мы любим.

– Что значит «много денег»? Ты мне парня не порти! – Генерал поднял пудовый кулак и так потряс им перед паспортом друга, что чуть Улисс-Нардан-скелетон не свалился.

– Да все честно: зарплата, премия. Я же сказал – отличное место, только для своих. Все, Петюня, я побежал.

Обалдевший от скорости происходящих событий всеобщий племянник примчал в Москву, нашел замаскированное под тюрьму здание «отличного места для своих», сделал шаг в будущее, но уперся в проходную. Для проникновения в здание требовался паспорт, сдача норм ГТО, флюорография и справка из психдиспансера. Яша справился.

Коридоры, заключенные, вольноотпущенные, коридоры, приемная.

Секретарша, бравшая Зимний, недоверчиво посмотрела на Яшу и без приветствий клацнула:

– Кац?

– Да.

– Ждите.

Яше не давала покоя мысль: «Если у Моисея Хаймовича такие „свои“, интересно – какие „чужие“?» Секретарша подняла трубку, перенастроила голос и излилась медом:

– Николай Кузьмич, к вам Кац, – и тут же другой голос изнутри одушевленного шлагбаума прошипел: – Заходите.

Николай Кузьмич родился непосредственно в своем кабинете, сразу шестидесятилетним чиновником и будет жить вечно, пока Смерть не найдет способ продрасться через проходную. А она не найдет.

В меру богатую комнату украшали три портрета. Два ожидаемых и один – Николая Первого. Также на стене висели икона и календарь от самарского управления ФСБ. Российское духовное оливье начала XXI века.

Угрюмый Николай Кузьмич встал из-за массивного стола и крепко

тряхнул Яшину руку.

– Хороший у тебя дядя, заботливый.

– Николай Кузьмич, он просто мне помочь решил. Я не совсем его племянник, – врать Яша умел блистательно, но сейчас не видел в этом необходимости.

Судя по выражению лица, Николай Кузьмич не знал, радоваться этому известию или нет.

– М-да. Чем занимаешься?

– Рекламой, спонсорством, могу подробнее объяснить.

Железнодорожник скривился как от зубной боли и глотнул из стакана, сидящего в медном подстаканнике.

– Э-эх, – задумался Николай Кузьмич. Размышляя, он завел разговор о футболе, о погоде, о буднях отрасли, об Украине, наконец, но к вопросу трудоустройства переходить не спешил. Что делать с Яшей, он не знал, равно как и сам герой. Тюрьма аферисту не нравилась отчаянно. Горячий камень задержался в руках Николая Кузьмича и начал жечь ладошки. Железнодорожник поступил по-железнодорожному – перевел стрелку.

Сняв трубку, он спросил у церберши:

– А Сергей Евгеньевич у себя? Соедини... Сергей Евгеньевич...

Николай Кузьмич закрыл ладошкой телефон и шепотом спросил:

– У тебя отец жив?

– Да, – со страхом ответил Яша.

– Сергей Евгеньевич, ко мне тут достойный человек сына прислал. Посмотрите, пожалуйста. Давайте найдем ему применение. Спасибо.

– Иди к моему первому заму, он человек молодой, современный, поговори, дальше думать будем.

– Извините, а можно вопрос?

Отступившая зубная боль вернулась на лицо Николая Кузьмича.

– Давай.

– А почему именно Николая Первого портрет?

– При нем первую железную дорогу в России построили.

Сергей Евгеньевич Яшу удивил. Сорокалетний франт в ботинках, говорящих о владельце все, подтянутый, не по-зимнему загорелый, сидящий за пустым столом, на котором основное место занимал огромный маковский монитор. Фотографии жены с детьми вместо портретов высочайших особ, и селфи с БГ вместо иконы. Юный аферист был достаточно опытен, чтобы понять, кто перед ним. Смотрящий от руководства и куратор финансового блока.

– Присаживайтесь, рассказывайте, – холодно, но доброжелательно

начал беседу поклонник «Аквариума».

Яша удивился обращению на «вы», посмотрел финансисту в прозрачные глаза и быстро поведал всю историю.

Сергей Евгеньевич задумывать не стал. Он был прямолинеен, неподвластен магии дядюшек и честен:

– У вас, как я понимаю, теперь много новых родственников, а у нас теперь одна общая задача. Как вам здесь НЕ работать, чтобы никто при этом не обиделся. Кстати, а почему вы хотите уйти с нынешней работы? – дежурным тоном поинтересовался финансист.

– Конфликт с руководством.

– А подробнее?

– Я придумал одну схему, и моему начальнику не понравилось, что я лезу не в свое дело. Ну и я не сдержался.

– Бывает, ну а чем зарабатывать собираетесь, пока новое место ищете?

– Доработаю одно приложение для игры на бирже.

– Что за приложение? – Сергей Евгеньевич оживился и не стал нажимать кнопку delete на судьбе племянника всея Руси.

Яша начал рассказывать.

Взгляд финансиста вцепился в цифры и графики, которые рисовал юный аферист. Жизнь стала клокотать в яростных глазах человека, для которого деньги были предметом искусства. Все-таки у каждого свой наркотик. Он заставляет жить и убивает, если доза слишком велика.

– Да ты талант! И что за идиот у тебя начальник?!

Переход на «ты» вновь удивил афериста.

– Как его зовут?

– Костров Дмитрий Владимирович.

– Вы, по-моему, к банку NN имеете отношение?

– Есть общие акционеры.

– С начальником твоим я разберусь, работай спокойно, и давай на следующей неделе поговорим. Людям мозги нужны, а не родственники, но генералу своему проставься. Семья превыше всего, сам понимаешь.

Вечером Яше позвонил Петр Сергеевич Березин:

– Яшка, я связался с начальником NN банка, которому ваша контора принадлежит. Шефу твоему все доходчиво объяснят. Людям свои нужны в окружении, а не просто умники хрен знает откуда. Так что подожди соглашаться, если этот железнодорожник предложит что-нибудь.

Вскоре удивленный и встревоженный генеральный директор Яшиной компании провел кадровые перестановки, долго благодарил перспективного работника за прекрасные результаты и высказал надежду

на длительное сотрудничество. А еще через пару недель Яша начал получать новогодние подарки и поздравления от коллег, ранее не знавших даже, как его зовут. Самый дорогой подарок он получил от Дмитрия Владимировича Кострова, отправленного поднимать региональную сеть.

Петр Сергеевич и Сергей Евгеньевич были горды собой и своими жизненными принципами.

Ну, а Яшина мама, узнав обо всем, просто усмехнулась, отметив, что масштаб «эффекта бабочки» зависит от того, чьи крылья взмахнули.

Женщины...

Рука

2005 год. Совершенно случайно оказываюсь в Австрии. В то время я занимался обелением бесконечно черного имиджа казино. Команда у нас была веселая, чудили как могли. Итак, мы чудим. Купили остров в Тихом океане и разыграли его в рулетку. Предложили гостям ресторана устрицы unlimited, и Николай Валуев съел 62 штуки, обрушив все наши расчеты. Наконец, решили производить свое вино.

Я уболтал какого-то австрийского винодела обсудить этот прожект, и меня вместе с управляющим рестораном отправили в альпийскую страну для знакомства с ассортиментом.

Как сомелье я был профессионален в одном: уверенно мог отличить белое от красного. В остальном – полный провал. Но, так как товарища завербовал я, меня «прицепили» к поездке.

От Вены мы ехали еще час на машине и прибыли в совершеннейшую дыру где-то в горах. Деревня, виноградники, и всё. Местный секрет в том, что ягодам дают замерзнуть, чтобы получился восхитительный айсвайн. Сладкое, полнокровное вино, сбивающее с ног после первых двух бокалов.

Все дегустируют, я тупо напиваюсь. Они выплевывают, поболтав во рту, я, разумеется, нет, и через два часа становлюсь похожим на снег. Красивый, но на земле.

Утро. Осматриваем окрестности. Главное отличие России от Европы – именно деревня. У них она почему-то не сильно отличается от столицы. И дело не в столице, а в деревне.

Винодел приглашает нас в какой-то дом. Встречают всей семьей, русские все-таки, не каждый день увидишь, даже не каждое десятилетие.

Последней выходит очень пожилая дама.

Знаете, уже после тридцати по женщине можно сказать, станет ли она бабкой или пожилой дамой. И именно по этому признаку мудрые старшие товарищи рекомендовали выбирать жен.

Так вот, представляют мне эту австриячку в летах.

Подошла, поздоровалась. Взяла за руку. Знаете, такая мягко-шершавая бабушкина ладонь. Долго держала и смотрела в лицо. И, вроде бы, ничего особенного, только в глазах ее словно пирог остывает. Помните, как в детстве: прибежишь домой с мороза, руки ледяные, в снежки переиграл. А на кухне суета. Гостей вечером ждут, все, включая кота, готовят. И вот из духовки пирог достали. Отрезать кусок не разрешают,

но можно на полотенце, его закрывающее, ладони положить, греться и вдыхать запах теста. Не знаю, получилось ли у меня ее взгляд описать, но я старался.

Посмотрела она на меня и говорит:

– Теплый... вы русские теплые...

И ушла.

Мне уж потом наш винодел рассказал ее историю. Думаю, что это правда:

Во время войны в деревню советские войска зашли. Несколько дней стояли. Встретила она нашего паренька. Герой, в орденах, мальчишка, правда, совсем. Один раз даже ночевать остался. Говорят, не было у них ничего, оба скромные, деревенские, целовались только. Утром провожать пошла, а его машина наша армейская насмерть сбила у нее на глазах. Судьба.

Я был вторым русским, которого она за руку держала.

Ничего в этой жизни из сердца не выкинуть. Разве что заморозить на какое-то время. И слава богу.

@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего

Умиляет, когда мужчина, пытаясь вернуть ушедшую от него женщину, начинает дарить неистовые букеты. Это как если бы жена в ответ на предложение развестись перемыла бы всю посуду и постирала рубашки.

Как трогательно смотреть на парочки в кафе. Целуются, но кладут телефоны экраном вниз, а уходя в туалет, забирают их с собой.

Деньги пахнут. А московские вокзалы – уникальное место, где в переходах мясо, идущее в столичную мясорубку, встречается с фаршем, выплюнутым Москвой через несколько лет. И те и другие опускают глаза.

Как показывает история, если страна раскалывается надвое, те, кто пытаются удержаться посередине, закономерно падают в пропасть первыми.

Влюбленность: человек ушел, месяц ты лезешь на стену, потом отпускает. Любовь: первый месяц тебя вроде отпускает, а потом лезешь на потолок.

Равно удивляют и те, кто хочет исключить похоть из списка грехов, и те, кто не склонны к ней, и только поэтому считают себя святыми.

Обязательно настанет утро, когда ты закроешь глаза на срок годности йогурта, одиноко лежащего в холодильнике.

Из личных показаний

Приглашаю папу на свой день рождения: «Ресторан такой-то, бронь на мою фамилию»». «Вообще-то на мою».

Миллионы гениев в мензурке

Мой первый рассказ

Я мнителен. Любой прыщ считаю началом мучительного, но скорого конца. По этой же причине наличие презерватива было для меня единственным условием добрых отношений.

Но однажды, на втором курсе, вышла осечка. Наутро, протрезвев и осознав все риски произошедшего, я помчался в поликлинику. Доктор сообщил мне о каком-то инкубационном периоде и отправил восвояси.

Следующие несколько дней прошли в тумане, выискивании симптомов, составлении завещания и клятвах всем известным богам принять обет безбрачия в случае выздоровления. В назначенный день, трясясь как советский трамвай, я сдал все анализы и впал в кому, не дожидаясь результатов. Через сутки врач огорошил меня новостью:

– Здоров!

Стоит ли говорить, что я ему не поверил и потребовал пересмотреть свои лживые показания или порекомендовать мне альтернативные анализы.

Осознав, что один из нас должен умереть, доктор отправил меня сдавать спермограмму. Он сообщил, что, помимо нескольких миллионов копий такого же труса, как я, в ней теоретически могут обитать интересующие меня микроорганизмы.

– Поднимись в лабораторию, там тебе все объяснят.

Слово «лаборатория» меня насторожило. В ней периодически доблестно трудилась МОЯ БАБУШКА. Встречать ее в данных обстоятельствах мне, по понятным причинам, не хотелось, но я рассчитывал на мое обычное везение.

Пролетев два этажа, я открыл дверь в нужный кабинет и увидел знакомый профиль. Бабушка. Я зашел, обмяк и торжественно замолчал. Произнести слово «сперма» при бабушке сил не было.

– Ну что? Довеселился? – поинтересовалась Т. Р., протягивая мне что-то среднее между наперстком и маленьким пластиковым стаканчиком. Глаз от микроскопа она не отрывала. Это меня спасло от позорного обморока. (Думаю, врач-венеролог сообщил ей о моем визите по телефону, а как потом выяснилось, и все другие мои анализы смотрела тоже она.)

– Сдашь и сразу носи мне. Инструкция на двери в наше отделение, – отрезала бабушка.

Вышел я сквозь дверь, как Гарри Поттер.

Посмотрев на мензурку, я наконец осознал, что от меня требуется, но все-таки решил ознакомиться с инструкцией. На двери крупными буквами были даны ответы на все мои вопросы:

«Получить в кабинете 143 пластиковый стаканчик. Пройти в кабинет 146.

Путем массажа получить эякулят (это слово я прочел трижды, нервно размышляя, то ли это, о чем я думаю).

Сдать эякулят в кабинет 143 в течение 5 минут. (Кхе-кхе... а что будет, если опоздаю???)»

Массаж меня определенно заинтересовал, хотя я, конечно, понимал, что массажистки в данной процедуре не предусмотрено. Развернувшись с целью поиска кабинета 146, я впервые понял, что это такое – желание провалиться сквозь землю.

Локейшн был следующий: огромный холл, в который выходила дверь бабушкиного отделения с той самой инструкцией, далее приемная стоматологического отделения, и в конце холла – кабинет номер 146. В общем, все сидящие здесь видели, как я читал инструкцию, и понимали, куда и зачем я сейчас пойду. Все сидящие – это две женщины, парализованные первобытным страхом перед бормашиной, которым явно не было дела до моего массажа, и две медсестры, стоявшие в регистратуре стоматологии. Этим как раз не было дела ни до чего другого, кроме моего массажа. Они смотрели на меня в упор с нескрываемым ехидством. Маскировать стаканчик и изображать празднующего было поздно. От моего лица можно было прикуривать.

Понимая, что при таких свидетелях холл я преодолеть не сумею, и уж тем более не смогу выйти из кабинета 146 в здравом рассудке, я решил ретироваться под крыло старшего поколения. Бабушка вопросительно подняла брови. Собрав силы в голосовые связки, я изрек:

– А нельзя ли заняться таким непристойным делом дома? В окружении друзей и при помощи, так сказать, сочувствующих?

– Нет, нельзя – остынет, иди сдавай, мне уходить надо.

После этой фразы я завис. Слово «остынет» в устах бабушки ассоциировалось у меня только с супом, овсяной кашей или в крайнем случае с ингаляцией.

В общем, я застрял в коридоре, так как выйти обратно в холл навстречу фуриям с горящими смешливыми глазами не представлялось возможным. Был вариант минут через пять вернуться к бабушке со словами «не смог», но, во-первых, оставался страх смертельной болезни, а во-вторых, так низко пасть не позволяло мое тщеславие.

Собравшись с силами, я бодро открыл дверь и пошел на амбразуру. Первый же взгляд на регистратуру убедил меня в том, что «все бабы суки». Их там было уже четверо, и все как одна мерзко хихикали, а стоило мне целиком вылезти на свет, восемь глаз начали меня дырявить. Думаю, уже вся клиника знала о моем сольном выступлении. Положение было отчаянное. Отбросив всякую стеснительность, я подошел к медсестрам, громко спросил, не хочет ли кто-нибудь из них помочь. Измученные болью и ужасом пациентки тоже повернулись (но, скажу честно, эти дамы помочь мне не смогли бы при всем желании). Настало время краснеть медсестрам. Одна сразу испарилась, трое оставшихся занялись заполнением историй болезни. Торжественно заявив «так я и думал», я направился в кабинет 146.

Его я запомнил на всю жизнь.

Кабинет 146 внешне не отличался от других кабинетов советской поликлиники. Я и не ожидал бархатной обивки на двери, но возлагал большие надежды на внутреннее убранство помещения. Как-никак, там должен был происходить хоть и неполноценный, но акт любви. Воображение рисовало телевизор с недоступной мне тогда порнографией, журналы Playboy на цепи или хотя бы каталог женской одежды, некоторые разделы которого были детально изучены мною еще в школе.

Естественно, предполагались душ и ложе. Реальность превзошла все ожидания. В храме любви не было ничего. Ну, то есть вообще ничего. Стены, окрашенные в противозачаточный темно-зеленый, и всё. Ах, нет, вру, имелся офисный стул, и он, сволочь, стоял плохо, что было весьма символично. Похолодевшими руками я стал нащупывать задвижку, ибо в данной ситуации еще и кричать «занято» было бы вовсе сюрреалистично. На мое счастье, задвижка присутствовала. Решив проанализировать ситуацию, я сел на стул и чуть не навернулся.

Передо мной сразу встало несколько проблем. Жалкий виновник этого торжества из комы не выходил и признаков жизни не подавал.

Слишком долго сидеть в этом карцере я не мог – бабушке, как вы помните, нужно было уходить!

За дверью находились пристыженные медсестры, и мое долгое пребывание в кабинете 146 вызвало бы у них нездоровые подозрения.

Комната одна, а желающих «помассажироваться» много. Не хотелось услышать стук в дверь и пожелание «быстрее...» – ну, вы сами понимаете.

Не буду посвящать вас в детали последующих 10 минут. скажу только, что мое воображение никогда не работало так усердно. Силой мысли я перенес себя из этой тюрьмы в волшебную страну и пребывал бы там счастливо, если бы не пластиковый стакан, узкое горлышко которого

требовало точного баллистического расчета.

Усталый, но гордый я вышел из кабинета 146 и, окинув пунцовых дантисток взглядом победителя, строевым шагом отправился к бабушке. Медсестры уткнулись в бумаги.

В кабинет 143 я зашел, конечно, не таким смелым... Пока бабушка запихивала «эякулят» под микроскоп, я озвучил петицию, посвященную непригодности кабинета 146 для указанных целей. Ответ был прост и совершенен:

– В следующий раз пойдешь на улицу. Там все приспособлено.

Бабушка посмотрела в окуляр, подвигала стекляшку, еще раз посмотрела и порадовала:

– Ничего нет.

– Что? Вообще ничего? – насторожился я.

– Что должно быть, то есть, больше ничего нет. Здоров. Хочешь посмотреть?

Посмотреть хотелось. Даже очень. Я накрыл глазом черную трубу микроскопа и еще раз поверил в Бога.

Внизу бешено сутились сотни капелек, в каждой из которых невообразимым образом умещался человек и вся информация о его пороках и чертах характера, талантах и заболеваниях, о родинках и длине ресниц. В пластиковом стаканчике их было несколько миллионов. Я даже дышать перестал.

Бабушка прекратила эту рефлексю и одним движением руки уничтожила крупный европейский город, сплошь населенный гениями. Стало грустно. Мне дали побыть Богом, а я тут в кабинете 146...

Уважение

Недавно я видел, как четыре щенка пуделя (собачница вела их на выгул наполеоновским каре) злостно облаяли здорового ротвейлера. Я впервые наблюдал на собачьей морде выражение полного недоумения. Если пес может онеметь – это был именно такой случай. То есть где-то внутри его собачьего разума шевелилась мысль, что надо бы шоблу урезонить, однако они все умещались в его пасти разом, и при таком раскладе отвечать как-то не по-пацански. В итоге, облаянный ротвейлер поплелся за хозяином, а мушкетеры продолжали гордо визжать и даже хором поместили колесо S-Class-а (долго выбирали). Ну, скажем так, часть колеса. Мудрый пес напомнил мне одного своего собрата по породе и историю об уважении старших в собачьем мире.

В далекие 90-е у моего друга Вити был пес со звонким именем Рембо (ударение на первый слог). Впрочем, с героем боевиков этот фрукт ассоциировался в той же степени, в какой и с поэтом (ударение на слог последний). Пожилая дворняга размером с небольшую лайку, со взглядом одновременно печальным, смелым и хитрым. Такие глаза я видел как-то у отсидевшего добрый десяток лет вора, с которым судьба столкнула меня в одной компании.

Как и герой той встречи, Ремчик, как ласково звал его Витя, был в авторитете. Гулять ходил без поводка, периодически принимал участие в дворовых разборках, ну и, конечно, почитал маму. Витину маму, разумеется. Кроме пса на подотчетной территории проживала кошка. Рембо она «видела в микроскоп», что с бабы взять. Мама любила всех, и все любили маму. Социум жил в полной гармонии, но в один, возможно, прекрасный день в судьбе фауны случились перемены. В квартиру с особым почетом внесли щенка ротвейлера. Имя аристократического отпрыска было грозным – Джафар. Положение Джафара в обществе стало полной противоположностью его родословной. Иерархия животного мира в этой квартире сложилась следующая: кошка, дворняга, мухи, комары, микробы, Джафар. Ел он последним, спал где разрешат. Рембо одаривал Джафара взглядом устало-властным, кошка не видела вовсе. Надо сказать, ротвейлер сразу все понял и, если мы издевательски кидали ему кусок колбасы, глотая слюни и слезы, сидел около этого куска и ждал, пока Рембо придет и съест свою часть... ну или всё. Как повезет.

Прошло года два. Джафар изменился. Он стал машиной для убийства.

Огромный, мощный, с бычьей шеей и ледяным взглядом, он наводил ужас на всех соседей и окружающих собак. Но дома ничего не поменялось.

Рембо все также заходил в кухню первым и единственным, а еле помещавшийся в прихожей Джафар покорно ждал. И если его морда вдруг проникала в кухню (просто потому, что в прихожую он весь не влезал), Рембо одним движением глаз возвращал голиафа на исходные позиции. Когда, наконец, авторитет заканчивал трапезу и покидал пределы кухни, туда с радостным грохотом неся Джафар. Со стороны это напоминало Терминатора, который бежит 100 метров с барьерами, но барьеры просто проламывает. Иногда под его лапы попадалась кошка.

Визг, шипение и боязливый взгляд Джафара: «Пardon, мадам, не заметил-с».

«Мадам» придумала изощренную месть. Она садилась на стул, и когда Джафар шел мимо, просовывала лапу между спинкой и сиденьем, царапала монстра и быстро убирала лапу обратно. Изумлению Джафара не было предела.

За взаимоотношениями в данном коллективе можно было наблюдать часами, но хозяин приготовил мне особое зрелище. Мы пошли на прогулку. Рембо, в силу авторитета, без ошейника, Джафар на двойной «якорной» цепи. Как только мы вышли на улицу, Рембо тут же исчез.

– Куда это он?

– Сейчас услышишь!

Минуты через две раздался групповой лай. Голос Рембо даже я уже узнавал. Джафар натянул поводок так, что мы с Витей стали похожи на героев сказки Репка, но сдались через полминуты и побежали за ротвейлером, еле удерживая спасительную для всей Петроградки цепь. Через несколько десятков метров мы увидели следующее: Рембо стоял в окружении трех дворовых псов и яростно рычал. Собачья братва, обступившая его, самодовольно размышляла, с чего бы начать бойню: шансов у стареющего пса было немного. Но в этом мире главное – уважение. И, как говорил Абдулла, кинжал хорош для того, у кого он есть. Кстати, несмотря на быстроту происходящего, я заметил в глазах Рембо полную уверенность в исходе стычки. Это потом я узнал, что все было отрепетировано. В момент, когда трое псов уже начали покусывать Ремчика, в круг с диким лаем ворвался Джафар. От одного только рокота, исходившего из его жуткой пенлившейся пасти, у бедных дворняг вжались уши. Та, что была ближе всех, взвизгнула, и все трое пустились наутек. Рембо даже не сдвинулся с места. Джафар с подростковой гордостью смотрел на старшего, но тот не удостоил его даже взглядом, а просто начал

осваивать покоренную территорию.

Хозяин этой «бригады» сообщил, что данная разводка – поставленный на поток фокус. Рембо заводился, начинал возню, а потом вызывал артиллерию. И если бы не якорная цепь, то все заканчивалось бы полным беспределом. Каждый раз Рембо убегал все дальше и дальше, завоевывая новые пространства.

Джафар набирал мощь, и вскоре банда получила контроль над всем микрорайоном. Рембо старел, дряхлел и уже не всегда мог пробежать хотя бы десять метров, но до конца его дней Джафар смотрел на низкорослого, нескладного пса со страхом и уважением. Ел по команде, дышал в такт и был счастлив от того, что точно знает свое место в жизни. Место чуть пониже старой дворняги и кошки, и чуть выше всего остального мира. Когда Ремчик умер, Джафар уже стал взрослым, и вместе с этой «взрослостью» из его глаз навсегда ушел бесконечный и беспричинный щенячий восторг. Достойный и неизбежный обмен.

Как Ясир Арафат меня спас

Папа включает на даче канализацию.

Я (рьяно): «Помочь?»

Он (скептически):

«В настройке канализации пиарить нечего, листья сгребай и грабли не сломай!»

В 1991 году, вместо того чтобы как все школьники сидеть на даче и ждать путча, я был отправлен в Детский исправительный лагерь в Израиль. Ну, в смысле, я поехал к папе на каникулы. Это была моя первая поездка за рубеж. Мечтаний было много, а денег мало, как у всех с серпастомолоткастым паспортом.

Увидев на первой же израильской бензоколонке жвачку Juicy Fruit и банки Соса Сола в неограниченном количестве, я впал в экзальтацию и тут же потратил почти все выданные мне в России 20 или 30 долларов. Многим не понять, но я хранил подаренную мне за пару лет до этого банку кока-колы, наливал туда пепси и катался по Ленинграду на трамвае, собирая завистливые взгляды окружающих. В конце концов, группа неевского пролетариата отобрала у меня и банку, и имевшиеся с собой деньги. Я страдал и ностальгировал по куску крашеной жести целый год, а тут их сотни.

В общем, деньги кончились, а жизнь только началась. Папа, осознав мое психическое расстройство, давал деньги только на музеи, и скоро я стал ощущать себя героем известного анекдота про еврейского мальчика: «Первый день русский, а уже вас, жидов, ненавижу».

Я потребовал с отца «репараций и контрибуций». Папа поступил по шедевальной парадигме «дадим обездоленным не рыбу, а удочку». Евгений Михайлович, даром что врач, решил приобщить меня к коммерции, а заодно выгнать из дому, в котором я почти круглосуточно ел и смотрел телевизор. Он купил сумку-холодильник на колесиках, двадцать бутылочек кока-колы (особый цинизм, зная о моей страсти к этому бренду) и послал меня продавать ее на улицы Иерусалима.

В Израиле чуть не ежедневно теракты. Мне 14 лет. Отцу 33. Вот ведь воля у человека.

Первый день прошел успешно. Я вышел во двор. Сел на скамеечку и начал «грозить Веселому Поселку (мой родной район в Питере), попивая

кока-колу у себя в квартале». Так сказать, пошла амортизация основных средств. Раз в час я лениво булькал прохожим «Кока-кола кара» (холодная кока-кола). К концу дня я выпил десять бутылок, продал две. Уставший, но довольный пионер прибыл домой. Папа произвел расчет и сказал, что теперь я должен ему 18 шекелей. Антисемитизм начал пускать корни в моей неокрепшей душе. Я решил, что потомок благородной русской фамилии не будет барыжить на этих кровососов, и сказал, что у меня недомогание. И тут папа, что называется, ударил в пах.

– Кстати, хочу тебя с дочкой наших друзей познакомить, вот фотография, пригласи ее в кино.

Девочка была не такой симпатичной, как модели в каталоге Quelle, страницы с женским бельем которого составляли основу моей жизнерадостности. Но гораздо лучше большинства тех моих одноклассниц, которые обращали внимание на тощего и локально прыщавого интеллигента.

– Она ждет приглашения в пятницу, и у тебя есть три дня, чтобы вернуть мне долг и заработать на билет. Ну, или я скажу ей, чтобы она тебе билет купила.

«Ну ничего... попроси у меня в старости воды», – подумалось мне. Папа внимательно посмотрел в мои глаза и решил на всякий случай родить еще двух детей. Теперь у меня сестры. Очень рассчитываю на них в вопросах воды для папы и себя.

В девять утра следующего дня, надев кепку, очки и взяв для себя воду, я вышел на охоту. Я был неудержим. Вокзал и музеи, синагоги и кладбища. Одинокие полицейские и одинокие бабушки. Группа военных и группа хасидов. Я продавал сладкий лимонад всем и везде. Меня любили и прогоняли. Я понял, что вода идет лучше и продал собственную. Я шел домой пешком, чтобы сэкономить на автобусе. Алчность обуяла меня, но я помнил одно: «Не заходи в Восточный Иерусалим». В школе я вел политинформацию и знал, что израильтяне аннексировали Крым, тьфу Палестину: вежливо туда зашли, но референдум не сложился. В общем, в Восточном Иерусалиме жили палестинцы и евреев они не очень ценили. Попасть туда было легко. Более того, часть еврейских районов находилась за палестинскими, автобус пролетал их особенно быстро. Периодически в автобус кидали камнями. Иногда случались и трагедии. Маму папиного друга зарезали прямо на улице... Уехала из беспокойной России... Судьба.

Но в подростковом возрасте опасность воспринимается по-другому, биологически организм знает, что жить еще долго и поэтому не боится смерти. Я был из довольно робкого десятка, но иногда терял всякую

осторожность.

В общем, я оказался со своим холодильником в Восточном Иерусалиме. Случайно. Я, правда, не хотел. Просто заблудился. Народу резко поубавилось, прохожие были одеты странно, и еще более странно на меня смотрели. Мне стало страшно. А выхода особо не было. Я носился с долбаным холодильником как Миронов по Стамбулу в «Бриллиантовой руке».

Смеркалось. «Евреи, где вы?! Вернитесь, я все прощу. Господи, помоги мне». Господь помог.

Два араба с мрачными лицами шли по переулку мне навстречу. Я уже тогда понимал, что стану гуру пиара, потому что придумывать отмазы умел как никто. Тем не менее врать о национальности своего отца не собирался. Я вам не Павлик Морозов. Но ведь не нужно сразу кричать, что у меня папа еврей. Можно же просто завести дискуссию в иное русло. Врут бездарности. Таланты находят нужную правду.

Арабы ожидаемо меня остановили. На улице никого. В стране как-никак война. Это вам не про мобильные скорости на ТВ сказку за сказкой рассказывать.

Что-то спросили на иврите – понятно было, что я с другой стороны.

– Языками не владею, ваше благородие, – смысл фразы был чуть иной, но лицо сияло как у Якина.

– Ты кто?? – Террористы сносно говорили по-английски.

– Александр, – имя не еврейское, плюс 1 балл. – А вы?

Пауза. Не ожидали. Представились. Я долго и крепко жал каждому руку. Переглянулись.

– Ты что здесь делаешь, придурок?

– Кока-колой торгую, хотите вам со скидкой? – глупо хихикнул я. Торговое предложение отклика не нашло.

– Ты хоть знаешь, где ты находишься?

– В оккупированном Израилем Восточном Иерусалиме, – 100 % правда, смотри резолюцию ООН.

Арабы подвисли, но взгляды их размягчились.

– А ты сам-то откуда?

– Я приехал из Советского Союза на заработки во время каникул – 100 % правда.

Нахмурились. Тот, что помоложе, встал слева.

«Бежать теперь некуда. Черт, надо было раньше делать ноги, но тогда бы точно спалился».

– А деньги тебе зачем? – Именно так обычно начинала разговор

ленинградская шпана.

– Сводить девушку в кино и купить маме цветной телевизор – 100 % правда, мы жили бедно и дома был черно-белый квадрат.

– А мама в России живет?

«Уф-ф клюнули! Ща должны спросить, кто она по национальности и уже проще будет».

– Да, у меня родители врачи, а врачам в СССР мало платят, хочу маму на старости лет порадовать. – Кроме старости (маме 33), все остальное – чистая правда, плюс я в одной фразе упомянул маму и отца. Таким образом, складывается впечатление, что отец у меня тоже бедный врач в СССР, обычный «пиарный» прием.

– А мама русская? – развязка близка.

– Конечно! – с особым возмущением сказал я. Ждать, пока они спросят про отца, я не стал.

– Она, конечно, переживает, что я здесь, но знает, что я работаю на честных и порядочных евреев (100 % правда) и уверена, что мне заплатят. А вы как думаете? Заплатят?

Араб проникся:

– Как повезет, но я бы взял вперед. А то я тут на стройке пахал месяц и ни хрена. А на кого ты рабо...

– А вы не могли бы меня с Ясиром Арафатом познакомить? – нанес я упреждающий удар по выдвинувшимся к Курской дуге немецким войскам.

Мозг арабов застыл, они напомнили мне роботов с планеты Шелезяка. Даже моргать перестали. «Надо добивать».

– Это же герой палестинского сопротивления, я про него в школе рассказывал на уроках (100 % правда). Если не возьму автограф, учитель расстроится, – 100 % правда. Учитель военного дела так и сказал.

Я смахнул слезу. Роботы начали приходить в себя.

– Да, это наш герой, и мы рады, что есть в мире люди, которые понимают нашу борьбу, расскажи всем в своей школе, что мы будем бороться и дальше! Пойдем. – Один из арабов крепко взял меня за плечо, и мы пошли.

«Если мы идем к Ясиру Арафату, то мне конец, переиграл».

Через пару кварталов, когда холод в моем животе превратился в вакуум, они вывели меня на относительно многолюдную улицу, ткнули пальцем в сторону израильских полицейских и сказали на прощание:

– Не заходи сюда больше, наш советский друг.

Только тут я обратил внимание, что они худы, бедно одеты, а во взгляде какая-то простая усталая теплота. Обычные люди, как мой отец

и его друзья в то время. Ну, не врачи они, не так образованны. Не там родились. Не вовремя. Надеюсь, им не пришлось никого убивать, и их не убили.

P. S. Девушка мне не дала. Телевизор я маме купил.

SOS. Save our safe

Вот мы всегда критикуем нашу страну за низкую эффективность труда, а ведь бывает и хуже. Занимательная история о том, сколько нужно людей, чтобы открыть один сейф.

Жили мы на острове, и все было хорошо, но вдруг пришло несчастье. Навернулся сейф. Отличаясь изрядной долей паранойи, я спрятал туда все, включая мелочь, я бы и ботинки запихал, но не влезли.

Предполагая днем наконец потратиться на банку кока-колы, я утром набрал заветную комбинацию, но в ответ гробик пожужжал и не открылся. Весь персонал отеля уже ознакомился с диким нравом нашей семейки и разбежался в стороны, как только мы выходили на променады. Ну а наш звонок на ресепшн, уверен, встречали стоя и матом. Поэтому вызванный мастер выглядел как CEO Bank of New York (глава банка «Нью-Йорк»), имел помимо очков, галстука и костюма мешок с запчастями, 100–500 раз извинился и сказал, что весь менеджмент скорбит вместе с нами. Несмотря на мешок с дивайсами, ремонт осуществлялся нашей же шариковой ручкой, найденной им в нашем же бюро.

Сейф не сдавался. Через полчаса мастер был одарен таким взглядом моей будущей жены, что от него должен был открыться не только сейф, но и врата более опасные. Мастер вернул ручку, поклонился, всплакнул и сказал, что вызовет подкрепление.

К вечеру прибыла бригада спецназа: CEO, плюс тучный гражданин (он стоял, дышал, смотрел и в этом был смысл его прихода), а также равнодушно-жуликоватого вида подросток, который, как мне кажется, вскрывал сейфы при совершенно разных обстоятельствах. Около часа они меняли местами батарейки в панели управления и краснели всеми своими афроамериканскими лицами. Затем в дело ввели пару сканеров и датчиков. Еще через час они начали отчаянно звонить «наверх». Насколько я понял, «наверху» предложили поменять батарейки. Креольский мат был сопоставим с искренностью извинений.

Тучный гражданин понял, что его время пришло, и начал непринужденно интересоваться, как нам Маврикий и что мы успели посмотреть. Слово «успели» отражало суть ситуации. Все деньги и кредитки были за сим-симом, а без них, понятно, смотреть Маврикий весьма затруднительно. Понимая, что вопрос не проходил, п-д-н задушевно поинтересовался, как там у нас, в России. Тут я уже

не сдержался: «Do your questions mean that mission has just been fucked by a metal box?» (Означает ли это, что миссию только отымел железный ящик.) Больше вопросов про Россию не поступало. Далее мистер малой начал звонить «вниз». Внизу посоветовали применить дрель, о чем я говорил еще утром.

СЕО подтянул галстук, поправил очки, насупился и изрек: «If we use all available technics and EXPERTS opinion and still do not achieve the necessary for ALL OF US result, we will have to DESTROY it». (Если мы, используя все имеющиеся в нашем распоряжении технологии и экспертизу, не сможем достигнуть удовлетворяющего нас всех результата, мы будем вынуждены уничтожить его.)

Судя по такому интро, уничтожить сейф он собирался термоядерной бомбой вместе с отелем и островом. Перед самым вызовом «мусорщиков» тучный болтун подошел к сейфу и так долбанул по нему мозолистым кулаком пролетариата, что в спальне упала картина. Сейф не открылся. СЕО побежал вешать местную живопись обратно. Вернувшись, СЕО боязливо поинтересовался, когда вернется госпожа. Узнав, что у них есть пять минут до прихода инквизиции, троица начала панически звонить и дергать дверь сейфа. Через 4 минуты 58 секунд они испарились. Еще через полчаса пришел мастер в робе, с ним помощник и те трое. Гардеробная в нашем номере большая, но и она не вместила всех желающих. За минуту профи высверлил сейф и молча удалился. СЕО божился: «It is first case in my long life, believe me, I do understand how difficult it was for you and I am sure it will never never never happen again!» (Это первый случай за всю мою долгую жизнь, я понимаю, как вам тяжело, и я уверен, это более никогда, никогда не повторится.)

Я разрыдался.

Интересно, что ни один из граждан не удосужился попросить у меня паспорт или хоть как-то по-другому уточнить, имею ли я отношение к этому номеру. Но даже не это восхитило меня, а то, что, как мне потом рассказал один из сотрудников отеля, история про наш сейф облетела весь курорт, и бездарный СЕО благодарность получил за то, что решил вопрос. Парня со сверлом так и не наградили.

Гимн а ля рюс

Сардиния, клуб «Billionaire». Миллиардера я заметил там, правда, только одного, но в целом модное местЭчко. Много наших, скажем так, «яхтсменов» и неистовых поклонниц этого прекрасного вида «спорта».

Суббота. Приглашен как бы звездный диджей. Не Пол Ван Дайк, конечно, но вида приличного и, главное, периодически играет неплохую музыку. То есть не попсу, а для понимающих. В самый разгар сета вдруг прибегает за пульт какой-то суетливый администратор неопределенного возраста, начинает махать диджею руками, что-то втирать и тыкать в дальнюю часть зала. По лицу администратора видно, что в «дальней части зала» сидит, как минимум, его смерть. Диджей в полном изумлении останавливает пластинки. Танцующие озираются. Думаю, неужели местная полиция приехала реагировать на жалобы соседей.

Тишина. Из недр кухни выплывает процессия с трехлитровой бутылкой «Кристалла», увенчанной канделябром из фейерверков. Следом несут еще бутылок десять, обычных уже, но тоже, как положено, с пиротехникой. Суетливый администратор, выскакивая из очков, делает кому-то знаки и начинает играть Гимн РФ в каком-то комически-хоровом исполнении, напомнимшем фильм «Красная Жара» со Шварценеггером. Диджей сразу ушел в себя и надел оба «уха». Администратор с лицом человека, которому всё пришили назад (и всё работает), встал во главе процессии. Ну а в ложе – наш человек: тучный, довольный, родной, патриотичный.

Я ощутил в полу вибрацию и понял, что это Сергей Михалков крутанулся. Кто бы ему эту картину нарисовал в тридцатых.

Игра на понижение

На волне недавних валютных спекуляций я вспомнил искрометную историю про своего школьного друга, которого родители премировали за пятерки. Антоха был очень толковым, поэтому школу закончил круглым отличником и... неврастеником, так как любая четверка рассматривалась родителями как трагедия и причина для санкций. Поступив в Политех, гений понял, что в системе пора что-то менять.

В первую сессию он управляемо «опустил рынок» до четверок, во вторую – до троек и двоек, с пересдачами и угрозой отчисления, о которой со всем трагизмом ежедневно сообщал родителям. Один особо умный преподаватель Антоху, что называется, вскрыл, так как уж слишком хорошо он учился в течение года, а потом вдруг на экзамене превращался в тупицу. Но понять всей глубины замысла он так и не смог.

Родители горстями ели успокоительное, вели жесткие беседы, лишали сына карманных денег, требовали пятерок, но сдались первыми. За то, что второй курс Антон закончил «ВСЕГО» с двумя тройками, он получил автомобиль. К концу учебы у будущего бизнесмена в зачетке светилось «хорошо», а иногда даже «отлично», и он был одарен квартирой. При этом учиться он совсем перестал и открыл свою контору уже к четвертому курсу. Когда денег на раскрутку не хватало, он за несколько дней писал молодежи дипломы и курсовые. В эти моменты он запирался в своей комнате, объясняя, что усердно готовится к экзаменам.

Дмитрий Игоревич (папа Антона) говаривал мне, что нет лучше мотивации, чем денежная, и он прекрасно разбирается в том, как с ее помощью манипулировать людьми:

– Я смог вытащить своего сына из ямы и заставил учиться, преодолеть себя, и главное, я всегда платил только за реальный результат, за работу на износ.

– Антоха, а ты когда-нибудь расколешься?

– А кому от этого будет хорошо? Странные вы люди, пиарщики.

Гордость нации

Русские женщины постоянно вынуждены «заходить в горящие избы», в основном, чтобы вытащить оттуда пьяных в стельку мужей, которые сами эту избу и подожгли во время попойки.

Недавно на вполне законных основаниях я провел пару часов в полиции. Сколько веселых зарисовок, отражающих глубинные проблемы нашего общества!

Пролог

Началось все отлично: уже на уличной проходной у меня попросили паспорт, о потере которого (залил вином-с) я и пришел заявить.

- Разрешите пройти, мне заявление подать об утере паспорта.
- Добрый день, документы предъявите, пожалуйста.
- Ой, извините, здравствуйте, так у меня нет!
- Другие документы.
- Какие?

Полицейский поднял глаза и порадовал:

- Ну, я не знаю, ну, справку об освобождении.

В эту минуту я решил поменять пуховик, побриться, купить другую шапку и прекратить пить.

- Справки у меня тоже нет... пока.
- Загранпаспорт?
- Дома.
- Если не сложно, сходите, пожалуйста. Порядок, вы меня поймите.

Такой вежливости я противостоять не мог. В общем, сходил домой за загранпаспортом, пустили.

Зарисовка 1

Сижу в фойе. Составляю петицию.

Рядом непотребного вида субъект, ростом метр пятьдесят, в куртке с плеча Николая Валугева, высказывает недовольство бюрократическими

процедурами.

– Начальник....гнида... паспорт, сука, верни!!! Ну что, козлы, поймали у Холмовный Алимент? Звездочки зарабатываете, суки?!

Полицейский в ответ равнодушно:

– Сейчас протокол подпишите – вернем.

– А вот хрен тебе, не буду ничего подписывать, хоть расстреливай!

– Тоже вариант.

– Ой, напугал! Я свою двушку отсидел.

После этого пассажа он вдруг заснул. Причем мгновенно. Через пятнадцать минут проснулся и из недр куртки прозвучала гражданская позиция определенной части электората:

– Эээ начальник, падла, а кормить когда будут?

Зарисовка 2

Тот же полицейский кому-то за углом в коридоре:

– Господа, пройдите сюда.

Я отвлекся от заполняемого заявления, чтобы посмотреть на «господ».

Они вывалились в приемную пирамидкой на ногах, кривых анатомически и алкоголически. Один в полную зюзу, второй выглядел значительно лучше.

Полицейский:

– Пишите здесь, что пили алкогольные коктейли. Первый, булькая и заикаясь:

– Я ничего не пил.

Полицейский:

– Ну конечно, а взяли за что?

Первый, икая:

– За компанию.

Второй:

– Серега, быстро во всем сознайся и пойдем отсюда. Первый:

– В чем это я должен сознаться?!

Второй:

– В убийстве Кеннеди, задолбал, домой хочу.

Да-да, высок уровень образования в нашей стране. Первый в панике:

– Я никого не убивал!

Второй:

– Тогда пиши, что пил.

Первый быстро все подписал, получил какую-то бумагу про штраф, спросил о сумме и, узнав что влип на пятьсот рублей, озвучил экономические требования от регионов центру:

– Пятьсот рублей?! Да вы все в Москве охренели!! Я дома неделю на эти деньги бухать могу.

Зарисовка 3

Входят двое. Строгие. Деловые. И с положительными лицами под положительными шапками.

Первый:

– Простите, а процедура сколько займет? Мне ребенка из школы забрать нужно.

Полицейский:

– Сорок минут, и свободны.

Первый звонит по телефону:

– Але, Света, я не смогу Кирилла забрать из школы. У тебя получится? Я в милиции. Нет, все в порядке, нас с Димой забрали за курение в общественном месте. Да бросил я курить! Я случайно! Нет, ну правда, я уже месяц не курю. Нет, я не всегда вру. Да, я правда в милиции!

Жена, судя по всему, трубку бросила. Перезванивает:

– Свет, ну я клянусь, ну что мне, полицейскому трубку дать? – Обращается к оформляющему тех двоих: – Простите, вы не могли бы моей жене сказать, что я правда в милиции, тьфу, в полиции, и что действительно за курение.

Тот, который знает Кеннеди, громко в трубку:

– Жена, не верь, у бабы он был, вон, весь в помаде! – и залился хохотом.

Тот, который в куртке Валueva:

– Менты, суки, ни за что людей сажают! Полицейский взял трубку:

– Здасьте, лейтенант такой-то, Хамовнический ОВД, да, у нас, да, курил, да, с другом, да, оба курили; да, только что; скоро отпустим... Сказала, что лучше бы вас не отпускали, – порадовал полицейский мужа Светы.

Несчастный курильщик озвучил одобрение законодательным инициативам Государственной думы:

– Хороший закон, точно курить брошу.

Эпилог

Майор, взявший у меня документы, сказал, что мой дом попадает в район Арбатского ОВД, но он все примет, и всем там позвонит, и что я могу через десять дней туда подойти. Дал адрес и сказал, чтобы я не переживал, что все будет хорошо.

Хорошие у нас люди в полиции работают, душевные и спокойные.

@atsypkin *Twitter. Лучшее из худшего*

Настоящее разочарование – это когда дружишь с человеком, душу вкладываешь, в огонь и в воду, так сказать, с ним, а его р-р-раз и увольняют с важного поста. Или того хуже, сам, паскуда, увольняется.

Похотя обидел девушку.

Сотрудник Госдумы, отвечающий за реестр порносайтов, СГОРЕЛ на работе.

Чужие письма читают бабы, женщины пишут свои.

Возраст – это когда одинокий мужчина, собираясь в командировку, сначала проверяет, взял ли он с собой все необходимые лекарства, и только потом наличие презервативов.

Микросекунду легко определить и почувствовать. Ты смотришь в глаза незнакомой женщине именно на этот промежуток времени больше, чем нужно. Но оба его считывают.

Одно из важнейших качеств по-настоящему близкого человека – чувствовать, когда ему нужно побыть от тебя подальше.

Наше будущее

Шедевры 11-летней сестры гения, то есть меня

Маша стоит у памятника Пушкину и ждет сильно опаздывающую маму. Вскоре она не выдерживает, звонит маме:

– Мама, забери меня скорее, потому что единственный трезвый человек рядом – это Пушкин, и, судя по всему, ему тоже скоро начнут наливать...

Маша решила выпросить новый телефон и применила убойную тактику. Оставшись с папой один на один, она сказала ему следующее:

– Папа, мне бы очень хотелось новый телефон, и я знаю, что мама будет возражать, но я надеюсь, у тебя есть САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ мнение.

– Маша, как в лагере?

– Неплохо, мне нравится быть командиром отряда. Если бы только не три оппозиционера, мешающие моей диктатуре.

Маша в очередной раз грохнула что-то на кухне. Папа рывкнул:

– Ты в своем уме?!

Сестра:

– Это вопрос риторический, – и ушла за кулисы.

МММ

Кто-то из старшеклассников в школе моей сестры сказал дома, что надо сдать деньги на выпускной и взял 50 тысяч. Купил доллары. Через три недели продал. 50 тысяч родителям вернул, объяснив, что, дескать, пока не нужно. Прибыль прогулял (много, что ли в этом возрасте надо?) и спьяну разболтал все школьным собутыльникам. Те ринулись к своим родителям. Меры не знали. Цена выпускного у одного предпринимателя выросла до 100 тысяч. Началась инквизиция. Нашли источник заразы. Мама с бабушкой зачинщика, питерские научные работники, устроили шельме товарищеский суд с ограничением в правах. Папа, барыга-спекулянт, после оглашения приговора зашел в камеру и тайно премировал сына десятью тысячами за находчивость.

Откуда берутся дети

Моя коллега застряла на работе. Звонит своей дочке (10 лет) и извиняется за то, что опоздает. В ответ на фразу «Деньги же с неба не падают», принцесса сообщила, что «дети тоже с неба не падают».

Жена

11-летняя дочка моей подруги осталась на даче одна. Выходит из дома – на крыльце змея. Вернулась, взяла топор, зарубила змею. Причем разрубила на несколько кусков. Мама ее спрашивает:

- Зачем так мелко нарубила???
- Рубила, пока части двигаться не перестали... Хорошая жена растет.

Рассказы израильских таксистов о любви

За неделю, проведенную в Израиле, раз дцать пользовался такси. Молчать я всю дорогу не мог, водители тоже. В итоге появилось несколько зарисовок, рассказанных тель-авивскими извозчиками. А кто знает жизнь лучше, чем они.

Не щемит

Спрашиваю:

- Давно здесь?
- Лет двадцать.
- Друзья НЕ из России есть?
- Конечно, и не один, с армии много.

В Израиле ВСЕ служат три года. Не служил – не человек.

- А женщины?
- Нет, только наши.
- Почему?
- Сейчас расскажу:

Еду по бульвару, голосует девушка. Останавливаюсь. Она маленькая, с ней огромный чемодан. Я его еле в багажник запихал. Спрашиваю, куда едем и почему плачем. Оказалось, нужно в аэропорт, а плачет, потому что ушла от мужика и возвращается в Россию.

В общем, история обычная. Приехала с подружкой в отпуск, познакомилась с местным. Хороший парень, умный, красивый, ответственный, полгода друг к другу летали, потом она к нему перебралась. Жили год, но он все замуж не звал. В конце концов, она сказала, что так не может, нужно страну выбирать и вообще будущее. А он промолчал.

Ну, девушка посидела день, поплакала, собрала чемодан и решила домой вернуться. Уходила, он молчал. Только спросил, уверена ли? Хоть бы слезу пустил. Никогда его плачущим не видела.

В общем, привез ее в аэропорт, привычно дал визитку. Она говорит: «Да вряд ли уже», но взяла.

Поехал назад, вдруг звонок. Та пассажирка спрашивает, далеко ли я? Вернулся, щебечет, что парень ей прислал смс с предложением выйти замуж. Снова грузу чертов чемодан, летим обратно, она, конечно, уже счастливая. Болтаем о чем-то. Привез, вытащил чемодан, допер до квартиры. Господи, что она там везла?! Сел в машину. Звонок. Ну, думаю, поблагодарить хочет. Ан, нет. Просит ее забрать. Я уже расслабился, уверен, поедem за кольцом. Оказалось, еще раз чемодан тащить. Она опять в слезах, едем в аэропорт. Спрашиваю:

- Что случилось?!
- Да я зашла, а он плачет, говорит, жить не может без меня.
- А ты?

– А у меня не щемит.

– В смысле?!

– Ну, когда родной человек плачет, щемить должно, а у меня не щемит.

Не родной он мне оказался. Ничего не выйдет.

Водитель замолчал.

– Так, а почему с местными женщинами-то не получается? – вспомнил я начало разговора.

– Не щемит.

– У них?

– У меня.

Верующие

В аэропорту садится в машину пара из России. Муж лет пятидесяти, в дорогих очках, надетых на умные глаза, в деловом костюме, голова увенчана кепкой. Всю дорогу молчит.

Жена, с лицом настолько славянским, что хочется петь «Калинку-малинку», наоборот, безостановочно болтает в основном о том, как она любит Израиль, иудейскую культуру и особенно религию. Вероятно, уверена, что всех русских встречают агенты Моссада. Рассказала, что едут на бар-мицву и, дескать, как жаль, что в России нет таких праздников... и опять про любовь к иудаизму.

Подъезжают к отелю. Вдруг жена чуть ли не хлопает в ладоши и тычет пальцем из окна.

— Миша! Посмотри, какой я чудесный отель выбрала, прямо рядом с синагогой, будем каждый день ходить!

— Света, ты можешь... ну... просто помолчать, а? — ласково и с нежностью попросил муж.

Палец Светы указывал на знаменитую мечеть.

Еврейский русский патриот

Таксист, узнав, что я из России, поведал о планах посетить Москву в качестве туриста. Я, конечно, начал балалаить, что у нас зимой медведи ходят строем, плевков замерзает на лету, и лучше бы ему летом приехать, и то если шубу купит, так как зеленая зима не многим лучше белой. В общем, заткнуться я не мог минут пять. Наконец, когда мой словесный поток иссяк, водитель рассказал, что уже двадцать пять лет каждые два-три года в декабре прилетает с женой в Москву, берет билет на поезд и едет в Новосибирск. Так что в холоде он разбирается.

Вставив назад челюсть, я спросил только: «ЗАЧЕМ». Оказалось, у него жена из Новосибирска и они как-то давно повздорили о том, что он не знает, что такое холод и не выжил бы в России. И вообще, именно поэтому не может понять жену.

В итоге из его «слабо» и желания понять жену образовалась семейная традиция.

Еще говорит, зимой в Новосибирске можно выпить залпом полбутылки водки и всем ясно – ты не алкоголик, а просто замерз. А водку он любит, но пьет ее только в России.

Спрашиваю:

– А жену-то поняли?

– Нет. Но мы всего тридцать лет вместе, может, попозже и пойму. Хотя, если честно, я не уверен, что надо.

Индульгенция

Конец двухтысячных. Тель-Авив, аэропорт. В такси садится прилетевший из России мужчина за сорок. Небольшой чемоданчик, хитрые живые глаза и спокойная улыбка богатого человека.

– Здорово, иммиграция. Ну что, бомбим? Я в хорошем смысле слова.

– Понемногу. Ну, так сказать, а какова цель вашего визита?

– В морду дать, а потом Иерусалим посмотреть. Святой город. А я тут покрестился недавно.

– А в морду кому?

– Есть тут у меня должник.

Оказалось, в девяностых этот гражданин обнаружил в себе непреодолимую тягу к иудаизму, а особенно к корзине абсорбции (подъемные от государства), и решил перебраться на вновь обретенную историческую родину. Уезжали вместе с другом, оба начали в те годы мошенническую деятельность в России и по привычке решили кое-что контрабандой вывезти в Израиль.

Вдаваться в детали пассажир не стал, но речь явно шла не об оружейном плутонии, а, скорее всего, о лишней валюте или украшениях. В общем, одного из двоих таможенники взяли. Кое-как удалось отскочить от уголовного дела, но иммиграция не состоялась.

– И вот, представляешь, через год наверное, узнаю я, что сдал меня тот дружок, еще накануне стуканув ментам. Может, и к лучшему, я раскрутился, бизнес поднял, весь мир объездил. А недавно дети мне показали сайт «Одноклассники», на котором я случайно своего товарища нашел. Почитал внимательно и понял: нужно ехать бить морду.

– Зачем? У него здесь все хорошо? Лучше, чем у вас? Отомстить хотите?

– Э-эх... Не понимаешь ты в жизни ни хрена. Плохо у него всё. Работы толком нет, да и друзей тоже. В унынии человек пребывает, а это – самый главный грех. И я думаю, все потому, что тяжесть на душе – друга предал. А я сейчас приеду, рожу ему начищу, и он себя сразу простит. Я-то давно уже его простил. Может, в Россию уговорю вернуться, помогу чем смогу. Домой ему пора.

@atsypkin *Twitter. Лучшее из худшего*

Когда идешь по наклонной, встречаешь столько интересных людей, идущих в обратную сторону.

Соцсети создавались, чтобы те, у кого пятеро друзей, обрели сотни. Многие в итоге потеряли пятерых и обрели айфон.

А мне одному иногда кажется, что некоторые адепты толерантности не прочь посадить на кол всех, кто в их понимании недостаточно толерантен?

Сапсан. Буфет:

Я (*задорно и беспечно*):

– А как выглядит десерт «Банановый восторг»?

Официант (*сухо и безнадежно*):

– Как восторг.

Итальянец в Ситибанке на Невском: «Is it possible to process everything without your usual BARDAK?!» Велик и могуч.

В ресторане на Крите задаю идиотский вопрос:

– Что порекомендуете: свинину или рыбу?

Официант:

– Вы видите хоть одну плавающую в этом море свинью?

На президента Ботсваны напал гепард.

Живут же люди.

В Татарстане 61-летняя жена убила 66-летнего мужа СКАЛКОЙ.

Умирают же люди.

Код петербуржца

Петербург мы, разумеется, обожаем. Хотя сам он жителей своих переносит с трудом, и его отношение к горожанам заметно даже плохо вооруженным глазом. Вот представьте себе Париж без людей. Что наблюдаем? Серо-желтые коридоры брошенного замка. Рим без людей.: раскопки, с которых сбежали археологи. Дубай без людей.: город будущего после ядерной войны. Пусто, тихо и страшно. А в какое время суток наш город выглядит лучше всего? Правильно, в «белую ночь», часов в шесть утра. На улицах никого, но чувства одиночества нет, город все равно кажется живым и наполненным. Наш город прекрасен без нас. Отношение к горожанам у Питера, как у благородного кота к хозяину: «Корми, убирай и не мешай. Разрешаю побыть рядом и повосторгаться моей красотой. Будешь плохо себя вести – поедешь в Москву». Но, несмотря на социопатию, город умудряется заманивать на свои улицы интереснейших людей. Они либо выбирают его для своего рождения, либо (если менее удачливы) приезжают сюда после появления на свет. И если внимательно смотреть по сторонам, то можно встретить тех, кто носит в себе «код петербуржца». И не важно, стоит перед вами гениальный писатель или забулдыга с Лиговского. Код проступает на лбу.

Дама-бомж

Невский проспект. Около двух часов ночи. Я шел пешком от площади Восстания. Где-то в районе Фонтанки рядом со мной из воздуха материализовалась дама-бомж. Описать ее одежду не представляется возможным, но сразу понимаешь, что она бомж и дама в одном лице. В ней было прекрасно все: от туфель до шляпки. Возраст тоже определить было сложно, но думаю, она помнила площадь Восстания еще без нынешней стелы. По направлению ее движения и взгляда стало понятно, что я вызываю ее живой интерес. Изображать фонарный столб с перегоревшей лампочкой было невежливо по отношению к даме и бессмысленно по отношению к бомжу. В итоге я был вынужден выслушать следующее:

– Молодой человек, у меня сегодня чрезвычайно низкое давление, в связи с этим, не могли бы вы купить мне чашку кофе?

«Молодой человек» ответил:

- Осуществить покупку не готов, рад буду профинансировать.
- Точку в разговоре поставила женщина:
- Не возражаю, – с достоинством произнесла она.

Интеллектуальный спор

Новогодние праздники. Утро. Люди делятся на тех, кто уже пьяный, и тех, кто еще пьяный. Пересекаю сквер на Манежной, там где памятники знаменитым архитекторам. Не жарко, но в общем и не холодно. На скамейке приютилась парочка. Любят выпить и друг друга. Судя по всему, оба чувства многолетние и взаимные. Возраст – неопределенный, равно как род занятий и, скорее всего, место жительства. Издалека вижу, что диспут идет серьезный, на повышенных тонах и с активной жестикуляцией. Тем не менее лица светятся, а значит, спор философский. Мое появление в сквере не могло остаться незамеченным, так как, кроме памятников и голубей, зрителей у пары не было. И тут я весь такой трезвый.

Они разом замолчали, сфокусировав на мне остатки зрения. Я уверенно топтал снег. Неожиданно на лице мужчины заиграла мысль, и он, выбрав короткую, но кривую траекторию, подкатился ко мне с полукриком-полушепотом:

– Но вот вы-то! Вы! Сразу видно, образованный человек, объясните ей, – он всем телом обернулся к подруге, – что Петропавловский собор построил не Кваренги!

В блестящих выступившим алкоголем мутноватых глазах я увидел надежду на справедливость. Не оправдать надежды такого человека было бы свинством. От неожиданности я сразу забыл, кто построил собор и что построил Кваренги. Знаток архитектуры смотрел на меня с мольбой, его спутница начинала торжествовать. Мужичонка же словно съежился.

Но тут я достал из широких штанин шайтан-машинку товарища Джоббса. Вопросивший стал похож на индейца, увидевшего головорезов Кортеса. Пока глаза моего нового друга закатывались обратно, интернет сообщил, что Петропавловский собор построил Трезини. Я рассказал об этом жаждущим истины. Мужик вырос на голову и, словно танк ИС-2, двинулся назад. Подойдя к своей избраннице, он четко произнес: «Ну я же говорил...», затем обернулся ко мне и поклонился.

Сила искусства

Лечу в Петербург. Мое место в середине. Подхожу. Сидящий у прохода пассажир уже откинул столик, поставил комп и отчаянно стучит по клавишам. Думаю: «Вот же болван! чего разложился, если ни мое место, ни место у окна еще не занято?!»

Он быстро все собрал, пропустил меня, и снова все разложил. Печатает. Самолет полный, и очевидно, что место у окна тоже будет занято и придется опять все собирать.

Не удержался, спросил:

– Отчет горит?

– Нет, рифма пришла.

Смотрю в экран – там стихи... неплохие.

Из беседы с петербургским милиционером

«В связи с новым законом о запрете в Питере громкого секса после 23:00, звонки на мобильный с 22:55 до 23:00 считаются хамством».

Она

День святого Валентина. Стою в аптеке на Вознесенском с wish-list от бабушки. За мной девушка:

– Молодой человек, не пропустите барышню? У вас такой объемный список, а мне сущий пустяк – презервативы. Спешу, очень спешу!!!

Тактичный муж

Покупаю подарок крестнице. К миловидной продавщице обращается мужчина лет сорока:

– Нужна игра на развитие эрудиции.

– Сколько ребенку?

– Ребенку-то четырнадцать, но мне нужно лет на двенадцать.

– Может, вы его недооцениваете?

В ответ грустно так:

– С ним-то все в порядке, а вот мою новую жену он все время обыгрывает. А нам на праздники уезжать всем вместе, не хочу ее ставить в неловкое положение.

Добрый полицейский

Гуляем по улице Пестеля, пьем вино из горлышка. Патруль:

– Ну что, молодые люди, поехали оформлять протокол.

– Мы же бутылку в пакет спрятали!

– Из пакета – это в Америке, так что допивайте, ЧТОБЫ НЕ ПРОПАДАЛО, и поехали.

Заботливые...

Оптимистка

(оживший анекдот советского времени)

Ресторан «Мансарда» в Питере. Сажу с очень старшими товарищами, которые, в связи со сложностью обсуждаемой темы, заказали водку с икрой.

После 250 граммов икра иссякла. Официантка смущенно-игриво и слегка виноватым тоном:

– Икра кончилась, но у меня есть чем вас порадовать. Все трое, и даже я, хором:

– Чем?!

– Водка не кончится.

Варвара не даст

Бродил с товарищем по Галерее. Заглянули в обувной отдел. Ботинки так себе, продавщица великолепна. Пока я пытался примириться с безвкусицей производителей, мой друг вербовал девушку с табличкой «Варвара». Делал он это весело и профессионально. Наконец я обнаружил что-то приемлемое и обратился к увлеченному другу за советом:

– Бери, Саня, тебе хорошо, Варвара не даст соврать, – и азартно

улыбнулся девушке.

Варвара тоже улыбнулась, но по-другому. Она несколько секунд смотрела на ищущего очередное приключение оболтуса, представила себе всю последовательность от первого кофе до последнего смс, взгрустнула, поразмыслила, взвесила и приняла решение:

– Варвара не даст.

Реалист

Из разговора с возрастным петербуржцем:

– Молодость проходит – это полбеды, оказалось – и старость проходит!

Петербургский наезд

Один мой товарищ поведал о милейшей истории. Он живет на третьем (это важно) этаже хорошего питерского дома, с хорошими соседями. На первом (это важно) живет музыкант из Мариинского театра. Товарищ решил «раскрасить вечера», купив караоке. Пел он тихо, вечером, один. Репетировал, так сказать. Через два (это важно) месяца сосед с первого этажа, столкнувшись с ним в парадной, обозначил свою претензию по-питерски иносказательно. «Уважаемый N... N... Я уже два месяца вас слушаю. Поздравляю, вы делаете успехи, начали попадать в ноты».

Ирония судьбы

Гостиный двор. Девушка покупает подарок, оплачивает картой. Очередь из покупающих новогодние подарки тридцать первого декабря волнуется, продавщица гипнотизирует карточную машинку. Тем не менее все зависло.

Через минуту процессор закричал, чек начал выползать и кассирша прокомментировала:

– О-о-о, тепленькая пошла.

...она

Вечер. Ловлю на Невском машину. Останавливается пожилой «форд», в нем пожилой человек.

– До Биржи, пожалуйста. Но там, на Дворцовом, треш, так что, если что, я пешком мост перейду.

– Простите, ради бога, отстал я от жизни. Я правильно понимаю, что чисто семантически «треш» означает «жопа»?

Фаталист

Ухожу из очереди и говорю стоящему за мной и читающему книгу:

– Я вернусь.

Человек, не отрываясь от чтения:

– Кто знает, кто знает...

О Путине

Обгоняю на улице пару бомжей, слышу разговор. Она ему не очень трезвым голосом: «У каждого народа своя судьба, и Путин здесь ни при чем».

Чужой

Я:

– Питер более гомогенный город, чем Москва. Собеседник:

– Это точно, гейский у вас город!

Своя

Кассир в магазине, шепотом:

– Не могу не предупредить, что черничный сок стоит двести пятьдесят рублей, ужас, конечно, извините.

Сдержанность

Интеллигентный, но эмоциональный коллега на совещании: «Ну нельзя на елку влезть и... (посмотрев на дам)... и сидеть потом нормально на стуле!»

Определение

Раннее утро в офисе. Пью кофе. Рассыпал сухие сливки по столу, собрать догадался кредиткой в ровные полоски белого порошка. Входит сотрудница. Зависает. Я тоже. Но с невозмутимым лицом продолжаю сгребать сливки в кофе.

Сотрудница: «Тоже мне, молодежь сусальная!»

Ленинградская дипломатка

«Он так начал меня раздражать, что пришлось имитировать отсутствие оргазма».

Ленинградская учительница

– Хорошая у тебя голова, Цыпкин, а вот жопы, извини за нецензурное слово, нет! А, чтобы добиться чего-то в жизни, жопа нужна!

– Простите, а зачем?

– Простите, чтобы сидеть на ней и зубрить!

Ленинградская мама

Мама, зная про мою аритмию, заботливо предупредила меня перед поездкой на Ибицу:

– Следи за пульсом.

– За чьим?

Мама со снисходительным умилением:

– За чьим сможешь.

Ленинградский друг

«Сань, мог ли я, простой ленинградский пионер, думать, что когда-нибудь получу письмо из Швейцарии с просьбой оплатить штраф за превышение скорости?»

Вежливость

Забираю машину со штрафстоянки, говорю:

– До свидания.

В ответ:

– Здесь это слово не очень уместно, лучше – всего доброго.

Ценности

Друг филолог: «Настоящий петербуржец больше волнуется о том, не найдет ли вернувшаяся из поездки жена пакет из-под семечек, нежели использованный презерватив».

@atsypkin Twitter. Лучшее из худшего

Лететь на Марс в один конец согласились уже восемь тысяч человек! Вот ведь кого-то семейная жизнь достала...

Парочка, держащаяся за руки, – это так чудесно, так искренне. Глядя на них, хочется жить! Жаль, на мужской руке кольцо есть, а на женской... нет.

Девушки, когда в интернете смотрят ваши фотографии на море, оценивают купальники. Грудь можно исправить, вкус – нет.

Соцсети – это демоверсия нашей загробной жизни: никаких телесных ощущений, но столько переживаний! А в реальности ничего нет, только твой аккаунт и другие аккаунты, которые нельзя ни поцеловать, ни ударить...

Мы с особым рвением и упрямством пытаемся изменить именно тех, кто согласен принять нас такими, какие мы есть.

Подумалось, что любовь, как радикулит: один раз не вовремя прогнешься, и все – не встанешь.

Made in Москва

На Рублевском шоссе рекламный щит: «Кредит под залог ЧАСОВ»

1. Хорошие здесь часы.

2. Плохи здесь дела.

Московский аристократ

Как вы все знаете, я эксперт в области орфографических эпикфейлов, но однажды я зажег и на литературном поприще. После переезда из Северной столицы в Южную я стал бывать в приличных домах. И вот как-то, пытаясь поразить московскую аристократию питерским изыском и эрудицией, я вступил в литературную дискуссию. Отмечу, что читал я относительно мало, абсолютно бессистемно и не до конца. Тем не менее имена нужных авторов знаю, равно как и названия нужных произведений. Это не раз позволяло мне блеснуть википедийностью знаний. Но всему приходит конец.

Итак, диалог.

Московский аристократ и литературовед:

– Ты читал «Бойню номер пять»?

От страха я забыл, что я это читал, а страх быть пойманным на деталях парализовал меня вовсе. Дабы не потерять лицо, я равнодушно-устало ответил:

– У Воннегута я читал только «Над пропастью во ржи».

Аристократ на то и аристократ, чтобы не подать виду и продолжить беседу. Через минуту смысл сказанного мною догнал меня, и я, ощущая гирю в животе, проникся особенным уважением к старшим и воспитанным москвичам.

Трудяги

Домодедово. Внутриаэропортовый шалман. Подхожу к стойке. Никого. Но, вроде, какая-то движуха внизу. Бодро и задорно спрашиваю:

– Работаем?

Из-за стойки вылезают три тетki, в резиновых перчатках, чумазые

и мокрые:

– Нет, блин, отдыхаем.

Классовая борьба

Одной фразой моя московская подруга сформулировала суть столицы: «Инфинити? Сань, ты чё?! У меня муж эти машины любовницам на прощание покупает, они потом на них в Ашан за картошкой ездят».

Она же: «Пойми, некоторые девушки, как чайные пакетики. Мужчины заваривают их максимум три раза, дальше – ну совсем бесцветно».

Она же: «Саш, бабе разводиться пора, когда она смотрит в зеркало и думает: „Так ему и надо“».

Московская дипломатка

«На первом свидании стал мне рассказывать, какая сука его бывшая. Я сразу ответила, что мой бывший прекрасный человек и отличный любовник. Больше он о своих бывших речи почему-то не заводил».

Врач

– А изнутри вы мне нравитесь гораздо больше, чем снаружи. Скажите, а вы свечами пользовались?

– Только в церкви...

– Продолжайте, но добавим с диклофенаком.

Успех

– Ты, конечно, многого добилась!

– Да я что... вот моя сестра выбилась в люди!

– А кто она?!

– Руководит криминологическим отделом морга.

Сенека

Шереметьево. Контроль. Приложил посадочный талон штрих-кодом к считывателю.

Сотрудница аэропорта подсказывает:

– Не убирайте сразу, это не человек, ему подумать надо.

Мачи

Москва-сити. Какой-то верхнепланктоновский шалман. За соседним столом сидят двое лет по 25–30. От дна оторвались, но якорь запутался, думаю, надолго. Обсуждают барышень, сидящих через несколько столов от них. Те им кокетливо улыбаются, накручивают волосы на палец, теребят вилки и эротично всасывают макароны. Вполне симпатичные. В какой-нибудь Германии королевами красоты стали бы легко.

Диалог щуплых, кислорожных мачо, которые в той же Германии могли бы претендовать лишь на соцпрограмму «Секс из милосердия»:

– Познакомимся с теми мурзилками?

– На хрена? В декабре глупо знакомиться. Скоро Новый год, потом Рождество, потом 14 февраля, потом Восьмое марта. Разоришься. Я, наоборот, всех сейчас выслал и в марте начну возвращать, а эти три месяца я – верный муж.

Осуждаю, но не читал

Увидев на мне футболку Personal Jesus с крестом, купленную мною на концерте Derezhe Mode в Германии, московский товарищ родом из КПСС серьезно и язвительно спросил:

– В религию ударился? Ну да, теперь это модно...

Опять свои

Сивцев Вражек. Пожилая пара на пешеходном переходе. Дедушка ринулся на красный.

Бабушка:

– Куда ты пошел? Собьют, и я не уверена, что сразу насмерть.

Ох уж эти москвички

Забегаю в лифт, в котором уже находится барышня. Шучу:

- Подвезешь?
- Дорогу покажешь?

Анти-Масляков

На паспортном контроле в Шереметьево сотрудница очень долго смотрит на мою фотографию в паспорте. Там я с длинными волосами и бородкой. Фотография не очень-то похожа на «оригинал». Наконец, барышня спрашивает, нет ли у меня еще какого-нибудь документа. Я нашел не самое лучшее время, чтобы повыпендриваться, и вяло посоветовал:

- А вы меня в гугле поищите.
- Хорошо, вы в гугл тогда и полетите.

Я быстро нашел в сумке права, свидетельство о рождении, трудовую книжку и флюорографию.

Не судьба

Захожу в отъезжающий в Москву аэроэкспресс. На сиденье, уронив голову на сумку, спит мужик. Даже по его позе видно, что последние несколько часов, а может и дней, он безудержно пил. Думаю, откуда же он прилетел такой расписной и как его вообще в самолет пустили? Приезжаем в Москву. Я его толкаю, он поднимает абсолютно осоловелые глаза и спрашивает:

- Где мы?
- В Москве.
- Ууууу... Все еще не поехали? Ну ладно.

И рухнул спать. Я понял, что «гражданин рассеянный» давно так катается. Но, в ответ на мои попытки его разбудить вновь, он лишь бурчал и ругался.

Ну, значит, не нужно ему лететь. Пусть поспит человек.

Антично

- Какой салат посоветуете?
- Новинка – «Брут».
- Почему он так называется?
- «Цезарь» так достал шеф-повара, что он его убил.

О правде

Услышал прекрасную «московскую» фразу относительно Крыма, хотя и к другим ситуациям вполне применимо:

«Ситуация неоднозначная, но контрольный пакет правды у нас».

ЗК

Домодедово. Скан перед проходом в зону вылета. Если помните, там не обыскивают, а установлена капсула с рентгеном.

Передо мной человек: пальцы в татуированных перстнях, безжалостно-веселый взгляд замутненных, но прожигающих воздух глаз, одеколон «Фаренгейт», черная водолазка. Все понятно.

Заходит в капсулу. Сотрудник аэропорта голосом, значительно более императивным, чем следует в данной ситуации, распоряжается:

– Ноги на знаки, руки поднимите.

«Блатной» медленно расставляет ноги на максимальную ширину, руки заводит за спину, сцепляет их в замок и выламывает вверх. Лбом упирается в стекло и со смехом спрашивает:

– Начальник, так нормально?

Спрашивает с огоньком, по-доброму, но таким голосом, что я думал стекло треснет, равно как и застывшее лицо оператора сканера.

Вежливее нужно быть с людьми. Порезать могут. Чай не Швейцария.

Стерли

Модное место. Лифт. Еду. Гламурные девушки улыбаются. Спрашиваю:

– Какое здесь ближайшее метро?

Физически ощутил свое исчезновение из их реальности.

Брал сегодня интервью у москвички, задаю вопрос:

– В телефоне мужа случайно увидели смс, которое начинается словами «Привет, котик». Будете дальше читать?

– Да.

– Читаете чужие смс?

– Смс чужой, а котик МОЙ.

Немного Швеции в невской воде

В юности я работал на шведское государство и с этим периодом моей жизни связано множество веселых питерско-шведских историй. Но все они как-то не выплывали из недр моей дряхлеющей памяти пока не попал я в стрессовую ситуацию, связанную со словом «Швеция». Этот триггер был таким сильным, что я сам себе напомнил героя фильма. а «Вспомнить все». А начиналась история совершенно по-русски.

Пролог: Антон и духовка.

Сотрудники подарили мне на День рождения поход в Спа. Идти не очень хотелось, но срок действия сертификата заканчивался, и еврейские корни понесли мои ноги в направлении Васильевского острова. Девушка на ресепшене объявила приговор: программа «Второе сердце мужчины», включая шведский массаж. Я не очень образован, но глубоко испорчен, поэтому второе сердце для меня однозначно – предстательна. я железа, а прилагательное «шведский» ассоциируется со словом «семья». В общем, пока я мечтал о том, как две нимфы массируют мое второе сердце, ресепшен грохнул:

– Идите в раздевалку, там вас встретит АНТОН.

«Милонова на них нет», – подумал я и отправился в раздевалку. Антон сопровождал меня на какое-то обертывание для усиления мужской силы.

Сразу вспомнил:

– Абрам, у меня, наконец, перестал стоять!

– И как ты?

– Как гора с плеч!

Так вот, далее Антон выдал мне пакет и сказал: «Наденьте». В пакете оказались одноразовые бумажные стринги... Сразу скажу: я в одноразовых бумажных стрингах – наиболее противозачаточное зрелище из всего виденного мною. Далее меня уложили в капсулу, обмазали мерзкими прованскими травами, завернули в пленку и выставили на пульте температуру. Я не раз пытался представить, как ощущает себя курица в духовке. И теперь понял. Антон нажал еще какие-то кнопки, раздались неприятные звуки, духовка заработала, а мой провожатый собрался на выход.

– А если... – нервно спросил я ему вслед.

– Если – кричи! – и он вышел.

Судя по его дежурному тону, «если» наступало часто. Минут через

пять в духовке стало жарковато, и я решил, что пора кричать. Индийская музыка и надпись на экране предлагали мне расслабиться, но горячий пар, кипятивший уды в бумажном пакете, особо расслабляться не давал.

Памятуя, что я в России, а значит:

1. Контроль температуры сломан; 2. Антон уже ушел.

«Курица», извернувшись, вытащила из духовки лапу и выключила пар. Экран вновь предложил расслабиться. Я согласился, но в это время обертывание, обещавшее мужскую силу, подействовало неожиданно. Я весь начал чесаться. А чесаться, если ты «курица» в духовке, очень сложно. Можно только ерзать под расслабляющую индийскую музыку. Через 30 минут Антон выключил адскую машину, а я, счастливый, встал под душ, стянул одноразовые стринги, смыл прованские травы и пошел на шведский массаж. Посещение духовки меня так испугало, что я стал вспоминать все, что знал о Швеции. В голове всплыли две чудесные истории:

Страх и ненависть в Петербурге

Как уже было сказано, начинал я свой карьерный путь с работы на вражеское государство. Ну, чтобы точно знать, как обустроить Россию и не повторить чужих ошибок. Пахал, согласно тысячелетней русской традиции, на варягов. Работу я любил. Она меня не любила, но терпела. Из особо радостных моментов: процедура отказа соотечественникам в заявке на участие в шведских госпрограммах, а также вип-эскорт шведских делегаций. В обеих ситуациях любовно предаешься «административному восторгу»(с). Не «пускаешь» ни тех ни этих. Россиян в Швецию, сочувственно объяснив их глубочайшую ущербность, ну а шведов за пределы своего визуального периметра, предварительно запугав тем, что у нас по улицам ходят медведи со скальпелями, которые вырезают иностранцам почки и продают вурдалакам-балалаечникам. Это был XX век.

В один из таких «эскорт-дней» я встречал в Пулков-2 группу шведских вредителей в составе пятнадцати человек. Некоторые посещали Россию впервые и даже дышали аккуратно, а в багаже малодушно прятали дрова, тушенку и цианистый калий. Для других это была...дцатая ходка в Нарнию, и себя они считали рейнджерами.

Посадив всех в автобус, я зарядил типичный «велком-текст» про мороз летом, спирт из крана на кухне и выдачу бронежилетов в гостинице. Рейнджеры глумились над вылезающими из орбит глазами «первоходок».

Неожиданно одна из шведок задала вопрос (беседа велась по-шведски, поэтому даю приблизительный перевод):

– А завтрак в отеле будет?

У шведских чиновников скромные зарплаты и еще более скромные суточные, поэтому вопрос имел практический смысл.

– Два раза в неделю, в понедельник и в среду.

Их визит начинался в четверг и заканчивался в воскресенье.

– А почему именно в эти дни? Можно как-то поменять? – обожаемые мною шведы покупались на любой «Кошмар на улице Вязов».

Я насупился и сообщил:

– В эти дни в отеле нет воды, и поэтому, чтобы как-то компенсировать трудности, выдают завтрак. Я могу попросить отключить вам воду, и тогда будет завтрак, – в моих глазах светились находчивость и услужливость.

Дочь викингов зависла и требовала немедленной перезагрузки,

а возможно, и замены ОС.

Рейнджеры не сдержали смешков.

– Шучу, завтрак, естественно, включен и это – всем вам знакомый шведский стол, – я не знал, как еще назвать безлимитный завтрак, а каждый советский пионер слышал, что система «ешь, пока не лопнешь» называется именно так. Моя подобострастная улыбка озарила всех капиталистов одновременно. В автобус вошла тишина.

– Какой стол?! – боязливым хором спросили трое «салаг» и один «дембель».

– Шведский... – понимая, что чего-то не понимаю, ответил я.

Другой дембель лениво прогундосил:

– Так русские почему-то называют буфет.

Кто не знает – «шведский стол» везде, кроме России, называют «буфет».

Перезагруженная шведка булькнула:

– Матс, это не смешно!

Мне тоже показалась не очень веселой фраза «русские называют». Я начал что-то подозревать.

– Ингрид, я серьезно. Хорошо еще, что ты не знаешь, что означает у русских «шведская семья».

Рейнджер был близок к оргазму всезнания. Особенно его радовал совершенно озадаченный взгляд вашего покорного слуги. Ведь, опять же, каждый советский пионер знает, что круче шведского стола могла быть только шведская семья, особенно если ни за то, ни за другое не нужно платить. Швеция, в принципе, казалась мне раем только благодаря этим словосочетаниям. Вечно голодному (в обоих смыслах) и нищеватому питерскому студенту нескончаемая еда и секс казались верхушкой пирамиды Маслоу.

Знающий дембель продолжал:

– Этот культурный феномен, Катарина, ты точно оценишь.

Катарина была в этой команде самой феминистичной.

– По никому не понятным причинам, – продолжал Матс, – русские называют семью, в которой мужчина живет с двумя женщинами, шведской. Если бы они знали, что вытерпеть даже одну шведскую жену почти невозможно, они бы так не говорили.

Шведы засмеялись, громче и короче всех смеялся швед, который приехал с женой. После двух наносекунд своего необдуманного хохота он был превращен взглядом своей супруги в радиоактивный пепел. Наутро Феникс был возрожден из пепла, но, судя по потухшему взгляду, на это раз

без члена и языка.

Катарина заиндевила и голосом Терминатора отчеканила:

– Александр, это правда?

В воздухе отчетливо запахло международным скандалом. Обычно Катарина немедленно шла в суд, даже если ей всего лишь подавали пальто в гардеробе. А тут такое общенациональное унижение. Россию она не очень любила. В то время как бабло, которое она выделяла на наши проекты, мы любили очень. Я понимал, что всю беседу в красках изложат моей начальнице, а то, что про шведскую семью начал не я, никого уже волновать не будет. Меня поставят к стенке. СТЕНКЕ! Как же я забыл!

– Катарина, самое смешное, что у нас и «шведская стенка» есть.

– А это еще что такое?!

Перевод стрелки сработал. Ураган «Катарина» изменил направление. Облегченно разжались те, что в Москве называются белым хлебом.

Я занялся подробным объяснением устройства шведской стенки, уроков физкультуры, других уроков в родной школе, системы народного образования, российских вузов, и так, пока автобус не доехал до Невского Паласа.

Вечером за оплаченным шпионами пивом «Балтика три» мы пытались найти причину появления в русском языке абсолютно неизвестных ни одному шведу словосочетаний «шведский стол», «шведская семья» и «шведская стенка».

Матс, неплохо знавший русский язык и русскую историю, мрачно шутил:

– Лучше стоять у шведской стенки, чем у русской.

Я ответил:

– Да скоро у вас в Швеции за мысли о шведской семье начнут ставить к русской стенке.

Карающий меч священного феминизма точили тогда в Скандинавии с особым неистовством.

– Поэтому я и люблю Россию, – лукаво улыбнулся швед мне и официантке. – Если мужик не пожил в России, он вообще непонятно зачем жил. Тебе домой не пора?

Я намек понял и с чувством глубокого патриотизма пошел домой. Но на следующий день меня ожидало не менее серьезное испытание в виде выгула той самой Катарины.

Разрыв шаблона

Девяностые были девяностыми и, несмотря на английскую школу и университет, часть моих знакомых ушла в конкретное флибустьерство с белками и «стрелками». И вот надо же такому случиться, чтобы эта «часть моего окружения» нашла меня в баре, в котором я решил выгулять вышеупомянутую Катарину. Отмечу кстати, что она была хороша собой, я бы сказал, дородна в нужных местах. Так вот, в тот же бар заглянула небольшая «бригада». На мою беду, в ней обнаружился мой «дружок». Мы отсели поболтать о «малых голландцах», но минут через десять, и уже на свою беду, к нашему столику подошла Катарина, чтобы что-то спросить. Получив ответ, она развернулась и удалилась. Глаза братка превратились в две ягодицы. Он спросил:

– Она с тобой?

Я с дуру ответил:

– Да.

– Заходил?

– Куда???

– Куда-куда, в нее!

Я поперхнулся.

– Нет, конечно!

– А я постучусь...

Не успел я осознать всех последствий этого «постучусь», как мой товарищ подошел к скандинавке и без разговоров взял ее крупной ладонью за выпуклые формы. Судя по перекосившемуся лицу, шведка данное ухаживание восприняла как локальную Полтаву. Мой товарищ ретировался, а фемина галопом прискакала ко мне и визжащим шепотом потребовала:

– Вызови полицию! Ты это видел?!

Я изрядно выпил, устал и поэтому, собрав в голове весь свой шведский, рискнул карьерой:

– Через десять лет уже никто так не сделает, наслаждайся.

Я был готов к любому ответу и даже к увольнению, но в шведке, судя по всему, моя фраза поменяла «прошивку». Она порозовела лицом, улыбнулась и задорно ответила:

– У меня целых десять лет впереди, но у нас в Швеции ни у кого яиц не хватит ТАК взять за задницу, потому что гребаные феминистки

кастрировали наших мужиков! Как твоего друга зовут?

А что было дальше, не важно. Важно, что хотя бы один вечер эта красивая, умная, но измученная феминизмом женщина почувствовала себя желанной, а не договорившейся. В общем я считаю, что внес в российско-шведские отношения неоценимый вклад и даже, возможно, сделал жизнь наших скандинавских друзей чуть более счастливой или уж по крайней мере запоминающейся.

Ответ ценою в десять лет

«Ужасные времена» со временем обязательно станут «старыми добрыми временами».

На днях обсуждали с отцом судьбу Ходорковского, и я отметил, что он сидит уже ЦЕЛЫХ десять лет. В ответ услышал трагикомическую историю о том, как мой прапрадед затроллил советскую власть.

Как и многие в моей семье, прапрадед прожил почти сто лет, до конца дней сохраняя ясность ума и буйность характера, о чем свидетельствует случай с разбитием табуретки о голову моей девяностолетней прапрабабушки. Мотивом для столь малоизысканной разборки была ревность. Но разговор не о семье, а о политике.

В 1967 году большевики отмечали золотую свадьбу с российским народом и масштабно привлекали трудящихся к торжественным мероприятиям. Прапрадеда сия чаша не обошла, и он был приглашен на торжественный прием районного масштаба. Знатным ленинцем предок мой не был (да и почти все они синхронно почили в 1937 году), пролетарием тоже не числился, но старейшим жителем района являлся.

За это достижение местные комсомольцы позвали дедушку в президиум, чем его немало озадачили. Такое приглашение было сродни участию бывшего мужа в новой свадьбе своей жены. Советскую власть дедушка не любил. Но советская власть, вероятно, об этом не догадывалась. В разгар заседания молодой товариЩ с карамельной улыбкой запланированно поинтересовался у дедушки, что же стало основной причиной его долголетия. Уверен, все ожидали ответа типа «революция» или по крайней мере «здоровый образ жизни», и уже занесли ладошки для аплодисментов, но все вышло иначе.

Дедушка спокойно встал, с равнодушным лицом сказал, что ничего особенного в его жизни на долголетие не повлияло (большевики тут же скисли). Потом расцвел лицом, как-будто вспомнил что-то важное, и выступил:

– Хотя, конечно, одно событие важную роль сыграло. Гости замерли в ожидании правильного ответа.

Дед взял паузу и «выстрелил» прямо в комсомольца:

– На суде всем по двадцать пять лет дали, а мне всего червонец.

В неприличной тишине дедушка сел на место. Рассказывают, что застывшие в ожидании оваций ладони уже теперь бывшего «будущего

партийца» осыпались, как осенние листья. Сам виноват, мог бы и заглянуть в личное дело.

Дед сказал чистую правду, в 30-е он, как и многие, был арестован и отсидел в ГУЛАГе от звонка до звонка. Но десять лет тогда считалось сроком гуманным. Шансов выжить было больше.

Так что, кому ЦЕЛЫХ десять лет, а кому и ВСЕГО десять лет.

Томатный сок

Повесть о женщине из другого времени

Я нечасто видел слезы моих друзей. Мальчики ведь плачут в одиночестве или перед девочками (футболисты не в счет, им все можно). При других мальчиках мы плачем редко, и только когда уж совсем плохо.

Тем острее врезались в память слезы моего друга, внезапно появившиеся в его глазах, когда мы ехали в Москву, и я налил себе томатный сок.

Теперь перейдем к изложению сути дела, веселой и поучительной.

В юности у меня было много разных компаний, они переплетались телами или делами, постоянно появлялись и исчезали новые люди. Молодые души жили, словно в блендере. Одним из таких друзей, взявшихся ниоткуда, был Семен. Разгильдяй из хорошей ленинградской семьи. То и другое было обязательным условием попадания в наш социум. Не сказать, чтобы мы иных «не брали», отнюдь, просто наши пути не пересекались. В 90-е разгильдяи из плохих семей уходили в ОПГ, либо просто скользили по пролетарской наклонной, а НЕразгильдяи из хороших семей либо создавали бизнесы, либо скользили по научной наклонной, кстати, чаще всего в том же финансовом направлении, что и пролетарии.

Мы же, этакая позолоченная молодежь, прожигали жизнь, зная, что генетика и семейные запасы never let us down. Семен, надо сказать, пытался что-то делать, работал переводчиком, приторговывал какими-то золотыми изделиями, иногда «бомбил» на отцовской машине. Он был очень старательным, честным и сострадающим, что в те времена едва ли было конкурентным преимуществом. Помню, сколько мы ни занимались извозом, обязательно находились пассажиры, с которыми Сеня разбалтывался и денег потом не брал. И еще он был очень привязан к родне, с которой познакомил и меня. Семьи у нас были похожи.

Молодые родители, тщетно пытавшиеся найти себя в лихом постсоциализме, и старшее поколение, чья роль вырастала неизмеримо в смутное время распада СССР. Эти стальные люди, родившиеся в России в начале XX века и выжившие в его кровавых водах, стали несущими стенами в каждой семье. Они справедливо считали, что внуков доверять детям нельзя, так как ребенок не может воспитать ребенка. В итоге, в семье чаще всего оказывались бабушки/дедушки и два поколения одинаково

неразумных детей.

Бабушку Семена звали Лидия Львовна. Есть несущие стены, в которых можно прорубить арку, но об Лидию Львовну затупился бы любой перфоратор. В момент нашей встречи ей было к восьмидесяти, ровесница так сказать Октября, презиравшая этот самый Октябрь всей душой, но считавшая ниже своего достоинства и разума с ним бороться. Она была аристократка без аристократических корней, хотя и пролетариат, и крестьянство ее генеалогическое древо обошли. В жилах местами виднелись следы Моисея, о чем Лидия Львовна говорила так: «В любом приличном человеке должна быть еврейская кровь, но не больше, чем булки в котлетах». Она была крепка здоровьем и настолько в здравом уме, что у некоторых это вызывало классовую ненависть.

Час беседы с Лидией Львовной заменял год в университете с точки зрения знаний энциклопедических и был бесценен с точки зрения знания жизни. Чувство собственного достоинства соперничало в ней лишь с тяжестью характера и беспощадностью сарказма. Еще она была весьма состоятельна, проживала одна в двухкомнатной квартире на Рылеева и часто уезжала на дачу, что, безусловно, для нас с Семеном было важнее всего остального. Секс в машине нравился не всем, а секс в хорошей квартире – почти всем. Мы с Семеном секс любили, и он отвечал нам взаимностью, посылая различных барышень для кратко– и среднесрочных отношений. Кроме того, Лидия Львовна всегда была источником пропитания, иногда денег и немногим чаще – хорошего коньяка. Она все понимала и считала сей оброк не больно тягостным, к тому же любила внука, а любить она умела. Это, кстати, не все могут себе позволить. Боятся. Бабушка Лида не боялась ничего. Гордая, независимая, с прекрасным вкусом и безупречными манерами, с ухоженными руками, скромными, но дорогими украшениями, она до сих пор является для меня примером того, какой должна быть женщина в любом возрасте.

Цитатник этой женщины можно было бы издавать, но мы, болваны, запомнили не так много:

«Докторская диссертация в голове не дает право женщине эту голову не мыть». Мы с Семеном соглашались.

«Деньги полезны в старости и вредны в юности». Мы с Семеном не соглашались.

«Мужчина не может жить только без той женщины, которая может жить без него». Мы с Семеном не имели четкой позиции.

«Сеня, ты пропал на две недели, этого даже Зощенко себе не позволял» (писатель, я так понимаю, в свое время проявлял к Лидии Львовне

интерес).

«Бабушка, а почему ты сама мне не могла позвонить?» – пытался отбояриться Семен.

«Я и Зощенко не навязывалась, а тебе, оболтусу, уж подавно не собираюсь. Тем более, у тебя все равно кончатся деньги и ты придешь, но будешь чувствовать себя неблагодарной свиньей. Радость не великая, но все же». Семен чуть ли не на руке себе чернилами писал: «позвонить бабушке», но все равно забывал, и его, как и меня, кстати, друзья называли «бабушкозависимый».

«Я знаю, что здесь происходит, когда меня нет, но если я хоть раз обнаружу этому доказательства, ваш дом свиданий закроется на бесконечное проветривание». Именно у Лидии Львовны я обрел навыки высококлассной уборщицы. Потеря такого будуара была бы для нас катастрофой.

«Значит так. В этой квартире одновременно может находиться только одна кроличья пара. Моя комната неприкосновенна. И кстати, запомните еще вот что: судя по вашему поведению, в зрелом возрасте у вас будут сложности с верностью. Так вот, спать с любовницей на кровати жены может только вконец опустившийся неудачник. Считайте, что моя кровать, это ваше будущее семейное ложе». Семен при своем полном разгильдяйстве и цинизме защищал бабушкину комнату, как деньги от хулиганов, то есть всеми возможными способами. Эта принципиальность стоила ему дружбы с одним товарищем, но внушила уважение всем оставшимся.

«Сеня, единственное, что ты должен беречь, – это здоровье. Болеть дорого, и, поверь мне, денег у тебя не будет никогда». Бабушка не ошиблась. К сожалению...

«Сеня становится похож лицом на мать, а характером на отца. Лучше бы наоборот». Эту фразу Лидия Львовна произнесла в присутствии обоих родителей Семена. Тетя Лена взглядом прожгла свекровь насквозь.

Дядя Леша флегматично поинтересовался: «А чем тебе Ленино лицо не нравится?» – и стал разглядывать жену, как будто и правда засомневался. Проезд по его характеру остался незамеченным. «Ленино лицо мне очень нравится, но оно совершенно не идет мужчине, как и твой характер», – Лидия Львовна либо и правда имела в виду то, что сказала, либо пожалела невестку.

«Я с тетей Таней иду в филармонию. С ней будет ее внучка. Прекрасная девушка, ты можешь меня встретить и познакомиться с ней. Мне кажется, она захочет подобрать тебя, когда ты будешь никому

не нужен». Внучка тети Тани подобрала другого. И как подобрала!

«Хорошая невестка – бывшая невестка». Вместе со свидетельством о разводе бывшие жены Сениного отца получали уведомление о наконец свалившейся на них любви бывшей уже свекрови.

«Семен, если ты говоришь девушке, что любишь ее, только ради того, чтобы затащить в постель, ты не просто мерзавец, ты малодушный и бездарный мерзавец». Надо сказать, этот урок мы усвоили. Ну, по крайней мере я – точно. Честность и открытость в помыслах всегда была залогом спокойного сна, быстрого решения противоположной стороны и дружеских отношений в дальнейшем, независимо от наличия эротической составляющей.

«Эх мальчишки... в старости может быть либо плохо, либо очень плохо. Хорошо в старости быть не может...»

Впоследствии я встречал немало относительно счастливых пожилых людей и не меньше несчастных молодых. Мне кажется, люди изначально живут в одном возрасте, и когда их личностный возраст совпадает с биологическим, они счастливы. Смотришь на Джаггера – ему всегда двадцать пять. А сколько тридцатилетних, в которых жизненной силы едва на семьдесят? Скучные, брюзжащие, потухшие. Лидия Львовна, как мне кажется, была счастлива лет в тридцать пять – сорок, в том чудном возрасте, когда женщина еще прекрасна, но уже мудра, еще ищет кого-то, но уже может жить одна.

Случилось так, что мне однажды не повезло (точнее, повезло) и я имел счастье общаться с Лидией Львовной в совершенно неожиданных обстоятельствах.

А начиналось все весьма прозаично. Я был отставлен своей пассивностью, пребывал в тоске и лечился загулом. Из всего инструментария, необходимого для этого, постоянно у меня имелось только желание. Однако иногда мне удавалось так впиться в какую-нибудь сокурсницу или подругу сокурсницы, что появлялся повод попросить у Сени ключи от бабушкиных апартаментов. По проверенной информации, Лидия Львовна должна была уехать на дачу. С ключами в кармане и похотью в голове я пригласил девушку якобы в кино. Встретились мы часа за два до сеанса, и мой коварный план был таков: сказать, что бабушка просила зайти проверить, выключила ли она утюг, предложить чаю, а потом неожиданно напасть. С девушкой мы один раз страстно целовались в подъезде и, судя по реакции на мои уже тогда распутившиеся руки, шансы на победу были велики.

Знакомить подругу со своими родственниками я не собирался, и поэтому представить апартаменты Лидии Львовны квартирой моей

собственной бабушки не представлялось мне такой уж проблемой. Фотографию Семена я планировал убрать заранее, но, естественно, опоздал и поэтому придумал историю о неслыханной любви бабули к моему другу, совместных каникулах и до слез трогательной карточке, которую я сам сделал, и поэтому меня на ней нет. Селфи тогда не существовало.

Все шло по плану. Подруга так распереживалась насчет утюга, что я еле успевал бежать за ней. Мне вот интересно, если нас создали по образу и подобию, значит, Бог тоже когда-то был молод и вот так бежал по небу... В общем, лестница была взята штурмом с остановками на поцелуи. Конечно, эти юношеские страхи (а вдруг не согласится) заставляют нас так торопиться, что иногда именно спешка все и разрушает. С губами в губах, я стал дрожащими руками пытаться запихать ключ в замочную скважину. Ключ не запихивался. «Хорошее начало» – всплыл в памяти классический каламбур.

– Дай я сама! – Моя любимая женская фраза. Зацелованная девушка нежно вставила ключ, повернула и... дом взорвался. Точнее, взорвался весь мир.

– Кто там? – спросила Лидия Львовна.

– Это Саша, – ответил из космоса совершенно чужой мне голос.

После этого дверь открылась. Не знаю, что случилось в моих мозгах, но экспромт я выдал занятный.

– Бабуль, привет, а мы зашли проверить утюг, как ты просила.

До сих пор не могу понять, как у меня хватило наглости на такой ход. Знаете, у интеллигенции есть прекрасное понятие «неудобно перед...». Объяснить его другой касте невозможно. Речь не о грубости или хамстве в чей-то адрес и даже не об ущемлении интересов. Это какое-то странное переживание, что подумает или почувствует другой человек, если ты сотворишь нечто, что, как тебе кажется, не соответствует его представлениям о мировой гармонии. Очень часто те, перед кем нам неудобно, искренне удивились бы, узнай они о наших метаниях.

Мне было крайне неудобно перед юной подружкой за то, что я привел ее в чужой дом с очевидной целью. И это чувство победило «неудобство» перед Лидией Львовной.

Думала она ровно секунду. Улыбнувшись уголками глаз, «дама» вступила в игру:

– Спасибо, но, видишь ли, я на дачу не поехала – чувствую себя не очень хорошо, проходите, чаю выпьете.

– Знакомьтесь, это... – со страху я забыл имя девушки. То есть совсем. Такое до сих пор иногда со мной происходит. Я могу неожиданно забыть

имя достаточно близкого мне человека. Это ужасно, но именно тогда я придумал выход из столь затруднительного положения.

Я неожиданно полез в карман за телефоном (тогда только появились Эриксоны небольшого размера), сделав вид, что мне позвонили.

– Извините, я отвечаю, – и, изображая разговор по телефону, стал внимательно слушать, как моя девушка представляется моей «бабушке».

– Катя.

– Лидия Львовна. Проходите, пожалуйста.

Я тут же закончил псевдоразговор, и мы прошли на кухню. Я бы даже сказал кухоньку, тесную и неудобную, с окном, выходящим на стену противоположного дома, но это была, пожалуй, лучшая кухня в Петербурге. У многих вся жизнь похожа на такую кухню, несмотря на наличие пентхаузов и вилл.

– Катя, чай будете?

Лидия Львовна учила ко всем обращаться на «вы», особенно к младшим и к обслуживающему персоналу. Помню ее лекцию:

– Когда-нибудь у тебя будет водитель. Так вот, всегда, я повторяю ВСЕГДА, будь с ним на Вы, даже если он твой ровесник и работает у тебя десять лет. «Вы» – это броня, за которой можно спрятаться от жлобства и хамства.

Лидия Львовна достала чашки, поставила их на блюдца, также достала молочник, заварной чайник, серебряные ложки, положила малиновое варенье в хрустальную вазочку. Так Лидия Львовна пила чай всегда. В этом не было надуманности или вычурности. Для нее это было так же естественно, как говорить «здравствуйте», а не «здрасьте», не ходить по дому в халате и посещать врачей, имея при себе небольшой презент.

Катины глаза приняли форму блюдца. Она тут же пошла мыть руки.

– Э-э-эх, Сашка, ты даже имени ее не помнишь... – Лидия Львовна тепло и с какой-то печалью посмотрела на меня.

– Спасибо вам большое... простите, я не знал, что делать.

– Не переживай, я понимаю, ты же воспитанный мальчик, неудобно перед девушкой, она еще молоденькая, должна соблюдать приличия и по чужим квартирам не ходить.

– Имя я случайно забыл, честное слово.

– А что с Ксеньей? – Как я уже сказал, я недавно расстался со своей девушкой. Мы встречались несколько лет и часто бывали в гостях, в том числе у Лидии Львовны.

– Ну, если честно, она меня бросила.

– Жаль, хорошая девушка, хотя я понимала, что все этим кончится.

– Почему? – Ксеню я любил и разрыв переживал достаточно тяжело.

– Понимаешь, ей не очень важны хорошие и даже уникальные качества, составляющие основу твоей личности, а принимать твои недостатки, которые являются обратной стороной этих качеств, – она не готова.

Честно скажу, я тогда не понял, о чем она говорит, и потом еще долго пытался изменить в людях какие-то черты характера, не сознавая, что именно они являются неотъемлемым приданым к восхищавшим меня добродетелям.

Вдруг по лицу Лидии Львовны пробежала тревога:

– Сашенька, ты только с Сеней продолжай дружить, он хороший парень, добрый, но нет в нем ярости, а она должна быть у мужчины, хотя бы иногда. Я очень за него волнуюсь. Присмотришь за ним? У тебя все в жизни получится, а у него нет, пусть хоть друзья достойные рядом будут. Обещаешь?

Я впервые видел какую-то беспомощность во взгляде этой сильнейшей из всех знакомых мне женщин. Самая большая плата за счастье любить кого-то – это неизбежная боль от бессилия помочь. Рано или поздно это обязательно случается.

Катя вернулась из ванной комнаты, мы выпили крепко заваренного чая, поговорили о чем-то и ушли.

Через неделю Лидия Львовна умерла во сне. Сеня так и не успел к ней заехать, потому что мы опять куда-то умотали на выходные.

Месяца через два мы поехали с ним в Москву. «Красная стрела», купе, целое приключение для двух оболтусов. В нашу келью заглянул буфетчик, и я попросил к водке, припасенной заранее, томатного сока.

Открыл, налил полный стакан и взглянул на Сеню. Он смотрел на мой сок и плакал. Ну, точнее, слезы остановились прямо на краю глаз и вот-вот должны были «прорвать плотину».

– Сенька, что случилось?

– Бабушка. Она всегда просила покупать ей томатный сок.

Сеня отвернулся, потому что мальчики не плачут при мальчиках. Через несколько минут, когда он вновь посмотрел на меня, это уже был другой Сеня. Совсем другой. Старее и старше. Светлый, но уже не такой яркий. Его лицо было похоже на песок, который только что окатила волна. Бабушка ушла, и он, наконец, в это поверил, как и в то, что больше никто и никогда не будет любить его так.

Тогда я понял, что, когда умирает близкий человек, мы в одну секунду испытываем боль, равную всему теплу, какое получили от него

за бесчисленные мгновения жизни рядом.

Некие космические весы выравниваются. И Бог, и физики спокойны.

Приложение, или Bonus Track

Волга-волга. Римейк 2009

Записки неожиданного путешественника

Волга

Путешествие проходило по «великой русской реке» (с этим словосочетанием я просыпался и вставал двенадцать дней...). Сразу хочу сказать – Волги больше нет (по крайней мере до Казани). Есть сеть соединенных между собою искусственных озер, появившихся по воле КПСС. А в тех местах, где Волгу не тронули, она весьма узкая и совершенно «не великая» река, хотя и действительно живописная. Уже Невы даже. А вот эти озера... На самом деле это водохранилища, созданные путем перекрытия течения Волги и затопления всего, куда вода могла затечь, пока ее снова не пускали в обычное русло. Во время затопления под водой оказались... нет, не леса и болота, – села и города! Плывешь так по Рыбинскому водохранилищу, восход встречаешь, ощущаешь, наконец, близость к природе и вдруг видишь, из воды – колокольня. Сначала не веришь глазам – вокруг же вода, а потом понимаешь – под тобой город, и холод такой сквозь тело проходит. А ведь там под килем люди жили и умирали. Веками.

Руссо туристо

Понедельник, семейная пара предъявляет претензии руководителю круиза:

– Что за безобразие?! Ни слова о том, где мы плывем! У вас что, зря громкоговорители по всей палубе? Могли бы что-нибудь рассказать.

Среда. Та же семейная пара тому же руководителю, которая теперь регулярно по корабельному вещанию рассказывает о проплываемых нами городах и весях:

– Вы о чем думаете?! Мы что, в университете на лекции?! Что вы на весь пароход свою экскурсию долдоните? Может, мы просто хотим на Волгу посмотреть, а вы утром и вечером: «Посмотрите направо,

посмотрите налево».

Из высказываний руководителя круиза (кстати, милейшая женщина и настоящий профессионал)

Ее слова всегда звучали вовремя, и я периодически буду к ним возвращаться:

«Убедительная просьба, сходя на берег, сдавать ключ от номера и потом, возвращаясь на борт, сразу забирать. Поймите, у нас все просто: есть ключ – есть человек, нет ключа – нет человека».

Канал

Чтобы доплыть до Волги, теплоход шел по каналу имени Москвы. Одна из известных строек 30-х годов прошлого века, на которых активно применялся рабский труд. Слово зэк (ЗК), насколько я понял, появилось именно тогда. Если я верно услышал, то ЗК – это аббревиатура от слов «заключенный канала». Канал отстроили в рекордные сроки, и это не просто слова. Объем работы действительно был огромен, равно как и страдания людские. Вот что сказал экскурсовод: «Ни в коем случае не хочу оправдывать Сталина, но в его действиях по крайней мере был некий (хотя и бесчеловечный) рационализм. Все, что построено трудом рабов, до сих пор составляет основу экономики РФ. Правда, непонятно, зачем нужно было гробить собственное образованное население. Почему нельзя было завоевать этих рабов, как делали все приходящие на память империи. Но вопрос не в этом. В 1703-м в дельте Невы началась стройка не менее объемная, чем сталинские, и точно такая же по принципу. Сотни тысяч дешевых рабов из собственного населения. Вот только рационализма в ней было значительно меньше. Зачем было строить город на болоте и оставлять в нем этих рабов, если всего лишь в нескольких километрах выше по течению (там, где сейчас Большеохтинский мост) разумные шведы за 500 лет до Петра строили город на высоком берегу».

Ребенок в библиотеке теплохода

«Саша, давайте я Вам скажу, что лучше прочесть, тут есть полка – на ней книги, как у нас дома. У нас вообще дома только эти книги. Мама их так любит, а мама только хорошие книжки читает. Пойдемте, покажу».

Ребенок привел меня к стеллажу, аккуратно заставленному произведениями Дарьи Донцовой...

Отечественный производитель

Казанский экскурсовод убеждал всю группу, что не купить вершину татарского народного промысла – вышитую тюбетейку – это преступление перед всем татарским народом. Я купил сразу три, с умилением представляя, что мои деньги пойдут на оплату труда местных бабушек. Вечером я, матерясь, отрезал от каждой из них крепко пришитую бирку «Made in China».

Из высказываний руководителя круиза

«У нас принудительная побудка по громкоговорителям на палубе. Просьба их не выламывать. Надоело».

Мышиный маркетинг

Мышкин – город, демонстрирующий чудо маркетинга. В городе, кроме трех тысяч населения и смешного названия, нет ничего. И из названия сделали индустрию. Мышей в городе больше, чем людей. Начинается мышинизация с того, что на причале гостей встречают цыгане с песней «Эх, раз!» в костюмах... мышей. Далее ряды сувенирных мышей из глины, дерева, стекла и т. д. Потом музей мыши, мышинная мельница, мышкинские палаты и что-то еще на ту же тему. Людей, проводящих свое рабочее время в невообразимых костюмах мелких грызунов, я видел еще много. Дети в восторге, туристы скупают мышей. Реальные мыши такого издевательства над своей культурой вероятно не выдержали. Настоящей полевки я так и не встретил.

Дороги

На одной из мышкинских улиц, которая напомнила, скорее, склад камней, экскурсовод сказал, что до революции это была каменная мостовая, ровная, как паркет, – так плотно и ровно были подогнаны камни. Ничего лучше в плане дорог с тех пор в городе сделано не было...

Про бедных и богатых

Как рассказал мышкинский гид, в городе и до революции было тысячи три народу (я задумался: в доме, где я вырос, проживало две тысячи человек, но речь не об этом). Так вот, на три тысячи населения только купцов первой гильдии было трое. Купец первой гильдии в то время – это серьезно, почти олигарх. Купцы второй и третьей гильдий тоже не бедняки, а их в маленьком Мышкине были десятки. А еще были зажиточные крестьяне, ремесленники и т. д. Дома их до сих пор сохранились. Так что байки о том, что до революции богато жили только дворяне в Петербурге, а остальная Россия представляла целиком сцену пьесы «На дне», – это очередной пиар. Сразу вспомнил растиражированную историю про внучку декабриста, которая спрашивает: «А чего хотят большевики?» Ей отвечают: «Чтобы не было богатых». – «Странно... Дедушка хотел, чтобы не было бедных». Сегодня в Мышкине не то что олигархов, просто состоятельных людей не найдешь.

Из высказываний руководителя круиза

«Ключи от номера, бывает, ломаются. Но если их не ломать, то они ломаться не будут, а если ломать, то будут, так что лучше не ломайте».

Лень во благо

Мышкинский храм не снесли в 1930-е. Причина: оказалось, лень было искать машины, чтобы вывезти будущие развалины. Вот и не снесли. Российское разгильдяйство – основа выживания страны.

Бесплатный хор

В Мышкине впервые столкнулся с повсеместным, как потом оказалось, явлением. Нас привели в небольшую часовенку, где мужской хор исполнил церковное песнопение и что-то из народного. Пели великолепно, просто дух захватывало. Система оплаты простая. Слушателям было предложено оставить на свое усмотрение небольшое пожертвование. Понравилось не только мне – это было видно по глазам, но деньги оставили единицы. Странно. Многие потом объясняли, что это обычный

туристический аттракцион, и гордо говорили, что на такой лохотрон не разводятся. Возможно и так, но если ты такой умный, то зачем идешь слушать? Или десять рублей жалко?..

Пляжный волейбол

Как я уже писал, каждый причал – это выставка достижений гостеприимства. Где цыгане в мышинных костюмах, где скоморохи, а где и хлеб-соль. Город Плес решил вопрос по-другому. Прямо у причала разбита волейбольная песчаная площадка, на которой две барышни в бикини перекидывают мяч через сетку. Весь мужской состав нашего теплохода «в открытую» (если смелые или без жен) и «в закрытую» (если с семьей) пожирала глазами девиц, прыгающих в песок. Вот так дешево и наглядно встречают туристов на Волге.

Два рубля

Не помню, какой город, – рыночек у причала. Бабушка продает малину. Спрашиваю: «Почем?» Ответ: «Сынок, вообще-то 18 рублей, но если возьмешь два стакана, то 16». ДЛЯ НЕЕ ДВА РУБЛЯ – ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДЕНЬГИ.

Сдача

Такой же рынок. Девушка продает землянику. Спрашиваю, почем. Ответ: «70 рублей стакан». Я забираю стакан и отдаю сотню. Девушка поискала сдачу и, немного стесняясь, предложила: «Сдачи нет, возьмите два стакана за сто, хорошо?»

Из высказываний руководителя круиза

– На причале в городе N. вы увидите лотки с копченой рыбой. Пахнет фантастически, выглядит вкусно... – В этот момент она мечтательно посмотрела вдаль, вероятно, представила кусок этой рыбы у себя на тарелке, потом собралась и, заморозив лицо и речь, продолжила: – Покупать не надо. Врач у нас один.

На законный вопрос оторопевших туристов: «А что, отравимся?» она

не менее строго сказала:

– Да, случаи были, хотя, скажу честно, отравление рыбой полностью зависит от качества и количества пива...

Рыбу я так и не купил.

Судьба

В городе Мышкине есть небольшой мемориал в память о героях войны. Часть композиции – барельефы с Героями Советского Союза. Примечательна судьба одного из них. Прошел всю войну, совершал безумные по смелости вылазки. Закончил войну в Берлине. За четыре года ни одного ранения. Погиб по дороге домой в ДТП.

Ярославский юморист

Гид в городе Ярославле заслуживает отдельной страницы. С одной стороны – блестящее знание материала, неординарное собственное мнение, с другой – формулировки, от которых, как говорила моя учительница химии, «хоть стой, хоть падай».

«Купцы такие-то были в большом почете, так как являлись СПОНСОРАМИ династии Романовых». Хотел бы я пакет увидеть спонсорский. Кстати, как потом выяснилось, спонсорский взнос и тогда платили бартер + деньги.

«Город и округа были богатые, но в Смутное время многое поляки разорили, но, в основном, простые русские люди разграбили».

«Сейчас идет реконструкция здания нашей Думы. Главная задача – чтобы у каждого народного избранника был в кабинете свой туалет».

«Это было еще в демократический период нашей истории, то есть в 1990-е».

«Патриотизм, поддержанный финансово, – это всегда более яркий патриотизм».

Особое внимание уделю тому, как ярославский гид описывал фрески одного из местных храмов. Сразу отмечу, что детей в группе было немного, в основном взрослая и образованная публика. Тем колоритнее звучат следующие слова: «Фрески – это как комиксы: кто куда пошел, кому что сказал. Вот, например, посмотрите на левую фреску. Приходит архангел к Деве Марии и говорит: „Будешь матерью Мессии“. Ну, Дева Мария

как настоящая женщина сначала отказала, потом все-таки согласилась. С Иосифом в следующем эпизоде оказалось немного сложнее, он никак не мог понять, чего от него хотят».

После такого описания группа наша даже перестала смеяться, так как все находились в предвкушении кульминации такого вольного изложения Библии. И мы дождались... Пройдя к другой стене, на которой были изображены сюжеты из загробной жизни, наш Эзоп хитро улыбнулся и произнес: «А вот на этой фреске вы можете увидеть, что ждет каждого из вас. (Можно подумать, его не ждет.) Из этих изображений следует, что каждый, кто много работает и плохих дел не делает, попадает куда???»

Тут Эзоп прищурился, как Ленин в детских книжках, обвел вопрошающим взглядом уже совершенно сбитых с толку атеистов и верующих, задержал дыхание (как и все мы вместе с ним) и всех успокоил: «Правильно! В рай! Переходим в следующий зал».

Вспомнил: «А того, кто плохо кушает, заберет Баба-яга».

Памятники рукотворные и нерукотворные

Никогда нельзя недооценивать народный юмор. Он может убить любую идеологию. В Ярославле на центральной площади недавно поставили памятник основателю города Ярославу Мудрому. Стоит он, держа на ладони макет будущего города, который, как я понял, чуть ли не сам сделал. Выглядит, как мальчик из «Лего», пришедший к папе хвастаться. Но народ пошел дальше. За Ярославом на площади расположена кондитерская фабрика. Ярославцы прозвали монумент «Мужик с тортом».

В Рыбинске экскурсовод сообщил, что мы едем смотреть памятник «Ленин в Зимнем». В нашей группе у многих разыгралось воображение: как же выглядит такой монумент в Рыбинске? Автобус остановился, мы вышли и увидели... обычного Ильича в зимней шапке и в пальто с воротником. Браво, рыбинцы!

Странный герб

По легенде, Ярослав Мудрый зарубил секирой в местных лесах какую-то важную медведицу, наводившую ужас на округу. Герб Ярославля выглядит так: медведица бодро вышагивает, заправски держа на плече...

секиру. Как спросил Филипп Филиппович Преображенский у тов. Швондера: «Простите, кто на ком стоял?»

Из высказываний руководителя круиза

«Просьба не курить в каютах. Теплоход весь выгорает за 30 минут. Целиком».

Нет, я все понимаю, но его что, специально строили из такого материала, чтобы как бенгальский огонь???

Опять власть меняется

Помните, как, по-моему, в «Неуловимых...» или в «Свадьбе в Малиновке» один герой все время менял буденновку на фуражку с кокардой. Так вот, в Ярославле в начале улицы обычно висит табличка с перечнем всех названий, которые менялись у данной улицы на протяжении всей бурной российской истории. У одной из улиц названий оказалось пять. Голосуй сердцем!

Звон из Малины

Как я узнал в Ярославле, малиновый звон к малине не имеет никакого отношения. Есть в Бельгии город Малина (Малена), знаменитый своими колоколами. Вот откуда такое «ягодное» название.

Мне два «Молотова», п-ста

Во время войны финское изобретение – легковоспламеняющаяся жидкость под гламурным названием «Коктейль Молотова» – получило широкое распространение. В Ярославле его производили особенно много. Выпускал этот «напиток»... местный ликеро-водочный завод.

Из высказываний руководителя круиза

Вопрос от пассажиров:

– Простите, а нет ли на теплоходе стола для настольного тенниса?

Ответ:

– Нет. Равно как и кортов для большого тенниса и площадки

для гольфа.

Сразу вспомнил Бендера:

– А что, невесты в городе есть?

– Кому и кобыла невеста.

– Вопросов больше не имею.

Сельский фанк

Город Чкаловск по размеру и достопримечательностям похож на город Мышкин. Только там – культ мышей. Здесь – культ Чкалова. И, в общем, всё. Но чкаловцы, вероятно, решили добавить немного русского колорита и предложили прибывающим экскурсию в Дом ремесел. Экскурсия эта требует отдельного описания. Градостроительно Чкаловск похож на садоводство, у которого в центре есть маленький район «хрущевок». От причала к «хрущевкам» ведут обычные садоводческие улицы. И вот представьте, как по такому сельскому проспекту идут гуськом (по двое не влезть на тропинку) семьдесят (!) буржуазно одетых туристов, а впереди – экскурсовод с мегафоном. По обе стороны дороги из ветхих домов начинают вылезать жители, чтобы поглазеть на эту демонстрацию. Я не сразу понял: это нам показывают Чкаловск или нас показывают Чкаловску? Дети, сидящие на заборе, отпускали соответствующие шутки, а одна из наших туристок сказала, что именно так представляла себе проход пленных немцев.

Сначала было смешно, а минут через сорок этого марафона те, кому за шестьдесят (некоторые дамы были на каблуках), сообщили, что дальше не пойдут, и вообще, по их мнению, Сусанин жил в Костроме, а не в Чкаловске. После небольшого стоячего привала, точнее в силу узости тропы, это выглядело, как пробка на дороге, мы пошли дальше и вошли в центр города, напомнивший мне микрорайон на проспекте Ветеранов, но только в сильно запущенном состоянии. Как говорилось выше, шли мы в Дом ремесел и представляли себе русскую избу с изразцами и т. д. В микрорайоне подобного сооружения не наблюдалось, и мы решили, что изба за ним. Каково же было удивление, когда мы вдруг остановились у одного из подъездов «хрущевки». Из подъезда вышли три заспанные барышни, одетые в подобию народных костюмов, вынесли советский магнитофон, включили русскую народную песню и начали совершать несогласованные движения с какими-то цветными одеялами. Из окружающих окон тут же выглянули чкаловцы и стали, осыпая тротуар

семечковой шелухой, наблюдать шоу, так сказать, из ВИП-ложи. После прелюдии всех пригласили собственно в «дом». Им оказалась трехкомнатная квартира, в которой вышивали и лепили в лучших традициях уроков труда пятого класса. В квартиру, как понятно, поместились не все. Остальные долго и с юмором обсуждали целесообразность всего похода и решили, что по-другому город Чкаловск мы бы точно не запомнили.

Посреди всего столичного ехидства одна женщина грустно сказала: «А вы проживите на три тысячи, тем более что и за такую зарплату работы здесь нет, тоже будете с одеялами танцевать на глазах у соседей, но не у каждого силы духа хватит». Стало стыдно.

Чкаловск. Комментарий экскурсовода

«Был у нас один завод, который всем работу давал, но его начали делить и уже три года поделить не могут. Вот он и загнулся...» («Так не доставайся же ты никому!» Н. Островский.)

Чкаловск. Комментарий экскурсовода

«Музея Чкалова толком не было, но к какому-то юбилею к нам собрались американцы, и стало неудобно. Сделали полноценную экспозицию с самолетами и машинами. Ждем, когда будет опять „неудобно“ перед иностранцами, чтобы все доделать».

PR по-чкаловски

Знаменитый перелет через Северный полюс (60 часов при температуре минус 25° С в маленькой железной коробке с одним мотором, без шансов выжить в случае любой поломки) совершили три человека. Но большинство знает лишь о Чкалове. Его дочь действительно посвятила всю жизнь пиару (как мы бы сказали сегодня) своего отца. А это заслуживает уважения. Жаль, двум остальным повезло меньше, но их подвиг не менее значим. Их звали Георгий Байдуков и Александр Беляков.

Позиция

В Костроме памятник вождю мирового пролетариата стоит на огромном постаменте, ранее предназначавшемся для памятника

трехсотлетию дома Романовых. Кстати, как пишут в учебниках, татаро-монголы после битвы на Калке положили русских пленных на землю, сверху положили доски и на них уже праздновали.

Из высказываний руководителя круиза

«Завтра мы поедем в деревню N. На экскурсию. Можете не брать еду с собой, там угостят топленным молоком и солеными огурцами. Будет весело».

Свои и чужие

(Из речи экскурсовода)

«Российские города разорялись чужеземцами множество раз. Каждый раз их восстанавливали, и они даже становились лучше. Так, чтобы уже безвозвратно потерять возможность к развитию, разоряли нередко свои. Углич – Борис Годунов. Псков – Иван Грозный. Новгород – Иван Третий, а потом добил Иван Грозный. Рыбинск – большевики. В рыбинском музее есть великолепная выставка купеческой жизни. Очень много фотографий купцов, интеллигенции, старательных крестьян, изобретательных рабочих, и у большинства – одна общая деталь биографии. Год смерти–1918. Есть некоторые долгожители, но у них тоже редкое единство – 1937».

«Массовый героизм»

В истории Великой Отечественной войны этот термин используется очень часто, и действительно, читая воспоминания о том времени, понимаешь, что подвиги совершались целыми дивизиями. Вот только иногда героическая гибель этих дивизий была вызвана либо преступными ошибками командования, либо привычкой о цене не думать, даже если цена – жизнь солдата. Под Ржевом (рядом с Волгой, тоже экскурсовод рассказывал) трупы в пять-шесть рядов друг на друге лежали месяцами, а по ним следующие смертники шли штурмовать хорошо укрепленные немецкие доты. Через год, угробив, по мнению многих историков – бесцельно, два миллиона солдат, решили, что, наверное, что-то не так с планированием. Цифра потерь озвучена экскурсоводом и, возможно,

ошибочна, но я тоже читал, что под Ржевом погибло больше, чем под Сталинградом. И правду об этой операции стали говорить лишь более шестидесяти лет спустя.

Ценности

(Из речи экскурсовода по Чебоксарам)

«Посмотрите налево, образец русского зодчества – храм, построенный в XVIII веке и восстановленный несколько лет назад. Посмотрите направо – ресторан быстрого питания „Макдоналдс“. Открыт в 2004 году. Вмещает двести человек».

Я не шучу. Так и сказала.

Из высказываний руководителя круиза

«Если берете книгу из библиотеки, возвращайте, и если можете – две, так как до вас многие не возвращали ни одной».

Хотели, как лучше

В одном из волжских городов тоже есть свой «Храм Христа Спасителя», но, в соответствии с господствующей религией, там это – огромная мечеть, построенная совсем недавно. Действительно красиво и так же, как и в Москве, пока ощущение музея, а не места молитвы. Но это, думаю, все-таки вопрос времени. Одна вот незадача. По словам экскурсовода, при постройке выяснилось, что под мечетью кладбище... Говорят, что местные жители в такую мечеть уже не ходят. Остается водить туристов.

Без названия

В Мекке находится Черный Камень. Семикратное прохождение вокруг Черного Камня – главная часть хаджа. Рядом с главной мечетью в Казани тоже стоит камень. Это просто камень, поставленный в честь начала строительства мечети. Ушлые экскурсоводы впаривают доверчивым

приезжим мусульманам, что это чуть ли не местный Черный Камень, и можно регулярно наблюдать, как вокруг этого куска бетона искренне верующие в серьезность своих действий совершают несколько кругов. Нет, ну как не стыдно?! Это все-таки не одно и то же, что сувениры продавать китайские...

Номер

Подхожу к церкви в одном из городков. Спрашиваю: «А как войти внутрь?» Прохожий отвечает: «А постучись, батюшка вроде здесь», – и смотрит на припаркованную машину Land Cruiser, Госномер С001СС.

Самовар на войне

В Музее самовара узнал несколько интересных фактов. До революции самовар стоил около 15 рублей (дом в деревне мог стоить 20). Во время войны в Афганистане самовары активно использовались для приготовления пищи. Огня не видно, и ночью солдаты не нарушали маскировки.

Совет

В одной из волжских церквей местная бабушка только что поставленные свечи тушила и складывала в коробочку (побыстрее на переплавку). В другой церкви почти догоревшие свечи бабушка заботливо переставляла в центр, чтобы остальным было удобнее ставить новые, но следила чтобы старые догорели до конца... Эта история как нельзя лучше иллюстрирует мои впечатления от поездки, в которой я увидел и много печального (в основном материального) и немало радостного (в основном духовного). Я бы всем рекомендовал не отбрасывать идею посмотреть на нашу страну не из окна московского ресторана, а через проем двери церкви где-нибудь в Кинешме или глазами тетушки, продающей ягоды на причале в городе Мышкин.